

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
СВОЕ. ЧУЖОЕ. УНИВЕРСАЛЬНОЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА
2019

ББК 81
М 43

Серия
«Теория и история языкознания»

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:
E.O. Опарина – канд. филол. наук,
редактор-составитель, ответственный редактор;
М.Б. Раренко – канд. филол. наук

М 43 **Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: Свое. Чужое. Универсальное:** Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-инф.м. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Опарина Е.О. – М., 2019. – 192 с. – (Сер.: Теория и история языкознания).
ISBN 978-5-248-00920-6

В сборнике рассматриваются вопросы межкультурной коммуникации в современном мире: специфические национально-культурные традиции, общий культурный фонд, объединяющий носителей разных языков, а также трансформации представлений, стереотипов, традиций, обусловленные временем.

Для специалистов в области теории языка, лингвокультурологии и других направлений гуманитарного профиля.

ББК 81

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

<i>Е.О. Опарина.</i> Трансформационные процессы в культуре и их выражение в языке	5
---	---

1. ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Е.Р. Иоанесян.</i> СВОБОДА в языковой картине мира	9
<i>М.Л. Ковшова.</i> Онимы как носители стереотипных представлений: (На материале русских паремий и идиом)	25
<i>П.С. Дронов.</i> Особенности употребления идиом, принадлежащих к семантическому полю ПЕЧАЛЬ	43

2. ДИСКУРСЫ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА В НАШЕ ВРЕМЯ

<i>В.И. Карасик.</i> Осмысление приватности и публичности в эпоху глобализации	50
<i>Н.В. Уфимцева, О.В. Балансикова.</i> Этничность как конфликтогенный фактор: (На материале сетевых коммуникаций)	66
<i>А.В. Нагорная.</i> Дискурсивное конструирование феноменов старости и старения: Опыт англоязычных стран	77

3. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ОПЫТ

<i>Н.М. Нестерова.</i> «Свое / чужое» в переводе	89
<i>Т.Н. Красавченко.</i> Литературный перевод как средство межкультурной коммуникации: Русская классика в Великобритании и США	102
<i>М.Б. Раренко.</i> К вопросу о переводе И.А. Буниным поэмы «Песнь о Гайавате» и стихотворения «Псалом жизни» Г.У. Лонгфелло	121

4. ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

<i>И.В. Зыкова.</i> О статусе и специфике зоны межъязыкового перевода в микроструктуре словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда».....	135
<i>Е.О. Опарина.</i> Взаимодействие «своей» и «чужой» культур в интерпретации художественного текста: Опыт изображения негативного контакта: (На примере фильма А. Кайдановского «Жена керосинщика»).....	158

5. ОБЗОР. РЕФЕРАТ

<i>Е.О. Опарина.</i> Личность – культура – дискурс. Обзор	173
Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии: Коллективная монография. Реферат. (Автор реф. <i>М.И. Кюссе</i>).....	183

ВВЕДЕНИЕ

Е.О. Опарина

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРЕ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Тема, вынесенная в заглавие сборника, представляет собой один из важных разделов антропологического направления в современной лингвистике. Межкультурная коммуникация, ставшая особенно интенсивной в наше время, которое характеризуют как эпоху глобализации, во многом определяет и ускоряет трансформационные процессы в духовной и материальной культурах носителей разных языков. Множество условий современной действительности способствуют изменениям в системах представлений и ценностей человека, что неизбежно проявляется в языке и в его функционировании. Среди таких факторов – резко возросшая роль массмедиа; усиленная миграция, вызванная различными причинами; включение в межкультурную коммуникацию широких групп населения; развитие билингвизма и полилингвизма; изменение среды жизни (например, поликультурная среда многих современных городов).

Интенсивный динамизм культуры в наше время ведет к пересмотру того, что традиционно квалифицируется в соответствии с привычной оппозицией «свое» vs «чужое». Традиционное «свое» подвергается изменениям под влиянием новых социальных условий и инокультурного воздействия. Так, например, изменилась оценка понятий 'амбициозность' / 'амбициозный' в современной русской культуре. «Чужое», трансформируясь и адаптируясь в новой культурно-языковой ситуации, может стать своим. Общественно-политические и научные понятия и их языковые обозначения распространяются по миру, становясь универсальными. Пример – англоязычная политическая и экономическая терминология, а также язык массмедиа.

Поэтому в наше время важно понимать как специфику традиций и культурных стереотипов, которыми руководствуются носители разных языков и культур, так и тот культурный фонд, который является или становится для них общим. Именно это соображение обусловило представленный в сборнике ракурс лингвокультурологической тематики.

Теоретическим основанием данного сборника, при определенных различиях в подходах авторов к исследуемым вопросам, является убеждение в том, что язык и культура представляют собой две самостоятельные, но тесно связанные сферы жизнедеятельности человека.

Тема динамичного взаимодействия языков и культур имеет множество граней. Разумеется, в пределах одного сборника невозможно представить данную тематику сколько-нибудь полно. Однако авторы стремятся отразить ее разнообразие.

Одна из ключевых тем лингвокультурологии – способы воплощения знаков культуры в семантике языковых единиц и условия семантических и концептуальных изменений. Е.Р. Иоанесян анализирует развитие значений слов, выражающих понятие СВОБОДЫ в ряде европейских языков. Концептуальные связи устанавливаются автором на основе закономерностей семантической деривации соответствующих лексем. В статье М.Л. Ковшовой объектом исследования являются антропонимы, репрезентирующие стереотипные представления носителей языка в русских парамиах и идиомах. В центре внимания автора – жанр загадки и особенности стереотипизации имен собственных в этом жанре. В статье П.С. Дронова, также посвященной лингвокультурологическим особенностям фразеологизмов, исследуется специфика употребления и модификации русских идиом, выражающих понятие ПЕЧАЛИ. Данное семантическое поле, выражающее эмоцию, имеет культурную специфику; при этом устанавливается зависимость лексико-грамматических изменений идиом не только от их семантики, но и от ситуации общения.

В ряде статей исследуются особенности коммуникативного поведения современного человека, связанные с динамическими процессами в культуре, и их отображение в дискурсах. В работе Н.В. Уфимцевой и О.В. Балысниковой в центре внимания – конфликтный характер общения в интернет-среде, а именно агрессия, вызванная упоминанием этнической принадлежности. В.И. Карасик анализирует трансформации в оценке понятий «приватность» и «публичность» в российской культуре

и соответствующие изменения в поведении россиян. В статье А.В. Нагорной изучается характерный для англоязычной культуры «дискурс старения». Устанавливается связь языковых изменений в данной сфере с трансформацией социальных стереотипов в последнее десятилетие. Автор высказывает предположение о возможном переносе англоязычного опыта в русскую культуру, в которой привычные установки и стереотипы также подвергаются изменениям.

Ряд статей посвящен такому важному вопросу межкультурной коммуникации, как межъязыковой литературный перевод. В этой области особенно ярко проявляется сложное взаимодействие «своего» и «чужого», в котором на системную и культурную специфику естественных языков накладываются особенности авторской индивидуальности. В работах Н.М. Нестеровой, Т.Н. Красавченко и М.Б. Раренко анализируются общетеоретические аспекты перевода. Авторы также осмысливают опыт перевода русской классической литературы на английский язык и англоязычной – на русский.

Сборник представляет и такой аспект лингвокультурологии, как изучение взаимоотношений между верbalным языком и неверbalным художественным образом. В статье И.В. Зыковой данный круг тем представлен в связи с созданием авторского словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)». Исследуются вопросы, относящиеся к формированию особой зоны межъязыкового перевода в структуре данного словаря. В частности, анализируются отношения между верbalным и невербальным типами идиоматики и возможности их лексикографической экспликации. Одной из сложных знаковых систем, включающих в себя как вербальный, так и невербальные языки, является кино. В статье Е.О. Опариной анализируются слои культурной информации, создающие образную конструкцию одного из художественных фильмов. Показано, что адекватное понимание глубинного смысла фильма требует культурной компетенции в области универсальных знаков культуры – мифологем и символов.

В сборнике также помещены обзор и реферат. В обзоре (автор Е.О. Опарина) на материале ряда статей и монографии рассматриваются изменения, затрагивающие традиционные дихотомии «свое» – «чужое» и «старое» – «новое» в языках и дискурсах. Также, на примере языка знаменитых представителей британского консерватизма (У. Черчилля и М. Тэтчер), исследуются отношения между отдельной языковой личностью и языковым коллективом.

Теория культурного трансфера чрезвычайно важна для разных областей современного гуманитарного знания. Она имеет прямое отношение к теме сборника, так как нацелена на исследование закономерностей переноса культурных знаний, смыслов и объектов между разными культурами и дискурсами. В сборнике представлен реферат на коллективную монографию «Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии» (автор реферата – М.И. Киосе).

Сборник предназначен для специалистов в области лингвистики, филологии, культурологии и в других областях гуманитарного знания.

1. ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е.Р. Иоанесян

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник Сектора романских языков,

Институт языкоznания, Российской академии наук

ioanevg@mail.ru

СВОБОДА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Свобода – очень емкое и сложное понятие, и представление о свободе в картине мира разных языков имеет свою специфику. В работе исследуется фрагмент языковой картины мира нескольких европейских языков, связанный с понятием свободы в двух ее аспектах – свободы как возможности делать то, что хочешь, и свободы как отсутствия ограничений, накладываемых на движения человека. Описание строится с помощью инвентаря семантических переходов. На основании изучения семантической деривации соответствующих лексических единиц делается вывод о наличии в картине мира этих языков следующих связей: «свобода – благоприятная ситуация», «отсутствие свободы – опасная / негативная ситуация», «свобода – смелость (отсутствие страха)», «отсутствие свободы – страх». Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей.

Ключевые слова: лексическая семантика; языковая картина мира; семантическая деривация; семантическая типология.

E.R. Ioanesyan
*Doctor of Philology, Leading researcher,
Section of Romance languages,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
ioanevg@mail.ru*

FREEDOM IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Abstract. Being definitely complex and capacious, the concept of freedom proves to be language-specific within a given linguistic world-image. The article studies a fragment of the picture of the world in several European languages concerning the notion of freedom in two aspects – freedom of action and freedom of movement. The description is constructed using the inventory of semantic shifts. The study of semantic derivation of corresponding lexical items makes it possible to arrive at the conclusion that in the picture of the world of several languages there are links as follows: «freedom – favorable situation», «absence of freedom – dangerous / negative situation», «freedom – courage», «absence of freedom – fear». The research is based on a large corpus of explanatory and etymological dictionaries.

Keywords: lexical semantics; language picture of the world; semantic derivation; semantic typology.

Вводные замечания

Наша задача состояла в изучении одного фрагмента языковой картины мира, связанного с понятием свободы в двух ее аспектах – свободы как возможности делать то, что хочешь, и свободы как отсутствия ограничений, накладываемых на движения и действия человека. Наш анализ, построенный на исследовании семантической деривации слов, относящихся к концептам СВОБОДА / НЕСВОБОДА, показал, что свобода, понимаемая как возможность контролировать ход событий, ассоциируется с благоприятными ситуациями, со смелостью. Несвобода же осознается как бессилие и ассоциируется с негативными и опасными ситуациями, несвобода продуцирует страх. Близость концептов НЕПРИЯТНОСТИ и НЕСВОБОДА (ОТСУТСТВИЕ СВОБОДЫ) отмечается в работе [Баранов, Добровольский, 2008, с. 483].

Данная статья обобщает и систематизирует материал, представленный в наших ранних работах [Иоанесян, 2015; Иоанесян, 2018].

Основные положения

Итак, в качестве метода исследования мы выбрали анализ семантических переходов ‘Х’ – ‘свобода’ / ‘определенный аспект свободы’, т.е. объектом нашего изучения были слова (или пары родственных слов), в которых данный семантический переход представлен – синхронно или диахронически. В основе семантической эволюции рассматриваемой лексики лежит либо метафора, либо семантический переход, опирающийся на компоненты прототипического сценария свободы.

Как известно, источник семантического развития слова позволяет выявить некую связанную с ним идею [Бабаева, 2006, с. 843], следовательно, наличие семантических переходов вида ‘Х’ – ‘свобода’ свидетельствует о связи этих понятий в языковой картине мира. Термин «языковая картина мира» используется нами в том значении, в каком это принято в Московской семантической школе. Языковая картина мира – это «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных слов”, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов» [Зализняк, 2006, с. 306–307]; языковая картина мира – это «отражение обиходных (обывательских, житейских, бытовых) представлений о мире» [Урысон, 2003, с. 11]. Материалом «для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка» [Основания.., 2006, с. 34].

Свобода – очень емкое, сложное и неоднозначное понятие, свобода не «представляет собою универсальный идеал всего человечества. На самом деле она даже не является общеевропейским идеалом, хотя в европейских странах есть семейство родственных концептов, сосредоточенных вокруг представления о том, что для людей хорошо иметь возможность делать то, что они хотят» [Вежбицкая, 2001, с. 253]. Компонент ‘возможность делать то, что хочешь’ определяет смысл и русского слова *свобода*: «свобода: жен. слобода южн., зап., сев. свободъ вост., сев. своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стесненья, неволи, рабства, подчинения чужой воле» [Даль]; см. также толкование рус. слова *свобода* у А. Вежбицкой, в котором содержится компонент «если я хочу что-то сделать, я могу сделать это» [Вежбицкая, 2001, с. 257]. В толковании А. Вежбицкой русского слова *воля*, помимо вышеназванного компонента ‘если я хочу что-то

сделать, я могу сделать это', присутствует также «пространственный компонент»: «(с) если я хочу куда-то пойти, я могу пойти туда» [Вежбицкая, 2001, с. 257]. См. также в: [Бабаева, 2006, с. 822]: «Идея свободы по отношению к животным и людям реализуется, в частности, в представлении о движении. В подобных контекстах она подразумевает, что: а) существует нечто, что может ограничивать свободное движение или препятствовать свободному движению человека или животного; б) в данном случае движение человека или животного не встречает никаких ограничений или препятствий». Наше исследование касалось именно двух этих аспектов свободы – свободы как возможности делать то, что хочешь, и свободы как отсутствия ограничений, накладываемых на движения человека.

Изучение семантической деривации слов, относящихся к концептам СВОБОДА / НЕСВОБОДА, показало, что в картине мира некоторых языков имеют место следующие связи:

- свобода → благоприятная ситуация;
- отсутствие свободы → негативная / опасная ситуация (→ страх);
- свобода → смелость (отсутствие страха);
- отсутствие свободы → страх.

I. Свобода как отсутствие ограничений, накладываемых на движения субъекта

«Несвобода», проявляющаяся в стесненности движений человека, может быть обусловлена разными причинами:

1. Несвобода может определяться характером среды, в которой находится человек. Вязкая среда затрудняет движения субъекта, накладывая тем самым ограничения на движения человека, а следовательно, ограничивая его свободу. В языковом сознании нахождение в вязкой среде может ассоциироваться с нахождением в трудной ситуации, в частности с пребыванием в состоянии нужды, бедности. Это лежит в основе полисемии вида: 'вязкий' / 'густой' – 'нужда' / 'негативная ситуация'.

А. Семантический переход: 'вязкий' / 'густой' – 'нужда'

Метафора: БЕДНОСТЬ – ЭТО ГУСТОЕ / ВЯЗКОЕ ВЕЩЕСТВО

(а) франц. *purée* – 'пюре' в конструкции с предлогом *dans* (*être, mettre dans la purée*) имеет значение 'нужда, безденежье', ≈ 'сидеть без гроша; оставить без гроша' [RC, p. 675]¹; (б) франц.

¹ Здесь и далее переводы мои. – Е. И.

panade – ‘хлебная похлебка’ и ‘нужда, нищета; несчастье, беда, горе’ [ФРФС, с. 783].

Указанная полисемия характерна не только для трофонимов. Так, например, французское существительное *poisse* имеет значения ‘мягкое, клейкое, вязкое вещество’ и ‘нужда, бедность’ [TR], (см. также: [Иоанесян, 2018, с. 15–16]).

Б. Семантический переход: ‘вязкий’ / ‘густой’ – ‘негативная ситуация’

Этот более общий переход проявлен в полисемии таких французских трофонимов, как *marmelade* – ‘мармелад; пюре’ и ‘трудное положение’ [TR], *mélasse* – ‘меласса; патока’ и ‘трудное, безвыходное положение’ [PR, p. 1065], *potage* – ‘суп’, *être dans le potage* – ‘быть в отчаянном положении’ [ГрГр, с. 483] и др. В качестве источника указанного перехода выступают также слова, обозначающие объекты, онтологические свойства которых, а именно вязкость, сближают их с продуктами питания. Например, *goudron* – ‘деготь, смола’, *être dans le plein goudron* – ‘быть в трудном положении’ [ГрГр, с. 304], *gâchis* – ‘штукатурка; месиво’, *être dans le (en plein) gâchis* – ‘быть в трудной, запутанной ситуации’ [RC, p. 397] и др.

Нахождение в вязкой среде в языковом сознании связывается также с нахождением в опасной ситуации. Это объясняет полисемию вида: ‘вязкий’ – ‘опасный’ и ‘вязкий’ – ‘страх’.

В. Семантический переход: ‘вязкий’ – ‘опасный’ и ‘вязкий’ – ‘страх’

Примером полисемии ‘вязкий’ – ‘опасный’ служит английское прилагательное *sticky*, выступающее в следующих значениях: 1) клейкий, липкий; вязкий (*sticky syrup, black sticky mud*); 2) трудный, опасный: «dangerous or harmful; a sticky situation is difficult or dangerous» [MD]; «sticky (adj.) 1727, “adhesive,” from STICK (Cf. stick) (v.). An O.E. word for this was clibbor. First recorded 1864 in the sense of “sentimental;”, 1915 with the meaning “difficult”» [OED] «*There were a few sticky moments during the meeting, but everything turned out all right in the end*» [CAD], «Во время митинга возникло несколько опасных моментов, но в конце концов все закончилось хорошо».

Примером перехода ‘вязкое вещество’ – ‘страх’ является испанское существительное *cerote*, имеющее значения ‘сапожный вар’ и разг. ‘боязнь, страх’ [ИСРС, с. 188]: «1. m. Mezcla de pez y cera, o de pez y aceite, que usan los zapateros para encerar los hilos con que cosen el calzado. 2. m. coloq. miedo (angustia por un riesgo)» [DRAE].

2. Несвобода может быть обусловлена ограниченностью пространства, в котором находится человек. Тесное пространство, ограничивая возможности движений, является одной из причин потери человеком свободы. Исходное значение русского глагола *притеснять* – «прижимать, придавить; припирать, не давая простору. *Неприятеля притеснили к реке, к болоту*» [Даль]. В современном употреблении глагол означает «ограничивать чьи-либо свободу, права, стеснять кого-либо в поступках, действиях» [Ефремова].

Иными словами, тесное пространство может восприниматься как несвобода и ассоциироваться с трудной или опасной ситуацией, а следовательно, и со страхом. В языке это находит отражение в полисемии или морфологической деривации вида ‘тесный’ / ‘узкий’ – ‘тяжелый’ / ‘трудный’ или ‘тесный’ / ‘узкий’ – ‘опасный’ / ‘страх’. Например: (а) у рус. слова *теснота* в словарях отмечается устаревшее значение ‘трудное, бедственное положение; нужда’ [Ефремова], «бѣда, напасть, угнѣтенїе» [САР 6, с. 364]; (б) *тѣснота* (церковнослав.): «сущ. (греч. *στενοχόρια*) – притеснение, огорчение; беда; затруднение, тесные обстоятельства; (στένωσις) затруднение, недоумение» [Дьяченко, с. 744]; (в) лат. *angustia*: 1) теснота, узость; 4) стесненное (материальное) положение, бедность, скудость, нужда, недостаток [ЛРС, с. 73]; ит. *angustia*: «[dal lat. *angustia*, der. di *angustus* “stretto”; cfr. *angoscia*]. – 1. letter. *Strettezza* [stret:ets:a], *ristrettezza*: *a. di luogo, di spazio, di tempo*. Anche fig., *scarsezza, penuria*» [VT]; франц. *angoisse* и нем. *Angst* (оба от лат. *angustia*) развили значение ‘страх’: «Широко распространенным является обозначение страха и некоторых других эмоций через метафору тесноты, сжатия, ср., например, франц. *angoisse* и нем. *Angst* из лат. *angustia* ‘теснота’» [Зализняк, 2006, с. 64]; (г) латинское прилагательное *artus* имело значения ‘узкий, тесный’ и ‘неблагоприятный, трудный’ [ЛРС, с. 99], «~ *res Flor. situation critique, difficile*» [DLFQ]; существительное *artum* – «теснота, узость, тж. узкое место, *res est in arto* L – дело складывается неблагоприятно; *in artum compulsus* L – поставленный в тяжелое положение, доведенный до крайности» [ЛРС, с. 99], «*espace étroit, lieu resserré; in arto esse: être dans une situation critique*» [JWH]; (д) англ. *strait* означает ‘тесный; узкий’; существительное *strait* имеет значения: ‘(узкий) пролив’; ‘узкий проход’; ‘затруднительное положение; стесненные обстоятельства, нужда’ [НБАРС; AHD и др.]; (е) др. англ. *neari* (современное *narrow*) имело значение ‘узкий, тесный’ и ‘тяжелый, трудный’, а существительное *nearu*

имело значение ‘опасность’, ‘бедственное положение’: «Narrow (adj). Old English *nearu* “narrow, constricted, limited; petty; causing difficulty, oppressive; strict, severe”»; «Narrow, n. c. 1200, *nearewe* “narrow part, place, or thing”, from *narrow* (adj.). Old English *nearu* (n.) meant “danger, distress, difficulty”, also “prison, hiding place”» [OED]; (**ж**) порт. *acanhado* означает ‘трусливый’ и ‘тесный (о пространстве)’: «1. Que não tem desembaraço, que é ou se mostra ou se torna tímido, retraído; 2. De dimensões reduzidas, pouco espaçoso (quarto acanhado); 3. P. ext. Sem muito espaço livre; APERTADO: Até que a cabine não era pequena, mas com tanta gente ficou acanhada» [DCA].

Пространство может стать тесным или узким в результате внешнего давления, сжатия. В испанском языке отмечена полисемия ‘давить’ / ‘сжимать’ – ‘негативная’ / ‘опасная ситуация’ – ‘страх’. Например: (**а**) существительное *aprieto*, образованное от глагола *apretar* – ‘сжимать; сдавливать’, имеет значения ‘опасность, риск’ и ‘бедность, нужда; стесненное положение’ [ИСРС, с. 83; NDF]. Прилагательное *apretado*, образованное от того же глагола, имеет значения ‘тесный, сжатый’ и ‘трудный; опасный’ [ИСРС, с. 83; NDF]. В устной речи указанное прилагательное используется также в значении ‘малодушный’, ‘трусливый’ [ИСРС, с. 83]. Следовательно, здесь налицо семантический переход: ‘тесный’/‘узкий’ – ‘опасный’/‘страх’; (**б**) аналогичная полисемия наблюдается у испанского прилагательного *estrecho* и образованного от него существительного *estrechez*. *Estrecho* происходит от лат. *strictus*: 1) причастия от глагола *stringere* – «сжимать (pedes vinculis O); затягивать (nodum L); стягивать (strictum frigore vulnus L)»; 2) прилагательного – «узкий; тесный» [ЛРС, с. 957]. Существительное *estrechez* имеет значения ‘узость; теснота’ и ‘нужда, стесненные обстоятельства’ [ИРСС, с. 354]: «Escasez de anchura de algo. Austeridad de vida, falta de lo necesario para subsistir» [DRAE]. Прилагательное *estrecho* имеет значение ‘стесненный, сжатый’: ‘стесненный; сжатый: *estamos estrechos aquí* – нам здесь тесно» [ИРСС, с. 354]; кроме того, оно используется в значении ‘застенчивый; робкий’ [ИРСС, там же], «Apocado» [DRAE]; таким образом, здесь имеет место полисемия ‘тесный’ – ‘страх’; (**в**) франц. *éroit* (тоже от лат. *strictus*) – ‘узкий, тесный’, *à l'éroit* – ‘в тесноте’, «nous sommes logés à l'éroit – мы живем тесно <в тесноте>, нам тесно [в квартире]» [ГТ, с. 414], и ‘быть в стесненных обстоятельствах, терпеть нужду’ [ФРФС, с. 433]; (**г**) англ. *to jam* означает ‘сжимать, сдавливать, стискивать’ [НБАРС]. Причем в толкованиях отмечается именно аспект ограничения свободы движений

объекта в результате описываемого действия: «to press, squeeze, or wedge tightly between bodies or surfaces, so that motion or extrication is made difficult or impossible: *The ship was jammed between two rocks*» [RHU] (выделено нами. – Е. И.). Отглагольное существительное *jam* имеет значения: 1) ‘сжатие, сжимание; сдавливание’; 2) ‘тяжелое положение’: *to be in a jam* – попасть в переделку; *to pull smb. out of a jam* – выручить кого-л. из беды [НБАРС], «a difficult or embarrassing situation; fix: *He got himself into a jam with his boss*» [RHU].

Отметим, что в полисемии данного английского глагола мы усматриваем переход ‘отсутствие свободы’ → ‘неприятная ситуация’, а не переход ‘густое, вязкое вещество’ → ‘неприятная ситуация’, который теоретически мог бы иметь место (см. выше), поскольку: существует также слово *jam* со значением ‘джем’. Однако слово *jam* со значениями ‘сжимание’ и ‘неприятная ситуация’ и слово *jam* со значением ‘джем’ обычно рассматриваются как омонимы, или же иногда высказывается предположение, что *jam* – ‘джем’ является производным от глагола *to jam* в значении ‘сжимать’: «“fruit preserve,” 1730 s, probably a special use of *jam* (v.) “press objects close together,” hence “crush fruit into a preserve”» [OED].

3. В-третьих, несвобода может быть связана с насилиственным лишением подвижности частей тела человека или насилиственным удержанием человека в каком-нибудь месте. Так, связывание человеку рук или ног тоже означает ограничение свободы его движений и действий, и во многих языках предикаты со значением ‘связывать’ используются для описания положения бессилия человека в той или иной ситуации, отсутствия у него свободы действий, ср. рус. *у меня руки связаны, связать кого-л. по рукам и по ногам и т.п.* Несвобода, обусловленная подобного рода ограничениями, может осмысляться как трудное или опасное положение и порождать страх: **(а)** испанский глагол *manear* – ‘стреможить лошадь’; прономинальный глагол *manearse* в Чили выступает в значениях ‘связывать себе руки’ и ‘запутываться, оказываться в затруднительном положении’ [ИСРС, с. 488; БИРСЛА, с. 504]; **(б)** испанское прилагательное *atado*, образованное от причастия глагола *atar* – ‘связывать, привязывать’ (что означает лишение свободы движения), имеет значение ‘робкий’ [ИСРС, с. 99; ИРСС], «*Del part. de atar. adj. desus. Dicho de una persona: Que se apresa por cualquier cosa*» [DRAE], ≈ ‘о человеке, испытывающем страх по любому поводу’.

Существуют и другие способы ограничения свободы движений человека – надеть ему на ноги колодки, поймать его в капкан, запереть в каком-либо месте и т.п. Например: **(а)** испанское существительное *brete*, происходящее от окситанского *bret* – ‘ловушка для ловли птиц’ [DCD], в современном языке имеет значения ‘ножные колодки’ и ‘трудное, безвыходное положение’ [ИСРС, с. 135; DRAE; и др.]; **(б)** еще один пример связи между невозможностью двигаться, осознаваемой как лишение свободы действий, и нахождением в тяжелой ситуации представлен испанским глаголом *apestillar*; исходное значение глагола – ‘запирать на засов’. В Латинской Америке он используется в значении ‘крепко схватить кого-л., лишив его возможности убежать’: «Origen: Argentina. Atrapar (una persona) [a otra persona] de modo que no pueda escaparse» [GCD]. В Аргентине он функционирует также в значении ‘поставить в безвыходное положение’ [БИРСЛА, с. 59], ‘заставить человека что-л. делать или говорить’: «Apremiar a una persona para que diga o haga algo» [DLE]; **(в)** испанский глагол *acorralar* имеет следующие значения: 1) ‘загонять скот в загон’, «Encerrar o meter el ganado en el corral» [DRAE]; 2) ‘сделать так, чтобы человек или животное оказались в месте, из которого они не могут уйти’: «Encerrar a alguien dentro de estrechos límites, impidiéndole que pueda escapar» [DRAE], «Encerrar dentro de unos límites, impidiendo la salida: La policía ha acorralado al ladrón en un piso del edificio» [DCD]; 3) ‘ставить человека в ситуацию, когда он оказывается во власти другого человека’: ‘загонять в угол, припринять к стенке кого-либо’ [ИСРС, с. 27]; 4) ‘пугать’ [ИСРС, там же]: «Intimidar, acobardar» [DRAE]; таким образом, здесь представлена следующая цепочка: ‘отсутствие свободы движений’ → ‘отсутствие свободы’ → ‘(бессиление / отсутствие контроля над ситуацией)’ → ‘страх’.

II. Свобода как возможность человека делать то, что он хочет

Латинское слово *libertas* – ‘свобода’, ‘исходно обозначает статус ‘liber’, т.е. статус лица, не являющегося рабом», и оно подразумевает «отрицание ограничений, налагаемых рабством» (Wirszubski Ch.) (цит. по: [Вежбицкая, 2001, с. 212]). В толковании латинского слова *libertas*, предложенного А. Вежбицкой, содержатся компоненты ‘когда я нечто делаю, я это делаю, потому что я этого хочу’ и ‘я не должен думать: ‘я не могу нечто делать, потому что кто-то другой не хочет, чтобы я это делал’» [там же, с. 256]. Эти компоненты ‘показывают, что человек является собственным хозяином и не находится под чьим-либо контролем, как

раб» [Вежбицкая, 2001, с. 215]. Рабство же есть крайняя степень несвободы. Рабство ассоциируется с бесправием, с невозможностью проявлять свою волю, с представлением об отсутствии у человека контроля над обстоятельствами, о неконтролируемости, о том, что течение событий неподвластно субъекту, не зависит от его воли. А это прямой путь к страху: «Интенсивный страх переживается как чувство абсолютной незащищенности и неуверенности в собственной безопасности. У человека возникает ощущение, что ситуация выходит из-под его контроля» [Изард, 1999].

Ассоциативная связь рабства, а также других видов несвободы (подчиненного положения, зависимости и т.п.) со страхом, отражена в семантической деривации слов разных языков: **(а)** рус. *робеть* и *робкий*: «робеть. От роб “раб, невольник” (Mi. EW 225)» [ФЭ, Т. 3, с. 487]; **(б)** английский глагол *to daunt* имеет в современном языке значение ‘запугивать, устрашать’; исходным значением глагола *to daunt* был смысл ‘победить, покорить’; в конце XV в. у него зафиксировано значение ‘пугать’: «с. 1300, “to vanquish”, from Old French *danter*, from Latin *domitare* (‘укрощать, усмирять’ – ЕИ), frequentative of *domare* “to tame” (see *tame* (v.)). Sense of “to intimidate” is from late 15 c.» [OED]; укротить, подчинить означает лишить воли, свободы в принятии решений, возможности изменить ситуацию; **(в)** испанское прилагательное *cohibido*, образованное от глагола *cohibir*, восходящего к латинскому глаголу *cohibere* – ‘укрощать, смирять, подавлять’, имеет значение ‘робкий, пугливый’: «(Del part. de *cohibir*). adj. Tímido, amedrentado» [DRAE]; **(г)** в мексиканском варианте испанского языка глагол *azorrillar* означает ‘подчинять своей воле; принуждать силой’, а в прономинальной форме он имеет значение ‘трусить’ [БИРСЛА, с. 92]; **(д)** у испанского глагола *padrotear* (Венесуэла) словари фиксируют значения ‘подчинять своей воле’ и ‘запугивать’ [БИРСЛА, с. 559]; **(е)** итальянское существительное *soggezione* имеет значения ‘подчинение, подчиненность, зависимость’ и ‘робость’ [ИРС, с. 813]: «[dal lat. *subiectio* -onis, der. di *subicere* “assoggettare” (v. *soggetto*)]. 1. L’essere soggetto, lo stato e la condizione di chi è soggetto. 2. Senso d’imbarazzo e di timidezza che si prova di fronte a persone importanti o notevoli per la loro posizione e il loro valore, o in ambienti nuovi, lussuosi, grandiosi e solenni: *dare, ispirare* s.; *provare, sentire* s.; *avere* s. *a fare una cosa; mettere* in s., *intimorire; mettersi* in s., *avere* s. *di qualcuno* o *di qualcosa, sentirsene intimorito*» [VT]. Глагол *insoggettire* имел значение ‘подчинять, покорять’; в настоящее время у него отмечается значение ‘пугать’; *insoggettirsi* – ‘пугаться; смущаться’.

щаться’ [ИРС, с. 435]: «A. V tr. 1. raro Mettere in soggezione; SIN. intimorire; 2. ant. Assoggettare, soggiogare; B. v.intr. pronom. insoggettirsi. raro. Intimorirsi, entrare in soggezione» [GDH].

Следует отметить, что в значении некоторых слов, например русских *арестованный, пленный*, налицоствует и «пространственная несвобода», и «несвобода действий». Очевидно, что человек, находящийся в заключении, в пленау ограничен и в движениях, и в действиях. У подобных слов тоже наблюдается семантический переход к значению ‘страх’: **(а)** испанское прилагательное *detenido*, образованное от причастия глагола *detener* – ‘останавливать; задерживать; арестовывать’ [ИСРС, с. 294], имеет значения ‘арестованный; заключенный’ и ‘малодушный, трусливый’ [там же]; **(б)** английское прилагательное *caitiff* – ‘трусливый, малодушный’, образовано от старо-французского *caitive* – ‘пленный; лишенный свободы’, которое восходит к лат. *captivus* [OED; OUD, p. 247].

Одним из аспектов несвободы является, как уже упоминалось, невозможность контролировать ход событий, что часто ассоциируется с возможностью негативного сценария, с опасностью. Связь между несвободой, зависимостью человека от другого лица и опасностью отражена, например, в семантическом развитии французского слова *danger*. [PR, p. 401]: «Dangier “état de celui qui est à la merci de quelqu’un”, XII; lat. pop. **dominarium* “pouvoir de dominer”, de dominus “maître”» [BW, p. 177]: «Lat. pop **dominārium* “pouvoir”, dér. de dominus “seigneur”. La forme première *dongier* a disparu de bonne heure devant *dangier*, altéré d’après *dam* “dommage”. A signifié d’abord “pouvoir, domination”, d’où, d’ une part, “refus, difficulté” et, de l’autre, “péril” dans des locutions telles que *estre en dangier* “être au pouvoir (de qn)” dès le XIII s., sens qui a éliminé en fr., vers le XVI s., les autres sens, dont il reste quelques traces dans les patois. Seulement fr.; d’où l’angl. *danger*; «Étymol. et Hist. 1160 “domination, empire” *estre en dangier d’aucun* “être à la merci de quelqu’un” (*Enéas*, éd. *Salverda de Grave*, 8654); 1340 *estre en dangier* “être en péril” (*Hugues Capet*, éd. *de la Grange*, 1566)» [TR].

Другой фактор, лишающий человека способности контролировать ситуацию, т.е. делающий его несвободным, это его физическая и / или моральная слабость. Слабость ассоциируется с трусостью, сила – с мужеством, смелостью. Это отражено в языке в виде полисемии, ‘сильный’ – ‘смелый’, ‘слабый’ – ‘трусливый’. Например: **(а)** лат. *infirmus* (‘бессильный, слабосильный’ – ‘трусливый, малодушный’; *pusillanime, timoré*) [ЛРС, с. 522; DLF; JWH]; **(б)** *fortis* (‘крепкий, сильный’ – ‘отважный, смелый, храбрый,

мужественный'; *ferme, inébranlable, brave, courageux; audacieux*) [ЛРС, с. 437; NDL]; *fortitudo* ('крепость, сила') – 'храбрость, неустранимость отваги'; *courage, bravoure, vaillance* [ЛРС, с. 437; DLF]. **(в)** англ. *to dismay* ('лишать мужества; пугать') восходит к **exmagare* (Vulgar Latin) – 'лишать силы'; **(г)** франц. *vaillant* ('храбрый, мужественный, доблестный'), англ. *valiant* ('храбрый'), исп. *valentia* ('храбрость, мужество; отвага'), *valiente* ('храбрый, отважный'), *envalentar / envalentonar* ('придавать смелости') – все эти слова восходят к латинскому *valere* – 'быть сильным'.

Малый рост ассоциируется со слабостью, это лежит в основе полисемии '**маленький**' – '**трусливый**', например: **(а)** лат. *parvus*: 'малый, маленький' – 'робкий, малодушный' [ЛРС, с. 729; NDL]; **(б)** исп. *apocar*: 1) уменьшать; 2) пугать ['уменьшать' → 'делать слабым / слабее' → 'пугать']; *apocarse* – 'трусить, малодушничать'; *apocado* – 'робкий'; у существительных *apocamiento* и *poquedad* в словарях отмечается значение 'малодушие, трусость' [ИСРС, с. 81, 607]; «Poquedad: Timidez, pusilanimidad y falta de espíritu» [DRAE]. «Apocamiento: Timidez, cortedad de ánimo: *Siempre ha tenido mucho apocamiento*» [GCD]. И наоборот, увеличение размера, роста ассоциируется со смелостью: испанский глагол *crecer* имеет значение 'расти, увеличиваться', а в прономинальной форме – значение 'осмелеть, расхрабриться' [ИСРС, с. 233; DRAE и др.] ['большой' → 'смелый'].

Таким образом, в картине мира *некоторых* языков положение человека, находящегося во власти другого или других людей и тем самым лишенного возможности влиять на ход событий, ассоциируется с опасностью и чувством страха. И, наоборот, свобода означает возможность держать ситуацию под контролем и, как следствие, отсутствие опасности и страха. Это отражено в полисемии следующих слов: **(а)** лат. *libertas*: 1) 'свобода, воля'; 5) 'прямота, бесстрашие, смелость' [ЛРС, с. 590]; «hardiesse, franc parler: Quint. 10, 1, 65; 10, 1, 94; 10, 1, 104» [DLF]; «boldness» [LSL]; **(б)** исп. *libertad* и *libertado*. *Libertad*: 1) 'свобода; воля'; 6) 'смелость, решимость'; *libertado*: 1) 'дерзкий, смелый'; 2) 'свободный, независимый' [ИСРС, с. 467]. Необходимо оговорить, что в некоторых словарях значение 'смелый' не отмечается. Поэтому сошлемся еще на один словарь. В статье прилагательного *libertado* в [DRAE] мы находим следующее толкование: «1. Osado, atrevido (оба прилагательных имеют значение 'смелый'); 2. Libre, sin sujeción»; **(в)** итальянское прилагательное *franco* сочетает значения 'свободный' (о человеке), 'смелый' и ≈ 'избежавший неприятной

ситуации или опасности': «1. Ardimentoso, intrepido: *affrontò f. il pericolo*; 2. Libero, immune da danno o pena: *uscire f.* (da un'impresa rischiosa o sim.); più com., *farla franca*, uscire senza danno o pena da qualche rischio o da qualche azione illecita (*farla franca* – 'выйти сухим из воды', ЕИ); 3. Libero da servitù, da soggezione (politica o anche morale)» [VT].

Заключение

Итак, мы рассмотрели фрагмент языковой картины мира, связанный с понятием свободы в двух ее аспектах – свободы как возможности делать то, что хочешь, и свободы как отсутствия ограничений, накладываемых на движения человека. Свобода, понимаемая как возможность «делать то, что хочешь / идти туда, куда хочешь», ассоциируется с благоприятными ситуациями, со смелостью. Несвобода же осознается как бессилие и ассоциируется с негативными и / или опасными ситуациями; несвобода продуцирует страх: «Любое препятствие представляет собой ограничение свободы, а поскольку свобода занимает в иерархии ценностей европейской культуры одно из самых высоких мест, все сущности, ассоциируемые с препятствиями, оцениваются негативно» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 483]. Наличие в картине мира языка связей «свобода – благоприятная ситуация», «отсутствие свободы – опасная негативная ситуация», «свобода – смелость (отсутствие страха)», «отсутствие свободы – страх» находит свое отражение в семантической деривации соответствующих единиц.

Лексикографические источники и принятые сокращения

БИРСЛА – Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка / Волкова А.С., Михеева Н.Ф., Кузнецова В.В. и др.; под ред. Фирсовой Н.М. – М.: Инфра-М., 2011. – 725 с.

ГрГр – Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка: (На материале современной художественной литературы и прессы). – М.: Рус. язык, 1988. – 640 с.

ГТ – Французско-русский словарь активного типа / Гак В.Г., Триомф Ж., Соколова Г.Г. и др.; под ред. Гака В.Г., Триомфа Ж. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. язык, 1998. – 1056 с.

- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Электрон. ресурс]. – СПб., 1863–1866. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>
- Дьяченко – Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. свящ. *Григорий Дьяченко*. [Электрон. ресурс]. – М., 1900. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar19.html
- Ефремова – *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. [Электрон. ресурс]. – М., 2006. – Режим доступа: <http://slovarei.gramota.ru>
- ИРС – *Скворцова Н.А., Майзель Б.Н.* Итальянско-русский словарь. – 3-е изд. – М.: Рус. язык, 1977. – 944 с.
- ИРСС – *Садиков А.В., Нарумов Б.П.* Испанско-русский словарь современного употребления. [Электрон. ресурс]. – М., 2000. – Режим доступа: https://modern_usage_es_ru.academic.ru
- ИСРС – Испанско-русский словарь / Загорская Н.В., Курчаткина Н.Н., Нарумов Б.П. и др.; под ред. Нарумова Б.П. – М.: Рус. язык, 1988. – 832 с.
- ЛРС – *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – Изд. 2-е, переработ. и доп. – М.: Рус. язык, 1976. – 1096 с.
- НБАРС – Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др.; под общ. рук. Апресяна Ю.Д. [Электрон. ресурс]. – М., 1993–1994. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan
- САР 6 – Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб., 1789–1794. – Ч. 6. [Электрон. ресурс]. – 1794. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru>
- ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Рецкера Я.И. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
- ФЭ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. Трубачева О.Н. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 3. – 832 с.
- AHD – The American heritage dictionary of the English language. [Электрон. ресурс]. – 5 th ed. – Copyright © 2013 by Houghton Mifflin Harcourt publ. comp. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.yourdictionary.com>
- BW – *Bloch O., Wartburg W.* Dictionnaire étymologique de la langue française. – 5 ème éd. – P.: Presses univ. de France, 1968. – 682 p.
- CAD – Cambridge advanced learner's dictionary & thesaurus © Cambridge university press. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org>
- DCA – Dicionário contemporâneo da língua portuguesa, de *Caldas Aulete* (Dicionário Caldas Aulete). [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.aulete.com.br>
- DCD – Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual: (Con sinónimos y antónimos). [Электрон. ресурс]. – 9 th ed. – © Ediciones SM, 2012. – Mode of access: <http://clave.smdiccionarios.com>

- DLE – Diccionario de la lengua Española, General ilustrado Alkona – Innovación de Productos y Servicios SL, 1995. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.diclib.com>
- DLF – *Gaffiot F.* Dictionnaire latin-français. [Электрон. ресурс]. – P., 1934. – Mode of access: <http://www.lexilogos.com>
- DLFQ – *Quicherat L., Daveluy A.* Dictionnaire latin français: Revisée, corrigée et augmentée par Chatelain É. [Электрон. ресурс]. – P., 1910. – Mode of access: <http://www.lexilogos.com>
- DRAE – Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. [Электрон. ресурс]. – Madrid, 2015. – Mode of access: <http://dle.rae.es>
- GCD – Diccionario Salamanca de la Lengua Española. [Электрон. ресурс] / Gutiérres Cuadrado J. (dir.). – Madrid: Santillana, Univ. de Salamanca, 1996. – Mode of access: http://sal_es.esacademic.com
- GDH – Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. [Электрон. ресурс]. – Copyright © Hoepli, 2011. – Mode of access: <http://dizionario.repubblica.it/italiano>
- JWH – *Jeanneau G., Woittrain J.-P., Hassid J.-C.* Dictionnaire latin-français. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.prima-elementa.fr>
- LSL – Lewis & Short. A Latin dictionary (1879). [Электрон. ресурс]. – Mode of access: http://short_latin_la_en.enacademic.com
- MD – Macmillan dictionary. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.macmillandictionary.com>
- NDF – Nuevo diccionario francés-español y español-francés: Rédigé d'après les matériaux réunis par D. Vicente Salvá, et les meilleurs dictionnaires anciens et modernes, par F. de P. Noriega. [Электрон. ресурс]. – 3-me ed. – P., 1862. – Mode of access: <https://books.google.fr/books>
- NDL – Nouveau dictionnaire latin-français par E. de Suckau. [Электрон. ресурс]. – P., 1865. – Mode of access: <https://books.google.fr/books>
- OED – *Harper D.* Online etymology dictionary, 2011–2015. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.etymonline.com>
- OUD – The Oxford universal dictionary on historical principles. – 3 rd ed., rev. with addenda. – Oxford: Oxford univ. press, 1955. – 2515 p.
- PR – Le Petit Robert: *Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert. – P.: Dictionnaires LE ROBERT, 1970. – 1969 p.
- RC – *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. – P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2003. – 888 p.
- RHU – Random House Unabridged Dictionary. [Электрон. ресурс]. – Copyright © 1997, by Random House, inc. – Mode of access: <http://dictionary.infoplease.com>
- TR – Le Trésor de la langue française informatisé. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://atilf.atilf.fr>.
- VT – Vocabolario Treccani. Istituto dell'enciclopedia italiana. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.treccani.it/vocabolario/>

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др.; отв. ред. Апресян Ю.Д. – М., 2006. – С. 33–160.
- Бабаева Е.Э.* Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др.; отв. ред. Апресян Ю.Д. – М., 2006. – С. 761–844.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славян. культур, 2001. – 288 с.
- Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славян. культур, 2006. – 672 с.
- Изард К.* Психология эмоций. [Электрон. ресурс]. – СПб., 1999. – Режим доступа: http://library.kpi.kharkov.ua/files/new_postupleniya/kerrolizard.pdf
- Иоанесян Е.Р.* Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Период. сб. науч. статей: Электрон. науч. издание. – 2015. – Вып. 7. – С. 98–223. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf
- Иоанесян Е.Р.* Концептуальная метафора: Опыт сопоставления метафорических моделей в разных языках. – М.: Ин-т языкоznания; Ярославль: Канцлер, 2018. – 230 с.
- Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славян. культур, 2003. – 224 с.

М.Л. Ковшова

*доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник*

*Отдела теоретического и прикладного языкоznания,
Институт языкоznания, Российская Академия наук,
kovshova_maria@list.ru*

**ОНИМЫ КАК НОСИТЕЛИ
СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ:
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ И ИДИОМ)¹**

Аннотация. Основной предмет исследования в данной статье составляют онимы как репрезентанты стереотипных представлений в пословицах, поговорках, загадках и идиомах. Собственное имя в паремиях и идиомах играет роль «звена», обеспечивающего диалогическое взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры. Лингвокультурологический анализ пословиц, поговорок и идиом выявляет у них особые способы кодирования культурных смыслов в собирательных образах – социальных типажах, обозначенных собственными именами. В загадках кодирование предметов и связанных с ними стереотипных представлений с помощью антропонимов также имеет свои, обусловленные жанром загадки, особенности.

Ключевые слова: собственное имя; стереотип; стереотипные представления; пословицы; поговорки; загадки; идиомы; лингвокультурологический анализ; знание; образ; культурная коннотация; ассоциации.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкоznания РАН.

M.L. Kovshova

*Doctor of Philology, Leading researcher,
Department of theoretical and applied linguistics,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
e-mail: kovshova_maria@list.ru*

**PROPER NAMES AS STEREOTYPICAL REPRESENTATIONS:
(A CASE STUDY OF RUSSIAN PAROEMIAS AND IDIOMS)**

Abstract. The paper focuses on proper names representing stereotypes in proverbs, sayings, riddles, and idioms. In paroemias and idioms, proper names act as a link for the dialogical interaction between language and culture. Linguistic and cultural analysis of proverbs, sayings, and idioms reveals various ways of encoding cultural meanings in collective social stereotypes linked up with proper names. In riddles, the characteristics of proper names as associated stereotypical representations are dependent on specific features of the genre.

Keywords: proper names; stereotype; stereotypical representations; proverbs; sayings; riddles; idioms; linguistic and cultural analysis; knowledge; image; cultural connotation; associations.

Согласно В.Н. Телия, «в коллективной подсознательной памяти носителей языка сохраняется интертекстуальная связь фразеологизмов с тем или иным кодом культуры, что проявляется в способности носителей языка к культурной референции, которая оставляет свой след в культурной коннотации, играющей роль “звена”, обеспечивающего диалогическое взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры» [Телия, 1999 а, с. 14]. По нашей гипотезе, собственное имя в паремиях и идиомах привносит в семантику паремий и идиом дополнительную информацию, которой в той или иной мере владеют носители языка и которая актуализируется при употреблении и восприятии этих образных знаков языка и культуры [Ковшова, 2016]. К культурной информации, которую хранят и передают паремии и идиомы, относятся и стереотипы, или стереотипно значимостные представления. Стереотипы – «некие компрессированные кванты передаваемой информации, общепонятные значки, становящиеся знаками в полном смысле этого слова. То есть всякий стереотип есть репрезентант чего-то иного. И это иное как правило таится в духовном существе человеческой личности» [Николаева, 1999, с. 6]. Мир в паремиях и идиомах предстает не как он есть, а как он есть

в стереотипных представлениях о мире. По тонкому замечанию Т.М. Николаевой, лишь «нестереотипизированные элементы речевой деятельности, можно предположить, описывают Действительность» [Николаева, 1999, с. 6].

В рамках лингвокультурологического направления в лингвистике под стереотипом понимается минимизированное, устойчивое, инвариантное представление о предмете или ситуации, существующее в сознании человека; коллективное представление, синтезирующее в себе типовые ситуации и свойства [Ковшова, Гудков, 2017, с. 127]. Стереотипы создаются на основании постоянного проявления характерных свойств у множества индивидуальных объектов, которые собираются в сознании в один объект и в этом процессе утрачивают многие другие характеристики и индивидуальные черты, которыми пренебрегают при обобщении данных объектов. Иными словами, стереотип включает в себя ограниченное число значимых дифференциальных признаков того или иного объекта.

Культура запечатлевается в образных знаках языка путем кодирования мифологем, символов, эталонов, концептов, стереотипов. «Метафора, базирующаяся на конкретной лексике, вытекает не из значения слова и даже не из логического понятия, а скорее из ходячих представлений о классе реалий» [Арутюнова, 1998, с. 369]. В семантике идиом и паремий стереотип существует «в виде устойчиво воспроизведимой по смыслу и форме рефлексивно-интерпретирующей связи с установками культуры и тем самым придает этим выражениям культурно-смысловую емкость» [Телия, 1999 б, с. 93]. Собственное имя используется для типизации объектов или явлений действительности и потому становится кодом доступа к стереотипно значимостным представлениям, которые существуют в ментальности. В повседневной жизни с помощью собственного имени легче подмечать, обобщать наблюдения. В собственном имени кодируются замеченные детали поведения людей в быту, их действия, образ жизни, черты внешности, манеры, характер, – все то, что складывает обобщенный ментальный образ, дающий представление о типе людей. Тем самым собственное имя является индексом стереотипных представлений, которые отражены в образной семантике пословиц, идиом и загадок. В отношении собственных имен мы говорим о стереотипе, если собственные имена соотносятся с устойчивым представлением об образцах предметов или ситуаций, если в ответ на собственное имя возникает данное устойчивое представление. Так,

в идиоме *Ромео и Джульетта* собственные имена служат индексом (адресом) стереотипа о юных влюбленных; собственные имена вызывают в памяти знания о литературном сюжете, на основе которого сформировался стереотип.

В ходе восприятия паремий и идиом их компонент – собственное имя – интерпретируется в пространстве культурной информации, знания, которым владеет носитель языка. К этой информации относятся и стереотипы – коллективные устойчивые представления о предметах или ситуациях, принятых за образцы для всех подобных предметов или ситуаций. В культуре, в разных ее слоях, за образцы предметов или ситуаций зачастую избираются персонажи или персоны, личности; собственные имена этих избранных персонажей, личностей служат индексом стереотипных представлений. Проанализируем, как стереотипные представления «вплетаются» в семантику паремий и идиом, и опишем, какие культурные коннотации привносят стереотипные представления в семантику паремий и идиом.

Вначале дадим определения пословицам, поговоркам и загадкам как единицам фольклора и идиомам как единицам фразеологического уровня языка.

Пословицы – логически законченные сентенции, суждения, данные в прямой или иносказательной форме, имеющие нравоучительный и назидательный смысл и характеризующиеся синтаксической, ритмической и фонетической организацией.

Не надейся на Ивана, а бери из своего кармана [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 384]. *Пей, Еремей, да ума не пропей* [там же, с. 328]. *В поле Маланья не ради гулянья, а спишишку гнет для запаса вперед* [Даль, 1957, с. 508].

Поговорки – иносказания, служащие иллюстрацией тех или иных ситуаций, явлений, событий. Не являются в полной мере синтаксически оформленными и поучают без прямых назиданий, «без приговора».

Нашему Ивану нигде нет талану [Даль, 1957, с. 147]. *Сунуло Ерёмушку к семи чертям* [Даль, 1957, с. 444]. *Деловая Маланья и к обедне с прялкой пришла* [Русские пословицы и поговорки, 1988, с. 75].

Загадки – короткие игровые тексты, в которых дается нарочито усложненное описание одного предмета посредством описания другого на основании установления отдаленного сходства между ними.

Нет такого мудреца, как Ивана хитреца: Сел на конь и поехал в огонь (горшок) [Митрофанова, 1968, с. 115]. Стоит Ермошка на одной ножке, крошил крошатку, ни себе, ни мне, ни другу (светец) [Даль, 1957, с. 605]. Сидит Маланья на белых горах, ждет живых и мертвых (курица на яйцах) [Рыбникова, 1931, с. 260].

Идиомы – единицы языка, состоящие из двух и более компонентов, которые утратили свое лексическое значение и обрели слитное, фразеологическое, значение. От других типов фразеологизмов идиомы отличает высокая степень переосмыслиния составляющих их компонентов, образность, устойчивость и воспроизводимость. Идиомам присущи эмотивность, оценочность и экспрессивность. Ср.: *Полтора Ивана*. Обл. – ‘О человеке очень высокого роста’ [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 263]. *Фома да Ерёма да Колупай с братом* – ‘Люди, не пользующиеся уважением; всякий сброд’ [Алексеенко, Белоусова, Литвинникова, 2004, с. 148]. *Как на Маланьину свадьбу* наготовить – ‘О большом количестве еды, пищи’ [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 596].

В настоящей статье речь пойдет об антропонимах, которые составляют подкласс имен собственных, предназначенных для названия и идентификации конкретного человека. Ни в пословицах, поговорках, ни в загадках, ни в идиомах антропонимы не выполняют своего прямого языкового назначения – выделять индивида, осуществлять функции референции и идентификации. Но собственные имена в этих знаках языка и культуры получают другое назначение. И в пословицах (поговорках), и в идиомах, и в загадках антропонимы участвуют в типизации объектов действительности и концептуализации их свойств. В пословицах, поговорках и идиомах антропонимы «собирают» под определенное имя тот или иной социальный тип. В загадках антропоним участвует в кодировании предметов, воплощающих в себе целый класс.

Разделим весь имеющийся материал (паремий и идиом) с именами собственными на три группы.

Паремии (от греч. παρούσια – притча) – род фольклора, который включает в себя поговорки, пословицы, прибаутки, присловья, поверья, приметы, загадки, притчи, толкования сновидений и другие малые формы, бытующие в речевых практиках. Описание в одном ряду пословиц, поговорок с народными приметами, притчами, загадками, присловьями и тем самым объединение их в один общий пласт имеет давнюю традицию в отечественной фи-

лологии; ср., например: [Даль, 1957; Большой словарь русских пословиц, 2010].

В **первую группу** входят паремии и идиомы, включение собственного имени в которые детерминировано лишь формальными требованиями (рифма, ритм, размер текста). Просодические средства дополняют и даже заменяют лексические, и это соответствует правилу: «отказ от лексической точности может компенсироваться точностью звуковой и интонационной» [Пильщикова, 2011, с. 83].

Пословицы. *Плохо, Терёха <Алёха>; хило, Вавила <Данила>* [Даль, 1957, с. 145]. У каждого Абрама своя программа [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 13].

Загадки. *Что в избе Фрол? (стол)* [Митрофанова, 1968, с. 109]. *Мудрено имя Ерёма (замок)* [там же с. 101]. *Узловат Кузьма, развязать нельзя! (цепь)* [там же с. 136]. *Анисим, четыре Максима, седьмая Софья (стул)* [Даль, 1957, с. 599].

Идиомы. *Вроде Володи [, наподобие Фомы]*. ‘1. Неуверенное заключение о чем-л.; 2. Выдумки, ерунда’ [Академический словарь русской фразеологии, 2015, с. 113]. *Шёша да Ерёша. Обл. ‘Случайные люди; всякий сброд’* [Алексеенко, Белоусова, Литвинникова, 2004, с. 149].

Во **вторую группу** входят паремии и идиомы, собственные имена в составе которых, в силу высокой степени фонетического подобия-идентичности, несут смысловую нагрузку, с их помощью создаются игровые отношения между фонетикой и семантикой. Используется прием ономатопеи, создание различных – существующих в языке или вымышленных – субститутов с разной степенью прозрачности формы.

Индексами к стереотипам являются так называемые «говорящие» имена, т.е. закодированные во внутренней форме собственных имен смыслы.

Пословицы. *Не гордись, Гордей, ты не лучие людей!* [Русские пословицы и поговорки, 1988, с. 213]. *Подарии уехал в Париж, а Дай уехал в Китай* [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 674].

Загадки. *У нас в избушке Фетиньино имя (светильня)* [Митрофанова, 1968, с. 102]. *Фетинья* – от греч. имени Φότιος (Фотиос), происх. от φῶς (фос) – «свет», рус. *Светлана*.

Идиомы. *Фенька Тормозенко.* ‘О глупой девушке (от жарг. *тормозить*)’ [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 699]. *Заехать к Сопикову [и Храповицкому].* Шутл. Эвф. ‘Заснуть, спать’

[Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 633]. *Быть в Шаталовой бригаде* <работать в бригаде Ваньки Шаталова, работать у Шаталова>. Обл. ‘Бездельничать’ [там же, с. 60, 748].

Семантика говорящих имен легко прочитывается, поскольку основана на стереотипных представлениях, которые сложились в результате наблюдений за привычными вещами, получивших осмысление и оценивание в соответствии с правилами культуры и установками социума.

Когда люди спят, то обычно они при этом сопят носом и иногда храпят; ср.: *заехать к Сопикову [и Храповицкому]* – ‘Заснуть, спать’. Образ, возникший из стереотипного представления о спящем и храпящем во сне человеке, переосмысливается в социальных стереотипах лени, безделья и нерадивости, что и вызывает негативное отношение. Помещиков с «говорящими» именами: *Полежаев, Сопиков, Храповицкий* красочно изобразил в «Губернских очерках» М.Е. Салтыков-Щедрин (см.: [Пеньковский, 2004]).

Человек на отдыхе обычно держится свободно и ходит, раскачиваясь, шатаясь; ср. *шататься без дела* – ‘Отдыхать, гулять; бездельничать’. Стереотипный образ бездельника, закодированный в имени *Ваньки Шаталова*, обеспечивает иронический оттенок при употреблении идиомы.

В **третью группу** входят паремии и идиомы с собственными именами, образы которых сформировались на основе знаний или на основе ассоциаций:

1. На основе знаний о календарном коде народной культуры, о мифологических, религиозных, исторических, литературных (художественных) персонажах (*Касьян, Кощей, Адам, Наполеон, Мамай, Емеля, Золушка, пана Карло* и др.). Собственное имя в этих паремиях и идиомах – индекс стереотипных образов, сконструированных на основе знаний.

2. На основе ассоциаций, поскольку наблюдаемые объекты и явления были по незначительному основанию обобщены, типизированы и соединены с теми или иными собственными именами (*Иван, Марья, Макар, Емеля, Акуля, Лёха* и др.). Собственное имя в этих паремиях и идиомах – индекс стереотипных сибирательных образов, сконструированных на основе не столько знаний, сколько ассоциаций.

Рассмотрим эти **подгруппы** подробнее.

Первая подгруппа. Собственное имя – индекс стереотипных образов, возникших на основе знаний.

Стереотипное представление о том, что Наполеонставил своей целью покорить весь мир, легло в основу идиомы *наполеоновские планы*.

Стереотипное представление о масштабных разрушениях, которые были произведены ордой Мамая, сформировалось с опорой на исторические знания и мотивировало внутреннюю форму идиомы *как Мамай прошел*.

Стереотипное представление о том, что уравнивание предметов невозможно без их искажения, без насильтственного изменения, нашло свой образ в действиях Прокруста и закрепилось в идиоме *прокрустово ложе*.

Стереотипное представление о высоком человеке и о милиционере в сознании детской аудитории сложилось в 60–70-х годах благодаря персонажу литературного произведения Сергея Михалкова. Литературный образ мотивировал значение идиомы *дядя Стёпа* – ‘Очень высокий человек’; ср. [НКРЯ]: «<...> хорошо зналший, что такое хорошо и что такое плохо, дядя Стёпа Маяковский...» (A. Варламов. Купавна (2000)).

При восприятии идиомы, в структуре которой есть собственное имя, стереотипные представления оказываются «в быстром доступе» не случайно. Само попадание того или иного собственного имени в образ идиомы детерминировано «судьбой» того или иного собственного имени в речи, в текстах культуры, накоплением «континуума смыслов» (по М.М. Бахтину), «созреванием» имени (по П. Флоренскому). Так, в русской культуре стереотип скептического сомнения сформировался в религиозном слое культуры и связан с библейским сюжетом про апостола Фому. Прецедентное имя *Фома* закрепило собой стереотип, способствовало превращению цитаты из библейского текста в идиому: *Фома неверный (неверующий)* – ‘О человеке, который упорно отказывается верить чему-л., во что-л.’. Безусловно, образ *Фомы* в идиоме восходит к известному библейскому сюжету; см. исследование данного фразеологизма-интернационализма в английском и ирландском языках: [Дронов, 2018]. В то же время в русском материале находятся варианты с другим именем; ср.: *Антроп неверующий*. Обл. – ‘О недобром, нечестном или недоверчивом человеке’ [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 18]. Стереотип скептического сомнения, индексом к которому является все-таки собственное имя *Фома*, а не *Антроп*, поддерживается в пословицах; ср.: *Фома не верит, пока сам не проверит* [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 144]. Стереотип упрочивается в коллективном

сознании благодаря его воплощению в литературных образах;ср. стихотворение Сергея Михалкова «Про Фому»: «*Ни дома, ни в школе, / Нигде, никому – / Не верил / Упрямый Фома / Ничему*» [DetiOnline. Сергей Михалков. Фома. Электрон. ресурс]. Запоминается и снятый в 1974 г. по стихотворению мультфильм. Задолго до этого «Стихи о Фоме» были написаны В.В. Маяковским: «*Мы строим коммуну, / и жизнь сама трубит наступающей эре. / Но между нами ходит Фома, / и он ни во что не верит <...> Покажешь Фомам вознесенный дом / и ткнешь их в окна и двери, Ничем не расцветятся лица у Фом. / Взглянут – и вздохнут: “Не верим!”*» [Маяковский, 1973, т. 6, с. 190–191].

На собирание под данным именем определенного типа людей, кому присуще постоянное сомнение; на то, что имя *Фома* является именем социального типа, указывают кванторы всеобщности, примыкающие к идиоме. Ср. примеры употребления в [НКРЯ]: «*Так что этот “трофей” любой “Фома неверующий” может посмотреть и даже потрогать*» (С.В. Рязанцев. В мире запахов и звуков (1997)); «*Тут, пожалуй, любой Фома неверующий и рак-отшельник в артель потянемся...*» (А.И. Мусатов. Земля молодая (1960)). Исчисляемость персонажей, нарушение гендерно маркированной сочетаемости, или «*конфликт рода*» [Васильева, 2005, с. 76] также указывают на то, что именем *Фома* обозначаются люди, которые объединяются в социальный типаж. Ср. [НКРЯ]: «*– Зачем же тратить деньги на утопию, лучше на еду. – Ещё один Фома неверующий! – воскликнул он*» (В. Кручин. Паперть (1989)); «*Прочитав преамбулу и принципы, подумала: может, зря я такая “Фома неверующий”, и там, где творят проекты, к нам (народу) имеют хоть минимум уважения*» (Е. Боннэр. Новое блюдо по старым рецептам (1991)).

Заметим, что, несмотря на широко известное выражение К.С. Станиславского: «*Не верю!*», стереотипное представление о сомнении по-прежнему связано с собственным именем *Фома*; именно это имя активно используется в функции характеризующей предикации в разных дискурсивных практиках – от торжественных речей до обыденного общения. Мы не говорим: «*Эх, ты – Станиславский!*», а говорим: «*Эх, ты – Фома неверующий!*» Индекс стереотипа сомнения в русском сознании остается прежним – *Фома*. Постоянно оживая при употреблении идиомы или поговорок с этим именем в речи, стереотип становится крепче. Ср.: *Вроде Володи, а похож на Фому* [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 144]. Компоненты *вроде, наподобие* с семантикой неточ-

ности, неуверенности отвечают коннотациям имени *Фома*. Имя хорошо вписывается в любой контекст сомнения и недоверия, даже если субъектом сомнения выступает не персонаж по имени *Фома*, а другое лицо; ср. поговорку: *Полюбила Пигасья Фому, да не верит она никому* [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 659]. Итак, в основе сложившегося стереотипа лежит знание библейского сюжета, который и в настоящее время продолжает «питать» собой семантику библейской по происхождению идиомы *Фома неверный (неверующий)*, используемой для описания характера склонного к сомнению, недоверчивого человека, а также влиять на использование коннотаций данного имени в других подходящих контекстах.

Вторая подгруппа. Собственное имя – индекс к стереотипным собираательным образам, возникшим на основе ассоциаций.

Почему в русском языковом сознании представление о глупом, пустом, ленивом человеке соединилось с именем *Емеля*? По свидетельствам поговорок, *В трех братьях дураки – Иванушки, а одиночные – Емели да Афони* [Даль, 1957, с. 439]. *Емеля дурачок* [там же, с. 705]. Имя Емеля стало собираательным, прежде всего, благодаря широко известному сюжету сказки про Емеля. Возможно также, что по своему звучанию имя *Емеля* оказалось ассоциативно связано с лексическими единицами, наделенными семантикой глупости, пустого безделья. Обратимся к идиоме и поговоркам с данным именем и рассмотрим их подробнее.

Идиома *мели, Емеля <мели, емеля>* (ближайшим синонимом для которой будет выражение: *ври дальше / больше*) обычно используется в качестве шутливо-ироничного пожелания со значением – ‘Можешь говорить, убеждать, выдумывать, давать пустые обещания, все равно этому никто не поверит’. Сама идиома возникла не случайно – она «выросла» из поговорок: *Мели <Ври>, Емеля – твоя неделя!* [Даль, 1957, с. 203]; *Не мели, Емеля: не твоя неделя* [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 328]. Поговорки, в свою очередь, связаны «с русским обычаем (касающимся в основном женщин) чередовать по неделям выполнение членами семьи хозяйственных работ» [Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник, 2001, с. 180].

В идиоме как будто выражается ироническое предложение воспользоваться возможностью давать пустые обещания. Ср. [НКРЯ]: «*Давай мели, емеля – говорил весь его временами ожидающий вид*» (В. Личутин. Любостай (1987)); «*Вот и заживем… – Мели, Емеля… – остановила его мать. – Болтаешь языком*» (Б. Екимов. Пиночет (1999)). В речи идиома часто возвращается к

своему началу – поговорке: выражение употребляется, хотя и дистанционно, но в полном объеме. Ср. [НКРЯ]: «*Он поначалу возмущался, но потом рукой махнул – мели, Емеля, тем паче сочинитель, твоя неделя*» (В. Астафьев. Затеси (1999)).

Представляется также, что на сложившуюся негативную значимость имени *Емеля*, его использование в кодировании стереотипных представлений о лентяях и пустых болтунах оказали влияние звуковые ассоциации со словом *пустомеля*. Так, рифма *Емеля пустомеля* в детской дразнилке наивно устанавливает смысловое «тождество» имени и оценочного слова. В свою очередь, слово *пустомеля* связано по смыслу с идиомой из семантической «группы безделья»: *молоть языком*. Добавим к этому, что словом *неделя* (произошло от негативной формы глагола: *не делать – ‘не трудиться’*) когда-то обозначалось воскресенье, день отдыха.

В фольклорном и литературном слоях культуры персонажи с этим именем соотносимы по своему характеру и качествам с образом в пословицах, поговорках и идиомах. Персонаж сказок, кино- и мультфильмов *Емеля* всем управляет, не сходя с печи, все происходит, как он хочет: «по щучьему велению, по моему хотению». На сказочный образ ссылаются сами поговорки; ср.: *Емеля дурачок и на печи по дрова ездил* [Русские пословицы и поговорки, 1988, с. 90]. Образ глуповатого бездельника с этим именем, а также его полной формой, встречается в самых разных по семантике паремиях, но всегда с негативными коннотациями. Ср.: *Ему говоришь про попа, а он про Емеля дурака* [Даль, 1957, с. 457]. *Едет Емеля – ждать его неделю* [там же, с. 566]. *Ездил Емеля, еще ждать его неделя* [Русские пословицы и поговорки, 1988, с. 90]. *Емельян всегда пьян* [Даль, 1957, с. 327]. *Емельян не всегда пьян* [там же с. 328]. *Емеля торгует шишкиами* [там же с. 328]. *У ленивого Емели семь воскресений на неделе* [Малые жанры русского фольклора, 1986, с. 232].

Тем самым в идиоме *мели, Емеля*, в ее источнике – поговорке *Мели <Ври>, Емеля – твоя неделя*, в русской народной культуре и русском языковом сознании в целом имя *Емеля* устойчиво индексирует представления о лени, глупости, пустой болтовне. По совокупности ассоциаций сложился стереотип, поддержанный в современной культуре, к которому приводит точный «адрес»: собственное имя *Емеля*.

Импликации с собственного имени, которым в настоящее время редко называют детей и потому оно несколько устаревает, могут переноситься на то или иное активное собственное имя.

В помощь стереотипу, известному под кодовым именем *Емеля*, «пришел» стереотип созвучными экспрессивными формами *Алёша / Лёша / Лёха*. Данные формы в настоящее время активно кодируют стереотип человека не слишком развитого, глуповатого, но с причудами и большим самомнением. Онтологизацию этих представлений обнаруживаем в областной и жаргонной идиоматике; ср.: *Алёша бесконвойный* – ‘Сумасбродный, неуравновешенный, с причудами человек’; *Алёха сельский* – ‘Чрезмерно хвастливый’; *Лёха боханский* – ‘Дурачок’ [Алексеенко, Белоусова, Литвинникова, 2004, с. 124, 151, 131]. *Алёша с вальтами* – ‘С причудами человек’; *Алёшки подпускать* – ‘Хвастать, лгать’ [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 15] и др. Стереотипная значимость форм *Алёша / Лёша / Лёха* возникла не на пустом месте. Обобщение наблюдений над жизнью, поведением, привычками, характером, собирание типа людей под собственным именем *Алёша* (*Лёха*) ведется начиная с фольклора, в том числе пословиц и поговорок. Ср.: *Алёха не подвоя; сдуру прям* (прямолинейный, простоватый) [Даль, 1957, с. 705]; *Алёша три гроши, шейка копейка, алтын голова, по три денежки нога: вот ему и вся цена; Плохо, Алёха, а живет и еще (и того) плоше!*; *У Алёши много дел, он от дела похудел* [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 17]. Стереотип *Алёши* (*Лёхи*) продолжает разрабатываться в современной культуре, что подтверждается использованием данного имени в демотиваторах, мемах, «аткрытках» и «пирожках». См., например: [Все кидки. Электрон. источник]. Ср. также фиксированную рефлексию на данный стереотип; ср.: «Алексей – это имя. А вот Алёша – это диагноз. Лёша просветленный. Я – не Лёха. Мы все являемся Лёшами на 23,7%. Я – ЛЁША. Я НЕ Лёха» [Шутки про Лёшу. Электрон. источник; Ответы. Электрон. источник]. Тем самым, экспрессивные формы собственного имени *Алёша / Лёша / Лёха* являются индексами стереотипа глуповатого, но прямолинейного, открытого человека.

История возникновения той или иной идиомы часто забывается, и историко-этимологический комментарий в словаре восполняет этот пробел, расширяя культурно-языковую компетенцию носителя языка. Так, идиома *умная Маша* и ее вариант *как умная Маша* ведут свою историю от советских комиксов, печатавшихся в журнале «Чиж» в 1930-е годы. В этих комиксах девочка Маша попадает в различные сложные ситуации и неизменно находит из них остроумные выходы. Образ умной Маши из шутливых комиксов приобрел в семантике идиомы неоднозначную, скорее негативно-

ироническую трактовку; ср.: «КАК УМНАЯ МАША жарг. <...> 1. Нарочито делая то, что следует делать в данной ситуации, руководствуясь принятыми нормами, правилами, рекомендациями, указаниями <...> 2. Делая что-то, руководствуясь принятыми в данной ситуации нормами <...> и попадая при этом в глупое положение или не получая нужного результата» [Академический словарь русской фразеологии, 2015, с. 457–458]. Данная идиома может обозначать как действительно умного человека, так и человека, предусмотревшего, казалось бы, все возможные неожиданности, но все равно попадающего в непредвиденные, часто неприятные, ситуации [Вознесенская, 2011]. Ср. [НКРЯ]: «Я, как умная Маша, порылась в спаме и нашла несколько “праздничных” компаний» (Электронное объявление (2005)); «Он лежал уже неделю, и я, “как умная Маша”, решила исполнить свой долг подруги» (Л. Иванова. Искренне ваша грешница (2000)). Ср.: «...прописывают дорожные лекарства наобум. Я, как умная Маша, все это пью и мажу, а толку чуть» [Академический словарь русской фразеологии, 2015, с. 458].

Независимо от нюансов значений идиома употребляется в шутливом или ироничном контекстах и часто с самоиронией. Почему так происходит? В русской культуре образцовое поведение человека, его ум и прилежание никогда не считались гарантией успеха, – слишком много привходящих факторов, не зависящих от самого человека, влияет на исход его предприятия; тема случайно допущенной оплошности даже осмотрительным и опытным человеком освещена в пословицах и поговорках, в том числе тех, где используется тот же антропоним. Ср.: *И на Машку живет промашка. Живёт и на Машку промашка* [Даль, 1957, с. 483]. *Опромашка бывает на Машку. И на Машку бывает промашка. И на Машку бывает промашка, и на старуху поруха* [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 626, 523].

В настоящее время стереотип поведения умной, прилежной девочки развивается в новом формате комиксов, а именно в серии мемов про умную *Машу* [Mediabitch. Электрон. источник]. Текст про Машу построен по типу текста про Петя: «*Будь как Петя*», что, в свою очередь, является аналогом другого текста: «*Be like Bill*» [Умный Петя. Электрон. источник]; см. подробнее: [Тарса, 2018 а]. В мемах с образом «умной Маши» хорошо соединяются рекомендации «как себя вести», данные в ироничной или шутливой форме (причем для наивной части аудитории эти рекомендации являются своего рода катехизисом); ср.: «*Это Маша. Маша*

не постит на своей странице цитату “Меня трудно найти, легко потерять и невозможно забыть”. *Маша не дура. Будь как Маша* [«Будь как Маша». Электрон. источник]. Текст сопровождает изображение человечка с розовым бантиком и в розовых бусах. Ср. также: «*Это маша. Маша студентка. она знает, что у каждого преподавателя свой характер и подход к учебе. маша спокойно относится к этим особенностям. маша разумная. саша, будь как маша!*» [PicsComment: Картинка про Машу. Электрон. источник].

«Лингвокультурные типажи» конструируются в соответствии с задачами дня, т.е. в контексте определенной социокультурной ситуации, которая задает концептуальное поле выстраиваемого стереотипа, вербализуя соответствующие представления [Трошина, 2016, с. 128]; см. также: [Карасик, Дмитриева, 2005]. Так, лингвокультурный типаж образцовой девочки оказался восребованым в современном рекламном дискурсе, где активно используется логотип «*Это Маша. Маша умная. Будь как Маша*»; см., например: [Printez.ru. Электрон. источник]. Рекламный дискурс по-своему влияет на конфигурацию стереотипа в культурно-языковой картине мира, и образ Маши, как в былое время в детских комиксах, снова становится эталоном поведения; ср.: «*Надя. Будь как Маша*», «*Саша. Будь как Маша*» и т.п. [MemesMix.net. Надя Будь как Маша: Мем Мудрец. Электрон. ресурс].

Если в польской сетевой фразеологии у положительной и образцовой девушки, которая дает советы, «как правильно вести себя в реальном и виртуальном мире, <...> нет одного имени – это может быть Марлена, Мартына, Мариола или Магда» [Тарса, 2018 б, с. 305], то в русском варианте данного интернационального мема про образцовую девочку лидирует одно имя, даже не имя, а прозвище – *Маша*, сложившееся из образов в комиксах, паремиях и идиомах.

В загадках антропонимы участвуют в кодировании предметов, служащих воплощением того или иного класса. Может ли антропоним в загадках объединять собой социальный тип? Загадка концептуализирует признаки предметов материального мира, окружающего человека, тело человека, но не его внутренний мир, качества или свойства, поступки или социальные отношения. Мир, описанный в загадках, не вызывает эмоций или оценок; образы не пугают и не радуют; антропонимы в загадках задают театральность, усиливают экспрессию, путают «перевертышами» в описании предметного мира «в лицах» (см. подробнее: [Ковшова, 2018]). Ср.: *Маленький Данилка в петельке удавился (пуговица в петле)*.

Лежит Данило – замазанное рыло, Как встанет, так и небо достанет (дорога). Зарыли Данилку в сырую могилку, А он полежал, полежал, да на волю побежал. Стоит, красуется, на него люди любуются (посевное зерно) [Митрофанова, 1968, с. 121, 90, 74].

В загадках даны ценные свидетельства того, чему может быть уподоблен окружающий мир и сам человек, сквозь призму каких важных, выделенных в жизни ситуаций человек видит мир, предметы материального мира. Загадки говорят о значимости того или иного фрагмента в национальной картине мира и о стереотипах, сложившихся в коллективном сознании. Так, в одной загадке отражено стереотипное представление о том, что пуговица имеет небольшие размеры («маленький Данилка»), что пуговица должна войти в петлю («в петельке удавился»). В другой загадке – что дорога грязная, поскольку проложена по земле, по глине (в отличие от тропинки), будешь лежать – замажешь «рыло». В третьей загадке отражено стереотипное представление о зерне, в какую землю («сырая») нужно засевать зерно; что должно пройти время («полежал, полежал»); что под солнечными лучами зерно созревает, что должны быть всходы («на волю побежал»). Образ «сырой могилки» соотносится с мифологемой смерти, за которой стоят исходные архетипы; в загадке данный образ нужен, чтобы усложнить отгадывание денотата и, возможно, справиться со страхом смерти с помощью шутливого сюжета.

Тем самым в загадке находят свое отражение стереотипные представления о действительности, но антропоним не является индексом стереотипных представлений. Имя *Данило (Данилка)* не ведет в сознании к тому или иному классу предметов. Имя в загадках не указывает, не называет, а **загадывает**, кодирует в одной загадке зерно; в другой – пуговицу; в третьей – дорогу; все эти предметы разгадываются с опорой на стереотипные представления, на культурные знания, при этом антропоним не становится кодовым именем исходного денотата.

Иная роль у антропонимов в пословицах, поговорках и идиомах. Имя *Емеля* ведет к стереотипным представлениям о ленивых и пустых болтунах. *Фома* – неверующий. Имя *Варвара* собирает в один социальный тип всех любопытных.

Проведенный анализ показывает, что антропоним является репрезентативной единицей для описания функционально-знаковых особенностей паремий и идиом. Пословица выражает не мнение отдельного лица, а массовую народную оценку действительности, в образах пословиц и поговорок закрепляется поучительная

формула, прилагаемая к разным конкретным ситуациям. Идиома почти всегда выражает оценочную позицию, отношение к происходящему. Загадка свободна от кодирования этических и духовных категорий – загадка в игровых целях кодирует предметный мир. Загадка лишена социальной оценочности и идейно заряженной семантики, по сравнению с пословицами, поговорками и близкими им фразеологизмами.

Сделаем **выводы**. Собственное имя, в силу своих знаковых особенностей, отвечает постоянно возникающей у людей потребности в формировании стереотипов – коллективных представлений, синтезирующих в себе типовые ситуации и свойства объектов. В пословицах и идиомах собственное имя может быть: 1) строительным фонетическим элементом; 2) «говорящим» именем; 3) служить индексом стереотипных представлений, сформированных на основе знаний или совокупности ассоциаций. В загадках собственное имя также может быть: 1) строительным фонетическим элементом; 2) «говорящим» именем; 3) вызывать стереотипные представления, будучи прецедентным в истории и культуре именем. Однако значимость этих представлений в разгадывании денотата может быть факультативна или отсутствовать; антропонимы в загадках не кодируют социальные собирательные образы; будучи построена на антропоморфной олицетворенной метафоре, загадка не нацелена загадывать самого человека. В загадке нет нравоучений и оценочности, свойственных пословицам и идиомам, где собственное имя, согласно целевым установкам этих знаков, служит индексом стереотипных представлений. В пословицах, поговорках и идиомах собственные имена участвуют в типизации тех или иных ситуаций, образа жизни, качеств и свойств человека, его действий и поступков, а также и в их концептуальном обобщении.

Список литературы

- Академический словарь русской фразеологии / под ред. Баранова А.Н., Добровольского Д.О. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.
- Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. – 238 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 896 с.
- Большой словарь русских поговорок / под ред. Мокиенко В.М. – М.: ОЛМА, 2008. – 784 с.

- Большой словарь русских пословиц / под ред. Мокиенко В.М. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
- Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. – М.: Академия гуманит. исслед., 2005. – 224 с.
- Вознесенская М.М. Иван да Марья в русской идиоматике // XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве» / под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Шанхай, 2011. – Т. 2. – С. 83–87.
- Даль Вл. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – 992 с.
- Дронов П.С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 2018. – 102 с.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: К определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи. – Волгоград, 2005. – С. 5–25.
- Ковшова М.Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. – М., 2016. – С. 468–486.
- Ковшова М.Л. Антропонимический код в семантике паремий и идиом // Исследования русской и славянской фразеологии в синхронии и диахронии = Výzkum ruské a slovanské frazeologie v diachronii a synchronii. – Olomouc, 2018. – С. 95–101.
- Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
- Малые жанры русского фольклора: Пословицы, поговорки, загадки / сост. Морозин В.Н. – М.: Высш. школа, 1986. – 352 с.
- Маяковский В. Стихи о Фоме // Маяковский В. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Правда, 1973. – Т. 6. – С. 190–192. – (Б-ка «Огонек»).
- Митрофанова В.В. Загадки. – Л.: Наука, 1968. – 164 с.
- Николаева Т.М. Предисловие // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Материалы к коллективному исследованию. – М., 1999. – С. 5–6.
- Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 464 с.
- Пильщиков И.А. Семиотика фонетического перевода // Пограничные феномены культуры: Перевод. Диалог. Семиосфера: Материалы Первых Лотмановских дней в Таллиннском университете (4–7 июня 2009 г.). – Таллинн, 2011. – С. 54–92.
- Русские пословицы и поговорки / сост. Аникин В.П. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
- Рыбникова М.А. Загадки. – М.; Л.: Academia, 1931. – 488 с.
- Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / под ред. Мокиенко В.М. – СПб.: Фолио-ПРЕСС, 2001. – 704 с.

- Тарса Я.* «Билл умный. Будь как Билл»: История одного интернетовского крылатого выражения // Имињата и фразеологијата: Имена и фразеология: Материјали конференции 21–23 април 2017 г., Универзитет «Св. Кирил и Методиј» во Скопје. Филолошки факултет «Блаже Конески». – Скопје, 2018 а. – С. 279–288.
- Тарса Я.* Русская и польская сетевая фразеология // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. – Тула, 2018 б. – С. 304–308.
- Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999 а. – С. 13–24.
- Телия В.Н.* Деконструкция стереотипов оккультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Материалы к коллективному исследованию. – М., 1999 б. – С. 87–94.
- Трошина Н.Н.* Дискурсивное конструирование стереотипов: (На примере стереотипа HOMO AUSTRIACUS // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: Теория vs эмпирия. – М., 2016. – С. 128–131.

Электронные источники

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 05.02.2019.)
- «Будь как Маша»: Cosmo-версия популярного мема, только для девочек. – Режим доступа: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/stil-zhizni/bud-kak-masha-cosmo-versiya-populyarnogo-mema-tolko-dlya-devochek/>
- Все кидки. – Режим доступа: <https://vsekidki.ru/425-gde-leha.html>
- Ответы. – Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/197849064>
- Умный Петя | Будь как Петя. – Режим доступа: <https://vk.com/beikepit>
- Шутки про Лёшу. – Режим доступа: <https://vk.com/public80147823>
- DetiOnline. Сергей Михалков. Фома. – Режим доступа: <https://deti-online.com/stihi/stihi-mihalkova/foma/>
- Mediabitch: Независимый журнал. – Режим доступа: <http://mediabitch.ru/be-like-masha>
- MemesMix.net. Надя Будь как Маша: Мем Мудрец. – Режим доступа: <http://memesmix.net/meme/xblcfe>
- PicsComment (Картинка «Это Маша. Маша студентка...»). – Режим доступа: <http://picscomment.com/e-to-masha-masha-studentka-ona-znaet-cto-u-kazhdogo-prepodavatelya-svoj-harakter-i-podhod-k-uchebbe-masha-spokojno-otnositya-k-e-tim-osobennostyam-masha-razumnaya-sasha-bud-kak-masha.html>
- Printez.ru. – Режим доступа: <https://printez.ru/item/zhenskaja-futbolka-bud-kak-masha-254706.html> <http://memesmix.net/meme/xblcfe>

П.С. Дронов

*кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языкоznания РАН (Москва, Россия)
dronov@iling-ran.ru*

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИДИОМ,
ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПОЛЮ
ПЕЧАЛЬ¹**

Аннотация. Статья посвящена особенностям употребления русских идиом, обозначающих эмоции и относящихся к семантическому полю ПЕЧАЛЬ. Рассматриваются лексико-грамматические изменения, варианты и модификации идиом. Делается вывод о частотности таких изменений, как инверсия, целью которой является эмфаза. Лексико-грамматические изменения идиомы обусловлены ее семантикой, но при этом могут менять ее при актуализации в рамках ситуации общения.

Ключевые слова: идиомы; эмоции; семантическое поле ПЕЧАЛЬ; лексико-грамматические изменения; модификации идиом.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00736 А.

P.S. Dronov
*PhD (in Philology), Research fellow,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
dronov@iling-ran.ru*

LEXICAL AND GRAMMATICAL PECULIARITIES OF IDIOMS BELONGING TO THE SEMANTIC FIELD OF SORROW

Abstract. The paper focuses on lexical and grammatical changes, variants, and modifications occurring in emotion-related idioms, namely those belonging to the semantic field of SORROW. One such change that appears to be frequent is emphatic inversion. Lexical and grammatical modifications in idioms are meaning-based, yet they are able to change the meanings within the context and communication.

Keywords: idioms; emotions; semantic field of SORROW; lexical and grammatical changes; idiom modifications.

Эмоции свойственны носителю любого языка и представителю любой культуры, однако описание эмоций в разных лингвокультурах имеет свои особенности: ср. лингвоспецифичность и труднопереводимость рус. *тоска* или *обида* [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Wierzbicka, 1990], метафоры удивления в русской и вьетнамской фразеологии [Ковшова, Хоанг Тхи Фыонг Ха, 2014] или проблемы культурной специфики и интертекстуальности идиом [Дронов, 2018]. При их описании эффективен метафорический подход, который дает возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов, обозначающих эмоции, и ввести в описание, помимо самих этих слов, большие группы связанных с ними метафорических выражений [Апресян, Апресян, 1995].

В данной статье рассматриваются русские идиомы, относящиеся к семантическому полю ПЕЧАЛЬ.

Судя по таксонам идеографических словарей, таких как [СОВ] и [Тезаурус], печаль соотносится со следующими понятиями: плач, отсутствие смеха, физическая боль. Вполне очевидным образом в идиомах семантического поля ПЕЧАЛЬ широко распространены ориентационные метафоры типа СЧАСТЬЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, НЕСЧАСТЬЕ ВНИЗ (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону). Ср. таксоны: [Тезаурус]:

25.1.3. ПЕЧАЛЬ, СОЖАЛЕНИЕ, УНЫНИЕ

* ТРУДНОСТИ...* ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА...

как в воду отпущеный; качать головой **нейтр.**; поникнуть головой **книжн.**; повесить голову; понурить голову; падать / пасть духом; плакать (ся) в жилетку (кому-л.); петь лазаря; повесить... нос [на квинту]; нюни распустить; плакать / рыдать... на плече (у кого-л. / чьем-л.); [ходить / бродить...] как потерянный; руки опускаются (у кого-л.) **нейтр.**; опустить руки **нейтр.**; всплеснуть руками; развести руками / руки **нейтр.**; не до смеха / смеху (кому-л.); сопли [на кулак] мотать / наматывать **снижен.**; глотать сопли **снижен.**; жевать сопли **снижен.**; распустить сопли / слюни **снижен.**; мрачный как тучи; мрачнее тучи; тучи-тучей; тучи-тучею; подобрать сопли **снижен.**

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ¹

бес попутал устар. **народн.**; тъфу ты [черт] **снижен.**; черт попутал **снижен.**;

25.1.3.1. ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАДАНИЕ, ТОСКА

* ФИЗИЧЕСКАЯ БОЛЬ

терновый венец **книжн.**; рвать [на себе] волосы; посыпать голову пеплом **высок.** / посыпать [свою] голову пеплом **высок.**; биться головой о стену / стенку; рвать душу [на части]; рвать на жопе волоса / волосы **неприл.**; кусать [себе] локти; разрывать... [на себе] одежды **книжн.**; заламывать руки; руки ломать; сердце кровью обливается (чье-л. / у кого-л.); разбить сердце (чье-л. / кому-л.); разбитое сердце; сердце разрывается (чье-л. / у кого-л.); сердце обрывается (чье-л. / у кого-л.); лить слезы / слезки (по кому-л. / чему-л.); проливать слезы (по кому-л. / чему-л.); обливаться / умываться слезами; испить [горькую] чашу (чего-л.) [до dna] **высок.**

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ

хоть головой в омут / прорубь; хоть в воду; хоть волком вой; выть волком; хоть [живьем] в гроб ложись; хоть криком кричи; [хоть] ложись да / и помирай; хоть помирай; деваться некуда; куда ж деваться; хоть палкой заebись **неченз.**; хоть в петлю [головой]; хоть в петлю лезь; хоть [голову] на плаху **высок.**; голова на плаху **высок.** [Тезаурус].

¹ Под речевыми формулами понимаются идиомы различных структурных типов, содержащие отсылку к ситуации общения (в виде комментария, в форме вопроса – ответа и т.д.). – П. Д.

Представлены следующие физиологические и соматические реакции: крик, плач, отсутствие смеха, физическая боль. Представлены компоненты-соматизмы *голова, нос, шея, руки, сердце, волосы (на голове и на теле)*.

Рассмотрим особенности употребления этих идиом на трех примерах.

Вешать нос ‘унывать, огорчаться’. Подразумевается, что признаки подавленности, удрученности проявляются в чьем-л. внешнем виде. Имеется в виду, что лицо или группа лиц (Х) опечалены какими-л. неприятностями, неудачами, неурядицами и т.п. неформ. *X повесил нос*. При *отриц.* возможны формы именного компонента носа, носу. Отрицат. конструкция часто употр. в повел. накл. В роли сказ. Порядок слов-компонентов фиксирует. [БФС].

В корпусе преобладает форма совершенного вида, и это можно объяснить тем, что речь идет о переходе в состояние уныния. *Вешать нос* чаще всего употребляется с отрицанием (57 из 69 примеров в основном Корпусе [Национальный корпус русского языка. Электрон. ресурс]¹, 41 из 53 в газетном: *не вешать носа, не вешай нос* и пр.).

Рвать на себе / на голове волосы ‘приходить в отчаяние; горевать; испытывать досаду’ [ФСРЛЯ]. Идиома имеет аналоги во многих языках, причем с возможностью актантной деривации: англ. *pull out one's hair* ‘приходить в отчаяние, горевать’ – *keep one's hair on* ‘оставаться спокойным’; нем. *sich <Dativ> die Haare rausfen* ‘от отчаяния не знать, что делать’ («выдергивать себе волосы»), *Haare lassen [müssen]* ‘добраться чего-л. с потерями’ («быть вынужденным оставить волосы»); ирл. *ná bí ag stoithéadh mo chuid gruaige* ‘не нервируй меня’ («не выдергивай мне волосы»).

В НКРЯ фиксируются следующие лексико-грамматические изменения и случаи варьирования: *рвать на себе волосы* – 218 вхождений (основной корпус), 66 вхождений (газетный подкорпус); *рвать на голове волосы*: 15 вхождений (основной корпус), семь вхождений (газетный подкорпус). Обнаруживается также ввод прилагательного *последний* в функции интенсификатора (ЛФ Magn по А.К. Жолковскому и И.А. Мельчуку): *рвать последние волосы* (два примера в основном, один в газетном). Ср. (1).

1. Ионафан в это время *рвал последние волосы на обнаженной голове своей*; долго готовился он к необходимой жертве, на конец, когда вознамерился совершить ее и отпер потаенный ящик

¹ Далее в тексте – НКРЯ. – П. Д.

под своею конторкой, – увидел, что стекло было разбито и заемные письма маркиза похищены... (Е.П. Ростопчина. Палаццо Форли, (1854)); [НКРЯ] *Дисфемизм рвать на жопе волосы / волосы, зафиксированный в: [Тезаурус], не встречается в [НКРЯ]*.

Прототипические свободные словосочетания также могут употребляться с валентностью *себе (рвала себе волосы)*. Обнаруживаются два примера с явным нарушением категории неотчуждаемой принадлежности (*рвали с моей головы волосы; и он стал рвать со своей головы волосы*).

Третья идиома – речевая формула *хоть криком кричи* ‘указание на тяжелую ситуацию’. Допускается варьирование: *хоть караул кричи / хоть криком кричи / хоть кричи*. При этом *хоть караул кричи* зафиксировано в 41 вхождении основного корпуса [там же] и пяти вхождениях газетного подкорпуса, *хоть криком кричи* – в 41 примере и шести примерах, соответственно, *хоть кричи* – в 12 примерах основного корпуса. Встречаются также прототипические свободные словосочетания наподобие *хоть кричи ему – не откликнется*. Употребление идиомы можно свести к схеме *P [такая] [, что] хоть караул кричи*.

2. а. Слава Богу, все раненые, включая Адама, крепко спали, накануне погрузки в самолет им всем сделали обезболивающие и успокоительные уколы. Александре было не до сна – *все так запуталось, что хоть караул кричи*. Но надо не кричать, а молчать. Надо молчать, надо действовать тихой сапой, только так можно что-то решить, и принять это решение может только она – Александра (Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье. Октябрь, 2009). б. [naisja, nick] Здравствуйте, уважаемые форумчане! Обращаюсь к вам за помощью. Больше некуда. *Ситуация хоть криком кричи!* Просто уже отчаялась выход найти. Вот надеюсь на вашу помощь. Ребенку сделали после рождения только БЦЖ и больше никаких прививок нет (коллективный. Форум: Прививкам НЕТ!!! (Опыт в г. Севастополь) 2011) [НКРЯ]. в. – *Людей не хватает – хоть кричи: на 60 постах 15 сотрудников* (Александр ЕВТУШЕНКО. Наш человек в «Бутырке» стал очевидцем подготовки очередного побега // Комсомольская правда, 2002.03.29) [НКРЯ]. На основе анализа идиом с компонентом ПЕЧАЛЬ можно сделать некоторые выводы:

1. Идиомы часто (примерно в каждом третьем контексте) подвергаются такой синтаксической трансформации, как инверсия (средство эмфазы, усиления экспрессии).

2. Соответственно, в речевых формулах, которые сами по себе экспрессивны, инверсия встречается чаще или может являться основным или единственным вариантом идиомы (ср.: *хоть криком кричи* и не обнаруженное в корпусе *хоть кричи криком*).

3. Лексико-грамматические изменения идиомы обусловлены ее семантикой (например, при такой морфологической модификации, как изменение глагольного вида), но при этом могут менять ее при актуализации в рамках ситуации общения (например, при инверсии как средстве эмфазы, усиления экспрессии, а также при контекстно-зависимых модификациях, наподобие описанных нами ранее в: [Дронов, 2012]).

Список литературы

- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 453–466.
- БФС – Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. Телия В.Н. – М.: АСТ-Пресс, 2006. – 784 с.
- Дронов П.С. О вводе контекстно-зависимого определения в состав идиомы // Логический анализ языка: Адресация дискурса / отв. ред. Арутюнова Н.Д. – М., 2012. – С. 50–61.
- Дронов П.С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии. – М.; Ярославль: Канцлер, 2018. – 102 с.
- Дронов П.С., Полян А.Л. Пространственная концептуализация ментального и эмоционального воздействия: Модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – Томск, 2015. – № 6 (38). – С. 5–18.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – 540 с.
- Ковшова М.Л., Хоанг Тхи Фыонг Ха. Эмоция «удивление» и способы ее концептуализации в русской и вьетнамской фразеологии // Язык. Сознание. Коммуникация. – М., 2014. – Вып. 50. – С. 159–166.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Электрон. ресурс. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
- СОВ – Словарь образных выражений русского языка / Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н.; под ред. Телия В.Н. – М.: Отечество, 1992. – 368 с.

Тезаурус – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. Баранова А.Н., Добровольского Д.О. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

ФСРЛЯ – Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: ACT, 2008. – 828 с.

Wierzbicka A. *Duša* ('soul'), *toska* ('yearning'), *sud'ba* ('fate'): Three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Ed. by Saloni Z. – Białystok, 1990. – P. 13–36.

2. ДИСКУРСЫ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА В НАШЕ ВРЕМЯ

В.И. Карасик

*доктор филологических наук, профессор,
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (Москва),*

*Тяньцзиньский университет иностранных языков
(Тяньцзинь)
vkarasik@yandex.ru*

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИВАТНОСТИ И ПУБЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение приватности и публичности – личного и социального символического пространства человека – в современном российском коммуникативном поведении. В условиях глобализации, состоящей в экспансии редуцированных для массовой культуры моделей американского мировосприятия, трансформируется понимание приватности: наблюдается демонстративное продвижение своего имиджа в обиходном и институциональном общении, сопряженное с его игровым осмыслением в сетевом дискурсе, и активное несанкционированное вторжение в частную жизнь известных людей. Изменения публичного поведения, обусловленные его демократизацией и уходом от официальности, состоят преимущественно в сокращении символической дистанции в политическом, медийном и рекламном дискурсах и понижении стилевого регистра в этих сферах общения.

Ключевые слова: приватность; публичность; коммуникативное поведение; символическая дистанция; глобализация.

V.I. Karasik
*Doctor of Philology, Professor,
Pushkin state Russian language institute (Moscow),
Tianjin Foreign studies university (Tianjin)
vkarasik@yandex.ru*

CONCEPTUALIZATION OF PRIVACY AND PUBLICITY IN THE AGE OF GLOBALIZATION

Abstract. The paper deals with the correlation of privacy and publicity (personal and social symbolic space) in modern Russian communicative behavior. Nowadays we are absorbed by globalization imposed worldwide as American mass culture behavioral patterns which modify our ideas of privacy in the following way: 1) demonstrative promotion of one's image in both habitual and institutional communication blended with its ludic usage in network discourse and 2) active unauthorized intrusion into private life of celebrities. Public behavior has also undergone certain changes caused by democratization and non-officiality of self-presentation in political, media and advertising interaction which is evident in stylistic register down-drift in these spheres.

Keywords: privacy; publicity; communicative behavior; symbolic distance; globalization.

Антиномия приватности и публичности образует одно из важнейших социальных измерений человека, характеризуя наше понимание и переживание своего символического пространства, открытого либо закрытого для других людей. Такое понимание отражает диалектику важнейших архетипических категорий «свое – чужое», типы физической и символической дистанций между людьми в разных лингвокультурах, по Э. Холлу (интимная, дружеская, социальная и публичная дистанции), существенные изменения в понимании приватности и публичности в эпоху интернет-коммуникации и воздействие постмодернистского мироустройства с его игровой доминантой общения на поведение наших современников. Это понимание находит выражение в лингвистически релевантных формулах поведения, которые в наше время в любой культуре соотносятся с формулами, тиражируемыми в повседневной практике общения и разных типах дискурса под влиянием англоязычных (точнее – англо-американских) образцов коммуникативного взаимодействия. Исследования, посвященные влиянию глобализации на язык и ментальность наших современников, весьма многочисленны [Борисова, 2006; Гри-

ценко, 2013; Кирилина, 2013; Ривлина, 2016; Тульнова, 2010; Blommaert, 2003; Bolton, 2013; Pennycook, 2010].

В основу данной работы положены предположения о том, что в наши дни происходит размывание приватности и публичности в тех жанрах речи, которые ранее жестко соотносились с канонами обиходного и официального общения.

Приватность понимается как сфера частной жизни человека, противопоставляемая публичности как сфере его общественной жизни. С позиций психологии приватность рассматривается как поддержание дистанции между собой и другими людьми, ограничение вторжения в свое суверенное пространство и возможность уединения по собственному желанию. В культурологическом плане это понятие отражает сложившуюся систему обыкновений и традиций отношения к частной жизни личности. В юридическом аспекте приватность осмысливается как совокупность прав независимой личности на неприкосновенность частной жизни – право самостоятельно поддерживать родственные, семейные и дружеские отношения, контролировать доступ других людей к своим личным занятиям, к информации о здоровье, интересах и контактах, право свободно распоряжаться своими материальными ресурсами и личным временем. Соответственно, публичность трактуется как открытость, доступность и коллективность жизни человека и социума и осмысливается как право общества знать о действиях должностных лиц и коллективных органов, принимающих общественно значимые решения, и высказывать критическое мнение по этому поводу [Кравченко, 2010 а; 2010 б]. Эти характеристики приватности и публичности получают множественное и вариативное выражение в языке и коммуникативной практике.

Семантические признаки приватности детально описаны в исследовании О.Г. Прохвачевой [Прохвачева, 2005], которая приводит следующие словарно закрепленные значения слова *private* (приватный) в английском языке: 1) касающийся данного человека; 2) находящийся в чьей-либо собственности; 3) отдельный, изолированный; 4) относящийся к определенной группе; 5) неофициальный, негосударственный; 6) скрытный; 7) секретный, тайный, конфиденциальный. Ключевым признаком в этом перечне является «изолированность», которая может конкретизироваться в сферах обладания, тональности общения и информационной закрытости. Концепт «приватность» образует ассоциативные связи с концептами «личность», «взаимоотношения между людьми», «свобода», «интимность», «одиночество», «секретность», «собственность».

Отмечено, что приватность обычно осознается только в случаях ее нарушения. Один из участников коммуникативной ситуации намеренно или случайно нарушает приватное пространство другого участника, тот реагирует на это нарушение, свидетели выражают свое отношение к факту нарушения приватности.

По данным О.Г. Прохвачевой, полученным в результате опроса информантов, типичными ситуациями нарушения приватности являются следующие: 1) распространение не подлежащей разглашению личной информации, касающейся кого-либо, или стремление получить ее (врач обсуждает с кем-либо информацию о здоровье пациента, в Интернете фиксируются личные данные кого-либо, банковские службы передают кому-либо информацию о финансах клиента); 2) нарушение права личности на уединение (некто начинает разговор с человеком, который не расположен поддерживать беседу); 3) вмешательство в частные дела кого-либо (некто настойчиво включается в чужую жизнь без приглашения, дает непрошеные советы); 4) несанкционированное вторжение на чужую территорию (некто без спросу входит в чужое жилище); 5) посягательство на чужие вещи (кто-то без разрешения читает чужие письма); 6) нарушение интимной неприкосновенности (кто-то подсматривает в замочную скважину).

Соблюдение и нарушение приватности осмыслено в языке в виде лексико-семантического поля, включающего четыре основные группы лексических и фразеологических единиц: 1) базовые характеристики приватности; 2) основные виды нарушений приватности; 3) характеристики людей, нарушающих чужую приватность; 4) характеристики людей, чрезмерно восприимчивых к нарушению их приватности.

Характеристики публичности зеркально противоположны характеристикам приватности. В прилагательном *public* выделяются следующие значения: 1) относящийся к простым людям (не членам правительства или известным личностям); 2) не закрепленный в собственности отдельного человека, доступный всем; 3) известный многим людям; 4) открытый для многих людей без ограничений; 5) относящийся к ведению должностных лиц. Публичная ситуация предполагает возможное участие в ней неограниченного количества людей, при этом в такой ситуации противопоставляются представители того или иного социального института и внешние по отношению к этому институту участники общения. Публичная коммуникация носит представительский характер: в приватном общении принимают участие люди, хорошо

знающие друг друга, в публичной коммуникации на первый план выходят статусно-обусловленные коммуникативные интеракции [Карасик, 2002].

Если приватность рассматривается в коммуникативном поведении применительно к неофициальному обиходному дискурсу, то публичность ассоциируется с официальным общением, с одной стороны, и институциональной коммуникацией (политической, медийной, административной, рекламной и др.) – с другой.

Традиционно понимаемое публичное общение характеризуется открытостью и доступностью содержания, коллективностью интеракции и реализуется письменно и устно в виде контакта индивидуума с большим количеством адресатов (включая неопределенно большое их число). Тематика такой коммуникации предельно широка, его участники не обязаны хранить информацию в тайне, при этом они несут определенную ответственность за свое участие в таком общении. Типичные разновидности публичного дискурса – политическая, юридическая, медийная, педагогическая и рекламная коммуникации. Форма такого общения отличается развернутостью выражения мысли, стилистической ориентацией на официальную коммуникативную дистанцию и предполагает отчетливую артикуляцию, использование нейтральной лексики и фразеологии и неразговорных синтаксических конструкций.

Приватное общение по своей сути противоположно по всем признакам общению публичному. Оно содержательно закрыто от посторонних (это принципиально общение между своими), имеет различные знаки защиты от несанкционированного доступа (понятные говорящим аллюзии, намеки, аббревиатуры и т.д.), стремится к минимальному числу участников коммуникации (в идеале – разговор тет-а-тет), предполагает, что партнеры по общению не будут сообщать полученную информацию другим людям, но и допускает отказ от ответственности за свои слова. Оно реализуется в обиходном дискурсе и отличается пунктирностью выражения мысли, ориентацией на сокращенную дистанцию общения, часто включает сниженную лексику и фразеологию, разговорные конструкции и нечеткую артикуляцию.

Следует отметить, что «приватность» («*privacy*») является одним из концептов, определяющих специфику англоязычной культуры. Такие этноспецифические концепты можно выделить в каждой лингвокультуре, исходя из того, что национальным картинам мира присуща определенная степень своеобразия, обусловленного социально-историческими условиями жизни соответст-

вующего этноса. Специфика миропонимания и соответствующего коммуникативного поведения не означает смысловой изолированности культуры, такая специфика выступает как дополнительная уточняющая характеристика базовых ценностей и способов освоения реальности, которые являются общими для разных народов в определенную эпоху. Такая специфика подвержена динамике во времени, она вариативна применительно к различным социальным группам и индивидуумам, и ее описание ни в коей мере не означает ранжирования культур по уровню их развития. В этой связи подчеркну, что радикальная критика гипотезы Э. Сепира и Б. Уорфа о лингвистической относительности, т.е. о своеобразии содержательной системы языков и наличии определенных семантических и прагматических несовпадений при сопоставлении одного языка с другим, представляет собой пример редукционизма и упрощения реальности.

Исследования в области культурологической лингвистики и теории межкультурной коммуникации свидетельствуют о том, что на фоне общечеловеческой картины мира выделяются этноспецифические модусы восприятия тех или иных фрагментов реальности и вытекающие отсюда приоритеты в коммуникативном поведении. Эти приоритеты дают основания для противопоставления «теплых» и «холодных» культур, различающихся по степени эмоциональности общения, преимущественно коллективистских или индивидуалистских культур, в которых на первое место выходят ценности сообщества либо личности; высококонтекстных и низкоконтекстных культур, которые противопоставляются по принятой норме соотношения имплицитности и эксплицитности в общении, и т.д. Такие культурологические параметры проявляются в концептуальных системах лингвокультур и уточняются в этноспецифических концептах, таких как «тоска», «судьба», «справедливость», «пощада» в русском языковом сознании [Вежбицкая, 1999; Воркачев, 2010; Красавский, 2006; Левонтина, Шмелёв, 2000; Радзивеская, 1991; Савицкий, 2003; Сукаленко, 2000; Шмелёв, 2002], ««пунктуальность», «порядок», «уют» в немецкой картине мира [Зубкова, 2003; Пименов, 2002], «умение жить с удовольствием» (*savoir vivre*), в сознании носителей французского языка [Грабарова, 2004], «приватность», «игра по правилам» (fair play) в англоязычном мире [Прохвачева, 2005; Цветкова, 2001].

В эпоху глобализации происходит неизбежная корректировка картины мира каждого этнокультурного сообщества. Разумеется, такая картина мира модифицируется по своим законам

развития. Такая модификация обусловлена тенденциями развития культуры (для нашего времени это прежде всего – демократизация и ювенилизация общения), развития информационных технологий (массовое распространение интернет-коммуникации привело к установлению специфических виртуальных приятельских отношений между незнакомыми людьми, порой разделенными огромным пространством), развития социальных институтов (политический, медийный и рекламный дискурсы образовали единое поле воздействия государства на его граждан). Эти три вектора развития картины мира неизбежно дополняются четвертым вектором – влиянием ценностей, норм и обыкновений англоязычного сообщества в его американском исполнении, поскольку в наши дни эта цивилизация оказывает в силу экономических причин главное воздействие на мировые линии социального развития, включающие нормы и стереотипы общения.

Каковы главные особенности современной русской картины мира в аспекте приватности и публичности поведения?

Представляется, что эти особенности являются дискурсивно-специфическими. Отметим в этой связи правомерность позиции известного современного немецкого лингвиста Х. Куссе, который доказывает, что культуроведческая лингвистика должна быть дискурсивно-сенситивной, т.е. этнокультурная специфика общения ярко проявляется в институционализированных сферах коммуникации, таких как политика, религия, право, экономика и наука [Куссе, 2016, с. 13]. Думается, что список этих сфер общения может быть расширен: сюда относятся обиходное общение в его разных жанрах, художественный дискурс, который по определению наиболее тесно связан с традициями мировосприятия определенного этноса, медийный дискурс и педагогический дискурс в его школьном и академическом вариантах.

Соотношение приватности и публичности может быть схематично представлено как жестко фиксированное и лабильное. Есть виды общения, стереотипизированные в определенных речевых жанрах, которые могут быть только приватными или только публичными. Например, вряд ли можно говорить о публичном разговоре по душам или о публичном письме, содержащем шантаж. Однако сомнителен статус приватного судебного заседания или приватной научной конференции. Следует разграничить секретное и приватное общение. Секретное общение предполагает обмен информацией, закрытой для посторонних пользователей. Распространение такой информации нанесет ущерб некой организации

либо группе лиц. Приватная коммуникация касается личной жизни ее участников. Разглашение подробностей этой жизни нанесет ущерб конкретному индивиду либо направлено на продвижение определенного образа жизни. Вектор секретности направлен на общество, вектор приватности – на индивида. Отсюда вытекает, что в обществе, приоритеты которого состоят в коллективистских ценностях, приватная информация менее значима, чем секретная. В обществе, прокламируемые или продвигаемые ценности которого сориентированы на индивидуализм, актуальным становится перевод приватной информации в сферу публичной.

В коммуникативную практику нашего времени вошли медийные жанры светских новостей, касающиеся частной жизни представителей высшей власти, большого бизнеса, популярных деятелей культуры. Такая информация отражает внедрение в сознание наших российских современников концепта «celebrity» (знаменитость). В Советском Союзе такая новостная информация не была востребована, идея привлечения внимания к частной жизни известных людей считалась предосудительной. В наши дни светская хроника оформилась как четко определенный жанр российского медийного дискурса с выделением в его составе нескольких разновидностей: «Базовыми разновидностями жанра «светская хроника» в женском электронном журнале являются светская новость, светская сплетня и светский портрет. Эти жанровые разновидности в содержательном и формальном планах сориентированы на лингвокультурные ценности глобализации, основными из которых являются материальное благополучие, известность, комфорт, соответствие требованиям моды, самореализация современной женщины как профессионала, жены и матери. Ведущими концептами рассматриваемого жанра являются импортируемые смысловые образования «гламур» и «селибрити» [Халгаева, 2015, с. 5]. Разумеется, этот жанр не сводится только к информации для женщин, есть соответствующие мужские журналы, а также издания и информационные ресурсы, не предполагающие гендерной специализации.

Отметим в связи с этим появление такой группы людей, как папарацци – фоторепортеров, снимающих знаменитостей без их ведома и согласия в пикантных ситуациях для привлечения внимания публики к частной жизни этих людей. Затем эти фотоснимки попадают в печать, а в наши дни тиражируются в сети Интернет, например:

Папарazzi сняли, как Крис Браун душит подругу, но он говорит, что это была шутка. На фотографиях певец крепко держит девушку за шею, пока другая женщина пытается его оттащить. Папарazzi засняли Криса Брауна в то время, когда он якобы душил свою подругу. Пострадавшая явно выглядит расстроенной, и ей на помощь приходит еще одна женщина, которая пытается оттащить 28-летнего Криса, сообщает Mirror.

Аналогичная информация тиражируется и в российских средствах массовой информации:

Солист группы «Ласковый май» Дмитрий Тревога потерял сознание во время перелета из Москвы в Сургут. Об этом в своем Инстаграме написал продюсер Андрей Разин. Узнав о случившемся, экипаж самолета обратился к пассажирам с вопросом о том, есть ли среди них медики. «И нам очень повезло, что в этом самолете летела врач реанимации Елена, которая сделала все возможное для того, чтобы Дмитрию стало легче», – написал Разин. Об этом сообщает Рамблер.

Актуальным информационным моментом в этом случае, как и в предыдущем сообщении, является не факт сам по себе (он может быть интересен для медиков либо юристов), а фигурант, о котором идет речь (это привлекает внимание широкой публики).

Специфика нашего времени состоит в целенаправленном активном продвижении себя как способе жизни. Этот *modus vivendi* получил особое распространение в сетевом дискурсе в жанре, который можно обозначить как демонстратив [Карасик, 2019]. Суть этого жанра состоит в подчеркивании самопрезентации как разыгрывания определенной роли. Этот феномен неоднократно был предметом осмысления в научной литературе [Habermas, 1984; Goffman, 1972; 1974; Bimber, Flanaging, Stohl, 2005; Bennett, 2012; Погонцева, 2012]. Презентационная функция в общении представляет собой сложное образование, в составе которого можно выделить демонстративный, артистический и критический компоненты. Первый характеризует субъекта как лицо, выходящее на авансцену действия (привлечение внимания к своей персоне), второй определяет манеру презентации (степень умения разыгрывать ту роль, которая предписана ситуацией), третий описывает взгляд на коммуниканта со стороны (включая самооценку).

Термин «демонстративность» используется в психопатологии для характеристики истероидных личностей. В традиционной культуре бесспорным достоинством считается скромность, нежелание быть в центре внимания, причем скромный человек, в от-

личие от робкого и застенчивого, может при необходимости выйти на авансцену и не боится публичности. Ценности традиционной культуры соответствуют коллективизму как культурной доминанте поведения. В наши дни выставление себя напоказ становится цивилизационной нормой, от школьников требуются портфолио с фиксацией каждого успеха, приветствуется готовность выделяться как важное качество для успешной карьеры. Это связано с повышением уровня состязательности в обществе и в определенной мере соответствует нормам поведения, которые продвигаются как ведущие тренды глобализации. Широкое распространение электронных социальных сетей привело к изменению соотношения приватности и публичности в их разных проявлениях. В этом плане изучение демонстративности не как патологии, а как распространенного типа самопредъявления представляется интересным для понимания ценностей современной культуры, отраженных в языковом сознании и коммуникативной практике.

Именно поэтому в сознании многих наших современников концепт «кротость» полностью потерял актуальность и ассоциируется только с нормами религиозного мировосприятия.

В русском ассоциативном словаре приводятся следующие реакции на стимул «кроткий»: *взгляд, человек (8), мальчик (7), тихий (6), скромный, ягненок (4), длинный, заяц, как ягненок, нрав (3), нежный, ребенок, характер, юноша (2), девушка, день, животное, застенчивый, зверь, звук, как я, крот, крутой, ласковый, маленький, мелкий, миг, мягкий, овца, отрезок, перерыв, покорный, порыв, пояс, путь, речь, робкий, ропот, себе на уме, смирный, спокойный, срок, стержень, стиль, удар, ум, умение, урок, ученик, фильм, хомяк, хороший, христианин, шнур, щенок, экзамен, язык* [РАС 1, с. 279]. Показательны ответы от реакции к стимулу: *застенчивый, короткий, отсталый, ум (1)* [РАС 2, с. 368]. В русском ассоциативном словаре реакций школьников слово «кроткий» отсутствует, но есть единичные примеры обратного движения – от реакции к стимулу: *робкий* [РАСШ, с. 155]. Если отвлечься от нерелевантных реакций и сугубо фонетических ассоциаций, то можно заметить, что преобладает внешняя характеристика поведения (*тихий*), а также оценка качеств человека (*скромный, застенчивый, покорный, робкий*), приводится типичное сравнение с ягненком и зайцем (*кроткий = робкий*). Разговорным вариантом такого поведения стало слово «забитый»: *человек (19), запуганный, мальчик, несчастный (2), больной, бояться, дурак, закомплексованный, неудачник, никакой, опущенный, оскорбленный, скованный, тихий*,

тиюфяк (1) [ПАС 1, с. 292]. Обратная реакция: забитый человек – лох [ПАС 2, с. 247]. В ассоциативном словаре употребительной русской лексики жаргонное слово «лох» ассоциируется с реакциями *дурак (24), неудачник (12), человек (7), глупый, лопух, тюфяк (3), балбес, бедный, дебил, идиот, лузер, недотепа, слабый, тутица, чмо (1)* [АСУРЛ, с. 95].

Вывод очевиден: положительной оценки поведения, характерного для скромного, застенчивого и тихого человека, в ответах информантов нет. Это особенно характерно для речи школьников. Впрочем, не случайно Ф.М. Достоевский назвал свое программное произведение словом «идиот»: люди такого склада всегда вызывали непонимание и насмешку современников. В наше время приоритетом является не религиозное отношение к миру, а упорство в состязательной борьбе за место под солнцем. Такова доминанта корпореальной культуры, сориентированной на получение удовольствий здесь и сейчас. Вместе с тем всегда были и будут люди с иной ценностной установкой, детально охарактеризованной в произведениях художественной литературы. Разрыв между выбирающими один из таких векторов мировосприятия будет, по-видимому, возрастать.

Не менее значимы изменения в публичном поведении наших современников в политическом, медийном и рекламном дискурсах.

Если раньше публичная коммуникация строилась по правилам официального либо неофициального общения (выступление с докладом на собрании и спор на базаре), то в наши дни официальное выступление в ряде случаев начинает включать элементы маркированной разговорной речи, например во время пресс-конференции. Заслуживают внимания факты использования вульгариз-мов во время официальных коммуникативных событий. Конечно, такие факты единичны и заслуживают порицания, но отметим, что известная эмоциональная реплика российского министра иностранных дел («Дебилы, ...!») в адрес журналистов, задавших ему банальный вопрос, в российском интернет-сообществе была воспринята в целом одобрительно. Возможно, министр думал, что его микрофон выключен, либо сделал вид, что так думал. Возникают новые жанры речи, например «политический прикол» [Гридина, 2011].

Показательны изменения в публичном медийном развлекательном дискурсе. В жанре политического ток-шоу (отметим, что этот жанр является прямым заимствованием из англоязычной телевизионной практики и даже сохранил англоязычное обозначение

talk-show) обсуждаются актуальные проблемы современной политической жизни [Княжева, 2018; Ларина, 2004]. В студии находятся ведущий, приглашенные участники, занимающие полярные политические позиции, эксперты, которые могут высказать свое мнение по обсуждаемым вопросам, и присутствующая в студии публика. Отметим важную особенность участников сетевого дискурса: противопоставляются публика и аудитория (public and audience): Очень важным является противопоставление двух типов адресатов в сетевом дискурсе – аудитории и публики: *An audience is passive; a public is participatory* [Blood, 2000] – «Аудитория безмолвствует, публика участвует в обсуждении». В телевизионном шоу аудиторией являются зрители у экранов своих телевизоров, а публикой – приглашенные зрители, одобрительный или осуждающий гул голосов которых является составной частью этого публичного представления.

Грубость в публичном поведении со стороны участников ток-шоу и ведущих стала общим местом. Например:

«Место встречи» (НТВ, Россия). Ведущие – Ольга Белова, Андрей Норкин

A.H.: Господин Р., вы не там воевали.

A.P.: Заткнись, пожалуйста! Заткнись, не тебе вопрос задан.

A.H.: Тыкать мне не надо! Я ведь могу рассердиться.

A.P.: Благодаря вот этой мрази погибли миллионы людей, уничтожена держава, которую никто никогда не мог победить военным образом.

Понятно, что состязание предполагает демонстрацию боевых качеств его участников, но крики, использование сниженной лексики, демонстративное пренебрежение нормами вежливости превращают публичное общение в базарную перебранку.

Во время таких развлекательных передач используются жаргонные шутливые выражения:

A.H.: Еще раз перебьешь – в бубен получишь.

C.M.: Это молодое оборзевшее мурло.

Нарушаются нормы общепринятой этики:

H.I.: Не стоит серьезно относиться к человеку, который на восьмой десяток пошел.

Я.К.: Я не считаю, что руководители Европы – абсолютные дебилы.

Подобные примеры демонстрируют отчетливую тенденцию вульгаризации медийного развлекательного дискурса и потакание

вкусам людей, для которых не существует запретов. Известно, что культура начинается с запретов, хотя и не должна сводиться к ним.

Аналогичным образом понижается культурный уровень рекламного дискурса. Например:

Компания продавала пластиковые окна и решила поддержать продажи рекламой. Реклама такая: «Эдик – ЛОПУХ! Купил ОКНО за 10 500 рублей! А у нас дешевле!» Служба признала рекламу оскорбительной и выписала штраф [Ответили за «Эдика-лопуха...» Электрон. ресурс].

Создатели рекламных текстов порой балансируют на грани допустимого, стараясь сделать эти тексты запоминающимися:

На рекламном плакате магазина «Ноутбум» изображен профиль подростка с наушником в ухе. Текст: «Купил ноутбук – получи в ухо!» [Рейтинг оскорбительных реклам... Электрон. ресурс].

Суть рекламы была проста: кто купил ноутбук, получал в подарок mp3-плеер. Юмористический эффект этой фразы состоит в том, что в разговорном русском языке такое выражение означает угрозу. Такая непрятательная шутка сориентирована на людей с невысоким интеллектом.

Подведем основные итоги.

Наблюдения над осмыслением приватности и публичности в современном русском коммуникативном поведении свидетельствуют о том, что сфера частной жизни человека в определенной мере перестает быть его интимным достоянием. Это касается прежде всего известных людей и становится возможным благодаря развитию новых технических средств массовой коммуникации. Наблюдается активное продвижение собственного имиджа в обиходном дискурсе как знака активной состязательной позиции в жизни. Этот ценностный поворот в сознании полярно противоположен доминантам коллективистской культуры и соответствует продвигаемым базовым ценностям общества потребления в его американском варианте. Основные изменения в сфере публичности состоят в расширении игровой сниженной состязательности в тех ситуациях, которые ранее не ассоциировались с разговорным стилем регистром, и в примитивизации моделей поведения, одобряемых людьми с невысоким культурным уровнем.

Список литературы

- АСУРЛ: Ассоциативный словарь употребительной русской лекции: 1080 стимулов / науч. ред. Рудакова А.В., Стернин И.А. – Воронеж: Истоки, 2011. – 187 с.
- Борисова Е.Г. Особенности антиглобалистского дискурса в России // Изв. УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 17. – С. 26–35.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1999. – 780 с.
- Воркачев С.Г. Специфичность универсального: Идея справедливости в лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 299 с.
- Грабарова Э.В. Концепт «savoir-vivre» во французской лингвокультуре и его русские соответствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 20 с.
- Гридина Т.А. Языковая игра в жанре политического прикола // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 47–51.
- Гриценко Е.С. Глобализация и маркетизация: Рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2013. – № 4 (46). – С. 184–191.
- Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 19 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Пере-мена, 2002. – 477 с.
- Карасик В.И. Языковые мосты понимания. – М.: Дискурс, 2019. – 524 с.
- Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков // Вопр. психолингвистики. – М., 2013. – № 17. – С. 136–42.
- Княжева К.Н. Особенности организации речевого взаимодействия в ток-шоу // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – М., 2018. – № 5. – С. 45–52.
- Кравченко И.И. Приватность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. – М.: Мысль, 2010 а. – Т. 3. – С. 342–343.
- Кравченко И.И. Публичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. – М.: Мысль, 2010 б. – Т. 3. – С. 387.
- Красавский Н.А. Этномаркированный концепт «тоска» // Антропологическая лингвистика: Сб. науч. тр. / под ред. Красавского Н.А., Москвина В.П. – Волгоград: Колледж, 2006. – Вып. 5. – С. 97–107.
- Куссе Х. Культуроведческая лингвистика: Введение / пер. с нем. Новоселовой М. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 372 с.
- Ларина Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса: (На материале американских телевизионных программ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 21 с.
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. За справедливостью пустой // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е., Рябцева Н.К. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 281–292.

- Ответили за «Эдика-лопуха»: История Приамурья. – Режим доступа: <http://www.amur.info/news/2016/11/28/118376>
- Пименов Е.А.* Концепт Gemüt в немецком языке // Язык. Культура. Человек. Этнос. – Кемерово: Графика, 2002. – С. 79–82.
- Погонцева Д.В.* Самопрезентация в киберпространстве // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2012. – № 2 (4). – С. 66–72. – Режим доступа: http://cyberspace.pglu.ru/issues/list.php?SECTION_ID=2976
- Прохвачева О.Г.* Концепт «Приватность» // Иная ментальность / Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. – М.: Гнозис, 2005. – С. 102–202.
- Радзивская Т.В.* Слово «судьба» в современных контекстах // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 64–72.
- РАС 1: Карапулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. – 784 с.
- РАС 2: Карапулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 2: От реакции к стимулу. – 992 с.
- РАСШ: Гольдин А.П., Сдобнова А.П., Марьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: Ассоциативные реакции школьников 1–11 классов. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2011. – Т. 1–2.
- Рейтинг оскорбительных реклам: «Купил ноутбук – получи в ухо». – Режим доступа: <https://ngs24.ru/news/68691/view>
- Ривлина А.А.* Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики // Социальные и гуманистические науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2016. – Т. 50, № 2. – С. 22–29.
- Савицкий В.М.* Бог Аполлон и серая обезьяна: (Концепт ‘пошлость’ в пространстве культуры) // Аксиологическая лингвистика: Игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / под ред. Карасика В.И., Слышикина Г.Г. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 173–190.
- Сукаленко Н.И.* Пошлость как концепт русской культуры // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2000. – № 471. – С. 255–260.
- Тульнова М.А.* Концепт «прогресс» в глобалистском дискурсе // Вестн. Иркутск. гос. лингв. ун-та. – Иркутск, 2010. – № 2 (10). – С. 169–175.
- Халгаева Д.Д.* «Светская хроника» как жанр женских электронных журналов: (На материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2015. – 26 с.
- Цветкова М.В.* Концепт «fair play» в английской национальной ментальности // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Ч. 2. – С. 87–90.
- Шмелёв А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – 496 с.

- Bennett L.* Grounding the European public sphere: Looking beyond the mass media to digitally mediated issue publics. – B.: Freie Univ., 2012. – (KFG Working Paper Series, 43). – Mode of access: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-373517>
- Bimber B., Flanaging A., Stohl C.* Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment // *Communication theory*. – 2005. – N 15/4. – P. 365–388.
- Blommaert J.* Commentary: A sociolinguistics of globalization // *J. of sociolinguistics*. – L., 2003. – Vol. 7 (4). – P. 607–623.
- Blood R.* Weblogs: A history and perspective. – 2000. – Mode of access: http://www.rebeccablood.net/essays/weblog_history.html 31.03
- Bolton K.* World Englishes and international call centers // *World Englishes*. – 2013. – Vol. 32 (4). – P. 495–502.
- Goffman E.* Relations in public: Microstudies of the public order. – Harmondsworth: Penguin Books, 1972. – 460 p.
- Goffman E.* Frame analysis: An essay on the organization of experience. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 1974. – 586 p.
- Habermas J.* The theory of communicative action. – L.: Heinemann, 1984. – Vol. 1: Reason and the rationalization of society. – 465 p.
- Pennycook A.* Popular cultures, popular languages, and global identities // *The Handbook of language and globalization* / Ed. by Coupland N. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 592–607.

Н.В. Уфимцева
доктор филологических наук, профессор,
заведующая Сектором этнопсихолингвистики,
Институт языкоznания РАН
nufimtseva@yandex.ru, +7(495) 6901464

О.В. Балысникова
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Сектора этнопсихолингвистики,
Институт языкоznания РАН
o.balyasnikova@iling-ran.ru, +7(495) 6901464

ЭТНИЧНОСТЬ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР: (НА МАТЕРИАЛЕ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)¹

Аннотация. Признание значимости интернет-среды как сферы интенсивной коммуникации инициирует необходимость исследования ее конфликтогенности усилиями ряда наук. Особенности виртуальной среды с ее техническими возможностями определяют повышенный уровень агрессивности общения в ней. Упоминание этничности, представляющей собой один из критериев личностной и групповой (ауто)идентификации, приобретает в Сети особый конфликтогенный характер. Манипулированию этничностью способствуют такие особенности виртуальной коммуникации, как анонимность, возможность конструирования идентичности и особые средства выражения эмоций. Две последние особенности существенно отличают виртуальную конфликтную коммуникацию от реальной. В существующих в настоящее время исследованиях киберрасизма и ин-

¹ Работа выполнена по гранту Китайского гуманитарного научного фонда (КГНР) 18 ВУУ234 «Сопоставительное исследование китайско-русского языкового сознания и создание ассоциативного тезауруса», 2017–2022. – Н. У., О. Б.

толерантности в сетевой коммуникации, основанных на количественном и качественном анализе соответствующих текстов, особое внимание уделяется лексике и интолерантным коммуникативным стратегиям. Такой анализ апеллирует к уже опубликованному тексту. Поиск причин конфликта, основанного на этничности, невозможен без обращения к культурным факторам, определяющим его направление и характер. Мнение, согласно которому конфликтность в Сети может быть обусловлена особенностями культуры коммуникантов, нуждается в уточнении с опорой на данные этнопсихолингвистических исследований. Последние позволяют определить наиболее чувствительные к конфликту зоны, представители которой задействованы в конфликте либо являются объектами целенаправленной агрессии.

Ключевые слова: этничность; Сеть; виртуальная сфера коммуникации; вербальный конфликт.

N.V. Ufimtseva

Doctor of Philology, Professor,

Head of Sector of ethnopsycholinguistics,

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

nufimtseva@yandex.ru, +7(495) 6901464

O.V. Balyasnikova

PhD (in Philology), Senior researcher,

Sector of ethnopsycholinguistics,

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

o.balyasnikova@iling-ran.ru, +7(495) 6901464

ETHNICITY AS CONFLICTOGENIC FACTOR: (ON MATERIAL OF NETWORK COMMUNICATIONS)

Abstract. Recognition of the importance of the Internet as a sphere of intense communication triggers a need to study its contentiousness. Features of the virtual environment with its technical capabilities determine the increased level of aggressiveness of communication. The mention of ethnicity, which is one of the criteria of personal and group (auto)identification, acquires a special conflictogenic character in the Network. Manipulation of ethnicity is facilitated by such features of virtual communication as anonymity, the possibility of constructing identity and special means of expressing emotions. The last two features significantly distinguish virtual conflict communication from real one. In the current research of cyber-racism and intolerance in network communication, based on quantitative and qualitative analysis of the relevant

texts, special attention is paid to vocabulary and tolerant communication strategies. This analysis appeals to the already published text. The search for the causes of the conflict based on ethnicity is impossible without addressing the cultural factors that determine its direction and nature. The opinion, according to which the conflict in the Network can be caused by the peculiarities of the culture of communicants, needs to be based on the data of ethnopsycholinguistic studies. The latter make it possible to identify the most sensitive areas to the conflict, the representatives of which are involved in the conflict or are the objects of targeted aggression.

Keywords: ethnicity; Network; virtual sphere of communication; verbal conflict.

Виртуальная среда, в которой происходит интенсивная коммуникация, является конфликтогенной сферой, которая способствует возникновению споров, несогласия, конфликта и даже агрессии [Buttlie, Buder, 2017]. Выделяются особые жанры интернет-коммуникации, имеющей конфликтный характер, в числе которых так называемый кибербуллинг – провокативное речевое поведение, проявляющееся в целенаправленном преследовании собеседника, и такие его виды, как деструкция / унижение, преследование, флейминг, имперсонизация, текстовые сообщения [Воронцова, 2016; Смирнова, 2017; Стексова, 2017; Bullying in the digital age., 2014; Ouvrein, De Backer, Vandebosch, 2018; Cohen-Almagor, 2018]. С Интернетом связываются и такие понятия, как глобализация и транснациональная идентичность; роль Сети в конструировании идентичности, в том числе этнической, представляется неоднозначной (см. об этом, например: [Garcés-Conejos Blitvich, 2018]).

Наряду с отдельными конфликтными жанрами существуют проявления конфликтности в текстах самого разного характера. Сетевая среда провоцирует возникновение спонтанных, ненамеренных конфликтов, что наблюдается в комментариях к новостям, постам и т.д. Такие комментарии представляют собой также текст, ориентированный одновременно на исходный текст сообщения (новости), который может иметь различный конфликтогенный потенциал, на собеседника и на третьих лиц, например представителей власти.

Анализируя природу киберагрессии, исследователи устанавливают ее двойственность, определяемую «телесной непредставленностью» коммуникантов [Кузнецова, Чудова, 2011, с. 142], исключающую возможность физической агрессии. Характерно, что

агрессивное поведение как таковое может быть обусловлено особенностями культуры собеседников, которая «задает нормы агрессии и является первостепенным источником формирования деликвентного поведения», таким образом, «становится возможной постановка вопроса о “культуральной” специфике агрессивного поведения в Интернете» [Кузнецова, Чудова, 2011, с. 143]. При этом, согласно результатам диагностики уровня агрессии «жителей Интернета», агрессия может иметь статус не мотива деятельности, а операции, т.е. иметь ситуативный, инструментальный статус, более того, как показали исследования, уровень агрессивности носителей интернет-культуры в целом является низким [там же].

«Всплеск этнической конфликтности» 90-х годов ХХ в. и конфликт идентичностей, особенно проявившийся в 2000-х [Авксентьев, 2008; Pedersen, Keinzier, 2017], не мог не повлиять на общий уровень конфликтогенности общения в Сети как одной из важнейших сфер коммуникации. Факт множественности конфликтов, постоянно возникающих в виртуальной реальности, инициирует для обсуждения этические и правовые вопросы, связанные с допустимыми пределами публично выражаемой нетерпимости к предмету обсуждения, собеседнику, лицам, упоминаемым в разговоре, в частности к их этнической принадлежности. В этом отношении этничность представляется весьма сильным конфликтогенным фактором. Особенно уязвимыми оказываются молодые пользователи Сети: по данным, представленным в работе [Tynes, Reynolds, Greenfield, 2004], при отсутствии сдерживающих условий, например наблюдения за процессом общения со стороны, негативные этнические представления фиксируются более чем в половине случаев.

Значительную часть негативных комментариев с упоминанием этничности вызывают «нейтральные» сообщения-тексты о произошедших событиях. В исследовании [Тубалова, Эмер, Перевалова, 2012] было продемонстрировано влияние конфликтогенного потенциала текста на тип конфликтного сценария реакций на него. Понятие конфликтогенного потенциала текста-стимула, который может не содержать явно провоцирующих на конфликт языковых средств, является очень удачным для описания типов конфликтных ситуаций, но неоднозначным с точки зрения выделения непротиворечивых формальных критериев этой конфликтогенности. Видимо, в этом качестве могут быть выделены и исследованы отдельные фрагменты-блоки, организованные дискурсивными языковыми единицами (уровень описания языковой

рефлексии конфликтантов), и отдельные языковые средства, соотнесенные с конфликтогенными зонами культуры (уровень описания *языкового сознания* коммуникантов). Чем определенное это соотношение, тем больший конфликтогенный потенциал очевидно имеет текст для представителей определенной культуры. Согласно выводам упомянутых выше авторов, количество конфликтных реакций определяется спецификой текста-стимула, где значимыми оказываются, во-первых, объект рефлексии, во-вторых, способ верbalного оформления текста-стимула.

В процессе проведенного нами ранее анализа комментариев к онлайн-новостям о положении нелегальных мигрантов в Москве [Балясникова, 2015 а] было выявлено, что нейтральный тон текста-стимула – отсутствие эмоционально окрашенных средств языка, в том числе пейоративных – слабо влияет или не влияет на появление таковых в комментариях. Очевидно, что, ориентируясь с самого начала на реальность, стоящую «за текстом», реципиент оказывается нечувствительным к собственно языковым репрезентациям стимульного текста. Здесь особенно значима гипертекстуальность: приравнивание мигрантов к потенциальным преступникам имплицируется сообщениями о том, сколько преступлений совершается в Москве приезжими. В текстах комментариев активно обсуждается тема *нечистоты*, косвенно связанной с темой *переизбытка мигрантов* в Москве; тема *захвата территории*; оппозиция «свои – чужие» приобретает вид «*москвичи – мигранты*», то расширяясь до противопоставления «*русские – мигранты*», то сужаясь до «*москвичи – немосквичи*» при возникающих локальных конфликтах. В рассматриваемых конфликтных текстах, построенных на этничности обсуждаемой группы, происходит 1) перенос пейоративной оценки на оппонента, 2) сокращение коммуникативной дистанции (обращение к оппоненту на *ты*), 3) настойчивое инициирование оппонента к совершению определенных действий при невозможности их фактического осуществления (предложение отдать собственные деньги на депортацию мигрантов из России), 4) логическое расширение (предложение оппоненту поселить мигрантов в своей квартире, обеспечить им комфорт за счет личных средств и т.д.). Таким образом, оказываются налицо все признаки негативных этностереотипов и этнических предубеждений, которые, кстати, могут выражаться как словесное творчество или юмор [Балясникова, 2015 б].

В среде же самих мигрантов, общающихся в Сети, фактор этничности оказывается задан фоном общения, которое, собст-

венно, и организуется вокруг него и с его непременным учетом. При условии билингвальности выбор языка не только подчеркивает этот фактор этничности, но и используется для конструирования конфликта [Perelmutter, 2018].

Во многих случаях этничность может стать триггером речевого конфликта. Как мы отмечали выше, сама по себе она является конфликтогенным фактором, будучи связана с наиболее устойчивой формой аффилиации личности, с тем «целым», из которого, в отличие от социальной группы, человека исключить невозможно [Степаненко, 1999].

Поводом для обнаружения этничности, в том числе ложной, может стать собственно поведенческий фактор, на основании чего с опорой на имеющиеся у коммуникантов знания и делается вывод об этничности. Такие примеры типичны. Так, в комментариях к статье «Россия может забрать свои памятники и заплатить за их ремонт и содержание» («wPolityce», Польша) на сайте Иносми.ру один из пользователей пишет: *статью не читал По заглавию ясно, автор недочеловек, а по национальной принадлежности так вообще все встает на свои места, мерзость редкая* [«Россия может забрать свои памятники и заплатить за их ремонт и содержание» («wPolityce», Польша). Электрон. ресурс].

Ниже представлен фрагмент обсуждения новости о задержании вооруженных битами людей – в различных СМИ были представлены разные сведения о национальности участников событий 6 мая 2013 г.:

*А какой нации граждане вартоўска та ехали на разборки?
Пытаетесь разжечь?:-) Все наши – расейския.*

Где я пытаюсь разжечь? интересуюсь вроде все свои дома сидят а не с оружием в пасху ездят

Вот запретили в СМИ национальность указывать, так и новость сразу непонятной становится. А как услышал, так сразу прозрел)

Многочисленные фото и видео широкоплечих русых богатырей какбэ намекают.. и т.д.

Следующим тактическим шагом является обычно объяснение неодобляемого поведения фактором этничности:

*Видно привыкли все решать таким образом
Прямо как дикии какие то с дубинами*

Какие малолетки!? Вы новости смотрели? Это кавказ, ребята!

Так эти малолетки опаснее взрослых. У них крышу срывает огого и т.д.

Идентификация этничности оппонента также может оказывать значительное влияние на интерпретацию его высказываний и, что особенно важно, *мотивов и намерений* последнего. Подобные искажения ведут к субъективному преувеличению деструктивной силы намерений, целей и результатов оппонента [Юридическая конфликтология. Электрон. ресурс].

Упоминание этничности может избегаться в целях политкорректности, но в сетевой коммуникации действуют несколько условий, облегчающих преодоление барьера в общении при упоминании этничности.

Анонимность. Известно, что для адекватного осуществления речевой деятельности необходимо сориентироваться в собеседнике и в том, какой результат принесет процесс взаимодействия именно с ним – особенно это справедливо по отношению к намеренно конфликтогенным высказываниям. В реальных условиях образ собеседника создается с опорой на информацию, поступающую по визуальным и / или аудиальным каналам, что дает в числе прочих представление и об этничности оппонента¹. В виртуальной реальности формирование образа собеседника происходит при явном недостатке достоверных знаний о нем, обусловленным фрагментированностью и неоднородностью информации, отсутствием непосредственно наблюдаемых в контакте невербальных знаков общения и неестественностью эмоционального контакта (см. об этом: [Худа-Гранат, 2010]), в котором происходит эскалация конфликта.

Конструируемая идентичность. Информационное общество сделало реальность самопрезентации истиной в последней инстанции, своего рода окончательной реальностью, позволяющей экспериментировать с идентичностью – той, которую в реальных условиях невозможно или чрезвычайно трудно изменить. В качестве примеров экспериментирования с идентичностью называют, например, смену пола и девиантное поведение [Берулава, 2012].

¹ Это представление может быть истинным или ложным, или, будучи ложным, выдаваться говорящим за истинное. В любых случаях негативный этностереотип может выполнять функцию аргумента в конфликтном общении. – *H. B., O. B.*

Роль субъективной информации (личного мнения, оригинальности текстов) в Интернете существенно более значима, чем в реальной коммуникации, в связи с большим количеством собеседников или наблюдателей (читателей), статус которых также непостоянен. Кроме того, в отличие от устного высказывания, письменная форма речи, даже если сетевое общение считать промежуточным между ее письменной и устной формой, требует большей рефлексии. При этом результат сетевого сообщения доступен корректировке до того, как оно будет отправлено.

Общую инвективность в Сети необходимо рассматривать с учетом особенностей функционирования языка в данной сфере. Одной из таких особенностей является дистанция, на которой существует общение конфликтантов: с одной стороны, она может быть огромной или даже не определяемой, а с другой – может отсутствовать, поскольку именно в виртуальной реальности появляется возможность контакта представителей различных социальных или этнических групп. Анонимность и чувство безнаказанности за свои действия в этом случае приводит инвектививную личность к ощущению свободного и безнаказанного проявления агрессии [Шапиро, 2015; Amichai-Hamburger, 2015].

Невербальные знаки эмоций. В конфликтном взаимодействии как таковом содержится значительное число высказываний с негативной коннотацией, причем языковые индикаторы конфликта оказываются чрезвычайно разнообразными. Как при спонтанно возникающем, так и при намеренно инциируемом конфликте особым эмоциональную нагрузку несет лексика; например на основании контент-анализа конфликтогенной лексики интернет-запросов оказывается возможной вероятность конфронтационного взрыва [Хроменков, Максименко, 2016].

Существует мнение, что психологические характеристики личности в своей совокупности формируют устойчивый стиль ее поведения в разных конфликтных ситуациях [Юридическая конфликтология. Электрон. ресурс]. Однако «конфликтный репертуар» такой личности бывает довольно ограниченным [там же], и апелляция к этничности, которая «все объясняет», представляется ей наиболее очевидным аргументом для доказательства своей точки зрения. Стереотипность конфликтных реакций, находящая выражение прежде всего в синтаксисе и лексике (см., например: [Третьякова, 2009]), проявляется также и стратегически: обнаружение этничности собеседника ведет как к объяснению причин

его осуждаемого поведения, так и к прогнозированию последующих действий.

Возрастающее количество намеренно негативных интернет-публикаций в отношении этничности личности, изощренность и разнообразие как словесных, так и предоставляемых Сетью возможностью невербальных средств выражения этнической интолерантности, позволили исследователям говорить о высоком уровне современного киберрасизма. Киберрасизм трактуется как форма коммуникации, инициируемая группами или отдельными лицами и реализуемая в первом случае преимущественно через веб-сайты (расширение аудитории которых осуществляется благодаря использованию музыки, видео и интерактивных игр), а во втором – посредством форумов и блогов [Online networks of racial hate, 2018]. Авторами упомянутой работы был предпринят анализ англоязычных научных публикаций, посвященный киберрасизму (онлайн-расизму, 2005–2015 гг., с акцентом на таких параметрах, как источник (индивиду или группа), канал коммуникации, цель, коммуникативные стратегии и потенциальный эффект. Исследование подтвердило, что Интернет предоставляет большие возможности для формирования транснациональной идентичности.

Применяемые для исследования текстов киберрасизма преимущественно качественные методы – дискурсивный, тематический и контент-анализ – ориентированы на анализ уже состоявшихся речевых произведений. Однако если речь идет об установлении причин конфликта, основанного на этничности, то становится очевидным взаимонаправленное исследование болевых точек / конфликтогенных зон личности как таковой, при учете этничности как одного из важнейших критериев идентичности вообще, а кроме того, к особенностям конкретных культур, представители которых оказываются задействованными в виртуальном конфликте. В этом отношении утверждение о «заданности» конфликтного поведения культурными особенностями коммуникантов приобретает особый характер и нуждается в уточнении с опорой на данные исследований, позволяющих определить наиболее чувствительные к конфликту зоны конкретной культуры, носители которой участвуют в конфликте либо являются объектами целенаправленной агрессии.

Список литературы

- Авксентьев В.А.* Культура конфликта в конфликтологическом сценарии // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. – СПб.: Алетейя, 2008. – Т. 3: Культурная динамика / отв. ред. Спивак Д.Л. – С. 16–26.
- Балясникова О.В.* Человек в конфликтогенном информационном пространстве: Проблема нелегальной миграции в текстах новостей и комментариев (Москва, лето 2013 г.) // «Полифония большого города»: Город как перекресток миров: Текстовое многоголосье. Семиотика городского ландшафта: Материалы конф. / редкол.: Терентий Л.М. и др. – М.: Канцлер, 2015 а. – С. 6–11.
- Балясникова О.В.* Возможности и перспективы этнопсихолингвистического исследования конфликта // Вопр. психолингвистики. – М., 2015 б. – № 4 (26). – С. 12–20.
- Берулава Г.А.* Поведенческие стереотипы с позиции теории сетевого образования. – М.: РИО МИУ, 2012. – 147 с.
- Воронцова Т.А.* Троллинг и флейминг: Речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестн. Удмурт. ун-та. История и филология. – Ижевск, 2016. – Вып. 2. – С. 109–116.
- Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Психология жителей Интернета. – Изд. 2-е, испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 224 с.
- «Россия может забрать свои памятники и заплатить за их ремонт и содержание», 27 марта 2014 г., («wPolityce», Польша). – Режим доступа: <http://inosmi.ru/poland/20140206/217234588.html>
- Стексова Т.И.* Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2013. – № 3 (45). – С. 77–81.
- Степаненко Т.Г.* Этническая психология. – М.: Ин-т психологии РАН: Академический проект, 1999. – 320 с.
- Смирнова А.А., Захарова Т.Ю., Синюгина Е.С.* Киберугрозы безопасности подростков // Научно-педагогическое обозрение. – М., 2017. – № 3 (17). – С. 99–107.
- Третьякова В.С.* Речевая коммуникация: Гармония и конфликт. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 231 с.
- Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Перевалова Д.А.* «Конфликтогенный текст»: Когнитивные и языковые особенности порождения (экспериментальное исследование) // Вестн. Том. гос. ун-та. – Томск, 2012. – № 365. – С. 33–38.
- Хроменков П.Н., Максименко О.И.* Вербальный конфликтогенез интернет-запросов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – М., 2016. – № 3. – С. 68–81.
- Шапиро О.А.* Конфликты в сетевой коммуникации // Учен. записки Крым. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Политология. Культурология. – Симферополь, 2015. – Т. 1 (67), № 1. – С. 72–79.

- Худа-Гранат М.* Феномен сетевой коммуникации // История и современность. – М., 2010. – № 2 (12). – С. 167–185.
- Юридическая конфликтология / *Бойков О.В., Варламова Н.Н., Дмитриев А.В.* и др.; отв. ред. Кудрявцев В.Н.; РАН. Центр конфликтол. исслед. – М.: Ин-т государства и права, 1995. – 316 с. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Ur_Konfl/01.php
- Amichai-Hamburger Y.* Online conflict reduction // Computers in human behavior. – 2015. – Vol. 52. – P. 507.
- Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth / *Kowalski R.M., Giumenti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R.* // Psychol. bull. – 2014. – Vol. 140. – P. 1073–1137.
- Buttlar B., Buder J.* Reading more vs Writing back: Situation affordances drive reactions to conflicting information to the Internet // Computers in human behavior. – 2017. – Vol. 74. – P. 330–336.
- Cohen-Almagor R.* Social Responsibility on the Internet: Addressing the challenge of cyberbullying // Aggression a. violent behavior. – 2018. – N 39. – P. 42–52.
- Fishman P., Sanfilippo M.R.* Online trolling and its perpetrators: Under the cyber-bridge. – Sanfilippo, 2016. – 216 p.
- Garcés-Conejos Blitvich P.* Globalization, transnational identities, and conflict talk: The superdiversity and complexity of the Latino identity // J. of pragmatics. – 2018. – Vol. 134. – P. 120–133.
- Online networks of racial hate: A systematic review of 10 years of research on cyber-racism / *Bliuca A.-M., Faulkner N., Jakubowicz A., McGartya C.* // Computers in human behavior. – 2018. – Vol. 87. – P. 75–86.
- Ouvrein G., De Backer Ch., Vandebosch H.* Online celebrity aggression: A combination of low empathy and high moral disengagement? The relationship between empathy and moral disengagement and adolescents' online celebrity aggression // Computers in human behavior. – 2018. – Vol. 89, Dec. – P. 61–69.
- Pedersen D., Keinzier H.* Ethnic conflict and public health // International encyclopedia of public health. – 2-nd ed. – Oxford, 2017. – P. 36–45.
- Perelmutter R.* Globalization, conflict discourse and Jewish identity in an Israeli Russian-speaking online community // J. of pragmatics. – 2018. – Vol. 134. – P. 134–148.
- Tynes B., Reynolds L., Greenfield P.* Adolescence, race, and ethnicity on the Internet: A comparison of discourse in monitored vs unmonitored chat rooms // J. of applied developmental psychology. – Norwood (N.J.), 2004. – Vol. 25. – P. 667–684.

А.В. Нагорная

*доктор филологических наук, доцент,
профессор департамента иностранных языков,
НИУ «Высшая школа экономики»
anagornaya@hse.ru*

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНОВ СТАРОСТИ И СТАРЕНИЯ: ОПЫТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье анализируются динамические изменения в дискурсах старения и старости в англоязычной культуре. Старение интерпретируется как дискурсивная конструкция, созданная в культуре и посредством культуры. Описывается процесс формирования концепции хронологического возраста и анализируется феномен его бюрократизации, устанавливается роль официального пенсионного возраста в определении хронологического порога старости, прослеживается эволюция понятия «старый» в англоязычной культуре, определяются факторы, влияющие на восприятие старения и старости и способствующие их романтизации в XXI в., описываются попытки сознательного регулирования англоязычных дискурсов старения и старости посредством точечных языковых интервенций и глобальных дискурсивных реконструкций. Рассматривается возможность трансфера наиболее удачных дискурсивных образцов в русскоязычную культуру.

Ключевые слова: культурная геронтология; дискурсивные практики; дискурсы старения и старости; дискурсивное конструирование; дискурсивное реконструирование; культурный трансфер.

A.V. Nagornaya

*Doctor of Philology, Professor, School of foreign languages,
National research university Higher school of economics
anagornaya@hse.ru*

THE DISCURSIVE CONSTRUAL OF AGING AND OLD AGE: THE CASE OF ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES

Abstract. The paper analyzes the dynamic changes in the discourses of aging and old age in the Anglophone culture. Aging is interpreted as a discursive construction which is created in culture and through culture. The paper deals with the concept of chronological age and analyzes its bureaucratization, defines the role of the old age pension in identifying the onset of old age, traces the evolution of the concept ‘old’ in the Anglophone culture, lists factors that shape the perception of aging and old age and contribute to their romantic interpretation in the 21st century, describes attempts at regulating the Anglophone discourses of aging and old age through local language interventions and global discursive reconstructions. The paper considers a possibility of cultural transfers of the most successful discursive patterns into the Russian culture.

Keywords: cultural gerontology; discursive practices; discourses of aging and old age; discursive construal; discursive reconstruction; cultural transfer.

Пенсионная реформа, принятая в России в 2018 г., породила ожесточенные споры по целому ряду политических, экономических, социальных и правовых вопросов. Одновременно с этим она актуализировала в общественном сознании блок сугубо онтологической проблематики, поскольку в современном обществе выход на пенсию прочно ассоциируется с входением в новую фазу бытия – старость (см.: [Vincent, 2003, р. 9]).

Общественная рефлексия феномена старости и опыта старения создает особую когнитивно-дискурсивную ситуацию, которая представляется чрезвычайно благоприятной для лингвиста, открывая перед ним множество исследовательских возможностей и перспектив.

С одной стороны, приобретают ценность наблюдения, касающиеся сложившихся в родной культуре способов осмысления и вербализации опыта старения. Заметим, что подобные наблюдения в отечественной (да и в мировой) науке весьма немногочисленны. Как отмечают многие исследователи, работающие в сфере культурной геронтологии, до недавнего времени старость в лучшем случае рассматривалась как явление маргинальное, а

в худшем – как скучное и депрессивное [Routledge handbook of cultural gerontology, 2015, p. 2], оставаясь теоретически невидимой для гуманитарных наук. При обилии дискурсивного, в том числе литературного, материала попытки работы с темой старости сводились преимущественно к составлению сборников афоризмов.

Задача системного лингвистического анализа дискурсов старения и старости никогда эксплицитно не ставилась. Подчеркнем, что ее решение заключается не только в каталогизации лексических единиц соответствующей семантики и изучении их особенностей. Гораздо больший исследовательский интерес представляют динамические процессы в дискурсах старения и старости: изменение их статуса в общем дискурсивном пространстве современной культуры; появление в них одних элементов и исчезновение других; изменения в содержательном наполнении уже существующих элементов; формирование новых дискурсивных доминант; особенности процессов фреймирования на разных исторических этапах развития; взаимодействие вербального и визуального дискурсивных форматов и многое другое.

Особое место среди таких исследований может занять сравнительно-сопоставительный анализ дискурсов старения и старости в разных лингвокультурах. Такой подход, безусловно, интересен с теоретической точки зрения, поскольку он позволяет выявить и сравнить дискурсивные доминанты, обнаружив общие и уникальные черты в концептуализации старости. С другой стороны, он обладает значительным pragматическим потенциалом. Изучение «чужих» дискурсивных стратегий и концептуальных тактик формирует более отстраненный, критический взгляд на «родные» дискурсы, способствует рассмотрению альтернативных концептуальных возможностей и создает условия для культурного трансфера наиболее удачных дискурсивных образцов.

По убеждению многих современных исследователей, старение является сугубо дискурсивной конструкцией, создаваемой в культуре и посредством культуры (см.: [Acculturating age.., 2011, p. XIII], [Routledge handbook of cultural gerontology, 2015, p. 2]). Человеку свойственно «вневременное ощущение себя»¹ [Talking over the years.., 2004, p. 131], а его жизнь представляет собой «биографическое целое» [Лихачёв, 1989, с. 471]. Членение этого целого на эпизоды, стадии и этапы всегда в значительной степени условно. В сфере индивидуального, субъективного опыта такие этапы будут

¹ A timeless sense of self. – *Перевод мой. – A. H.*

скорее задаваться значимыми для человека событиями (окончание школы, вступление в брак, рождение детей, перемена места жительства, смерть близких и т.п.), объективная хронология которых весьма вариативна. Единые хронологические стандарты старения и старости, как и способы существования на этих этапах жизни – это всегда социально-культурный конструкт, навязываемый индивиду дискурсивно.

Дискурсивные практики не просто фиксируют сложившиеся в обществе представления о старости; они эти представления формируют, навязывая нам определенные интерпретативные схемы, которые в значительной степени регулируют наше поведение и образ жизни. Эти дискурсивные практики не складываются в обществе стихийно. Они служат объектом разнообразных экспериментов и манипуляций, средством сознательного конструирования смыслов, максимально соответствующих потребностям текущей экономической ситуации и социальной политики.

Весьма показателен в этом отношении опыт англоязычных стран, которые известны своими многочисленными и часто удачными попытками дискурсивных де- и реконструкций¹.

Принципиальную важность для англоязычной культуры имеет понятие хронологического возраста, которое начало формироваться в XIII в. и было тесно связано с рефлексией феномена темпоральности и становлением линеарной концепции времени (см., например: [McCallum, 2001, р. 29], [Nagornaya, 2017]).

Хронологический возраст, как известно, не соотносится напрямую ни с биологическим², ни с психологическим и является, по сути, переменной, лишенной смысла. Многие исследователи отмечают «огромную вариативность и разнородность» в процессах старения [De Medeiros, 2016, р. 3]. «Никогда не начинайте предложение со слов “пожилые являются...” или “пожилые обычно...”, – предостерегает нас Дж.Ф. Куинн. – Средние показатели могут быть весьма обманчивыми <...>. Опасайтесь средних величин» [Quinn, 1987, р. 63]. Средние величины, однако, оказались удобным инструментом социальной идентификации индивидов и нормирования их поведения. Возрастная классификация стала одним из основных средств формирования так называемой «приписывае-

¹ См., например, о реконструировании дискурсов болезни: [Metaphor, cancer and the end of life, 2018].

² В строгом биологическом смысле старение – это перманентный процесс, который сопровождает нас на протяжении всей жизни. – А. Н.

мой идентичности» (*ascribed identity*), когда культурные ожидания от группы проецируются на каждого из ее членов и усваиваются последними, во многом определяя то, как они воспринимают себя [Talking over the years.., 2004, p. 133]. Именно приписываемая возрастная идентичность заставляет нас произносить фразы типа «*в моем возрасте уже не положено...*», «*я не в том возрасте, чтобы...*», «*я уже староват для...*», маркируя социально-обусловленный выбор стиля жизни [Morgan, Kunkel, 2016, p. 2], который часто не соотносится ни с нашими желаниями, ни с нашими физическими и психологическими возможностями.

Хронологический возраст – это явление, коренящееся в сфере *социального* времени, конструируемого через дискурс. Общеизвестно, что во многих культурах определенные хронологические пороги наделяются особым смыслом. Например, устанавливается возраст, когда человек эмансипируется и приобретает дееспособность, начинает нести уголовную ответственность, получает право водить машину, вступать в брак, голосовать на выборах и т.д. Так, в США особым смыслом наделяется возраст 16, 21, 50, 65 и 100 лет [Gerontology.., 2013, p. 11]. Подчеркнем, что эти хронологические пороги устанавливаются произвольно и могут пересматриваться с течением времени, даже на протяжении жизни одного поколения.

В современной науке этот процесс часто обозначается термином «бюрократизация возраста» (см., например: [Vincent, 2003, p. 8]) и связывается с необходимостью регулирования доступа к определенным благам и ресурсам. Одним из ярчайших его примеров является определение пенсионного возраста. Сама пенсия – это относительно молодое явление, возникшее немногим более 100 лет назад. В США единичные случаи назначения пенсии по инициативе отдельных работодателей датируются серединой XIX в., и лишь в 20-х годах XX в. пенсия стала частью общей практики [Laskow, 2014]. В Великобритании назначение пенсии было законодательно закреплено в 1908 г. К середине XX в. был установлен и более или менее общий для всех западных стран порог в 65 лет¹.

Принципиальную важность имеет то обстоятельство, что с самого начала в обиход вошло словосочетание «пенсия по старости» (*old age pension*), которое хронометрировало в массовом

¹ Заметим, что первоначально возрастной порог для назначения пенсии превышал среднюю продолжительность жизни. Так, в США он составлял 65 лет при средней продолжительности жизни в 58 лет. – A. H.

сознании наступление этого этапа жизни. До введения в дискурс этой формулировки четко заданного порога старости не существовало. По наблюдениям социологов, люди считались старыми, когда они теряли экономическую и физическую независимость, при этом их возраст существенно варьировался [Vincent, 2003, p. 9]. Старость в гораздо большей степени была категорией индивидуальной и субъективной. Бюрократизация старости лишила ее свойственной всем возрастным понятиям «текучести» (*fluidity*) [Routledge Handbook of Cultural Gerontology, 2015, p. 1] и наглядно продемонстрировала роль дискурсивных практик в унификации индивидуального, частного опыта, закреплении в массовом сознании «нужных» социуму стандартных представлений.

Дискурсы старости интересны лингвисту не только тем, что они задают этому периоду жесткие хронологические параметры. Куда более любопытным оказывается их содержательное наполнение в разные периоды развития того или иного лингвокультурного сообщества.

В англоязычной культуре само слово «старый» (*old*) традиционно имело исключительно положительные коннотации, ассоциируясь с качеством, традицией, высокой ценностью, способностью выдержать проверку временем [Plaut, 2000, p. 62–65]. На протяжении длительного времени старость связывалась в массовом сознании с мудростью, стабильностью, прочностью социальных связей (см., например: [Sing, 2011, p. 165]).

ХХ век, однако, ознаменовался массовой геронтофобией, которую исследователи связывают с развитием консьюмеристской культуры постмодерна [Smuczyńska, 2011, p. 334]. Необходимым условием полноценной жизни провозглашается молодое, красивое и здоровое тело [Discourse, the body and identity, 2003], а седая, морщинистая и немощная старость подвергается культурной и социальной стигматизации. В 50–60-х годах широкую популярность приобретает лозунг *Live fast, die young* («Живи быстро, умри молодым»), предписывающий прожить яркую, но короткую жизнь, избежав унизительного старения. Старение становится синонимом «социального вымирания», временем, когда человек «выходит из социального употребления» [Plaut, 2000, p. 66], выбрасывается на обочину культуры и ощущает собственную непривлекательность и ненужность.

Примечательно, что «культ юности» [Smuczyńska, 2011, p. 334] проявил себя даже в структуре академического пространства: общее негативное отношение к старому привело к тому, что исто-

рия, считавшаяся раньше важнейшим компонентом образовательных программ, была вытеснена прагматически ориентированными точными науками [Plaut, 2000, р. 74].

Дж. МакКаллум обнаружил еще одно концептуальное звено в формировании негативного образа старения и старости в XX в. По его мнению, важную роль сыграл экономический рационализм викторианской эпохи, представивший старость как состояние «греховного распада», а старииков – как экономическое бремя на плечах молодого поколения [McCallum, 2001, р. 29–30].

МакКаллум отмечает, что эти «экстремально пессимистические метафоры старости» [ibid.] сохранились и по сей день, несмотря на их несоответствие современным представлениям о социальной этике и политкорректности. Действительно, современное дискурсивное пространство изобилует драматическими образами старости, выполненными в предельно мрачных тонах. В англоязычных дискурсах, например, старость сравнивается с износом и поломкой, называется неизлечимой болезнью, представляется как война, в которой человек обречен на поражение, провозглашается геноцидом.

- *Aging is like the running down of a clock, the wearing out of an automobile part or a pair of shoes* (R.L. Craig. Problems of Aging).
- *Being old is as welcome as the plague* (J.-P. Gedeon. Building Vision: A Constructivist-Developmental Approach to Spiritual Growth).
- *Aging is like war, a huge personal event that fascinates those who haven't been through it* (R. Harlow. Faraday Comes Home).
- *«Aging is the silent genocide», he says* (S. Taylor. Is Your Figure Less Than Greek?).

Заметим, что такое мрачное видение в целом характерно и для русскоязычной культуры, несмотря на то, что оно сформировалось в совершенно ином социально-историческом контексте. Пожалуй, наиболее лаконично и емко его сформулировал И.М. Губерман, представив в своей книге «Искусство стареть» «безжалостный парад печального злоязычия» [Губерман, 2010, с. 315]: старость – это «мерзкое состояние»; «пакостный и зачастую унизительный сезон»; «близость сумерек»; «омерзительный сезон», когда «все редеет – зубы, волосы, мысли»; «послесловие к жизни»; «переходный возраст: с этого света на тот». Весьма саркастически высказывалась на тему старости и Ф. Раневская, назвавшая ее «просто свинством» [aif.ru. Электрон. ресурс].

В последней четверти XX в. дискурсы старения и старости в англоязычных странах начали претерпевать все более заметные

изменения. Причины их коренятся в демографической структуре общества. Население стало стремительно стареть, доживая до весьма преклонного возраста в ясном уме и относительно добром здравии и сохраняя работоспособность гораздо дольше, чем предыдущие поколения. По прогнозам демографов, в течение ближайших нескольких лет пенсионеры будут составлять треть населения англоязычных стран, а десятая часть населения перешагнет возрастной рубеж в 80 лет [Acculturing age., 2011, p. XX].

Люди, традиционно считавшиеся старицами, становятся все более мощной экономической силой, превращаясь в активных игроков на социальном поле. Их возрастающая социокультурная значимость потребовала реструктуризации дискурсивного пространства старения и старости. Одной из наиболее радикальных мер стало изъятие из публичных дискурсов «эйджистских» слов и выражений в рамках движения за политкорректность, начавшегося в англоязычных странах в конце 80-х годов XX в. В работе «Семиотика эйджизма» приводится целый список таких лексем: *bag, battle ax, biddy, codger, coot, crone, decrepitude, fogey, fuddy-duddy, geezer, goat, hag, little old lady, old timer, old woman* (referring to a timid man), *second childhood, senility, spinster, old maid, old wives' tale, witch, crotchety, doddering, grumpy, infirm, superannuated, toothless, withered, wizened, wrinkled* [Nuessel, 1992, p. 15]. Демографический термин *old-age pensioner* был вытеснен политкорректным *senior citizen* – эвфемизмом, который появился в США еще в 30-х годах XX в., но не стал тогда частью дискурсивного майнстрима. Под удар попало и само прилагательное *old*, служащее, в том числе, нейтральным, практически десемантизованным, средством обозначения любого возраста, начиная с младенческого¹. Его замена на более жизнеутверждающий антоним *young* привела к появлению кокетливых оборотов типа *He is 90 years young*, которые так едко высмеивал в своих выступлениях известный американский комик Джордж Карлин [Carlin on getting old, Электрон. ресурс]. Наряду с ним появился и куда менее абсурдный и вполне благозвучный оборот *of age*, активно используемый современными англофонами (*I am 80 years of age*).

Попытки изъятия из языка возрастных маркеров многократно становились объектом критики и насмешек со стороны как профессиональных лингвистов, так и рядовых носителей языка. Весьма показателен следующий диалог, в котором обсуждается

¹ Cp.: *a month old; 2 years old.* – A. H.

целесообразность замены прилагательного *old* на более «щадящее» *mature* (зрелый).

• *A friend of mine once said she was old to another friend, who immediately stopped her in her tracks. «Don't use that word!» she said, sharply. «You're not old – you're mature!» «Mature?» replied my friend. «Certainly not! It sounds dangerously close to 'fermented'!»* (V. Ironside. You're Old, I'm Old... Get Used to It: Twenty Reasons Why Growing Old is Great).

Параллельно с этими не всегда удачными дискурсивными «вбросами» осуществлялась куда более сложная, планомерная и тонкая работа по реструктуризации дискурсивного пространства старения и старости. Дж. МакКаллум пишет о целенаправленной «романтизации» старения, которое пришлось на конец XX – начало XXI в. Стареющий человек перестал концептуализироваться как обуза и социальный маргинал; в обществе стали активно продвигаться идеи социальной инклюзии пожилых во все сферы и аспекты «нормальной» жизни (образование, спорт, досуг и т.д.) [McCallum, 2001, p. 30]. Все более привычными обозначениями старости становятся «третий возраст» (*third age*) и «золотой возраст» (*golden age*). В дискурсе стал активно циркулировать лозунг *Sixty is the new forty*, а также его многочисленные разновидности: *Forty is the new twenty; Fifty is the new thirty; Eighty is the new fifty*¹ и т.п. Лозунг примечателен тем, что он нарочито стирает те самые хронологические границы, которые последовательно выстраивались в англоязычных дискурсах возраста на протяжении последних 800 лет и играли столь важную регламентирующую роль в социуме. Частичная деконструкция этих границ наблюдается и в менее «радикальных» дискурсивных формулах типа *Sixty is really just fifty-ten* или откровенно игривой *Sixty going on twenty*.

Активно модифицируются привычные метафоры старения и старости, давно циркулирующие в дискурсе. Весьма показателен в этом отношении пример статьи в журнале *The Economist*, вышедшем в декабре 2010 г., где старение представлено не как прямой путь «в долину смерти», а как разворот, движение по U-образной траектории.

¹ Дискурсивный успех этого лозунга отчасти объясняется лингвистическими причинами, поскольку он базируется на весьма востребованной метафорической модели X is the new Y и перекликается с трендовыми *Orange is the new black* и *Fat is the new thin*. – A. H.

- *Mankind is wrong to dread aging. Life is not a slow decline from sunlit uplands towards the valley of death. It is rather a U-bend* (The Economist 18–31, December, 2010).

Выходят многочисленные журнальные статьи и научные монографии, рисующие положительные образы старости и подчеркивающие привлекательные стороны старения: накопленный опыт, который можно неспешно и с удовольствием воспроизвести в памяти, четкость жизненной позиции и независимость от чужого мнения, возможность самостоятельно распоряжаться своим временем и материальными ресурсами, отсутствие малолетних детей, требующих неусыпного внимания, и многое другое. Более того, выявляются возможности для личностного роста, активно опровергаются представления о неизбежной когнитивной, моральной и физической деградации (см., например: [Vincent, 2003, р. 11]).

Во многих современных исследованиях эксплицитно формулируется требование добиться таких интерпретаций и презентаций, при которых человек освобождается от жестких бинарных противопоставлений «молодой – старый» [Acculturating Age., 2011, р. XIII]. Возрастная стратификация общества признается «разделяющей практикой» (a separating practice) [ibid., р. 4]. В научных дискурсах появляются позитивно окрашенные термины-неологизмы типа *gerotranscendence, sageing, elderhood*, в которых заложена идея поступательного личностного роста в «третьем» возрасте [Morgan, Kunkel, 2016, р. 4].

Все более зримым становится присутствие пожилых людей в визуальном пространстве современной англоязычной культуры. В СМИ широко используются образы пожилых людей, занимающихся скайдайвингом, скалолазанием и другими экстремальными видами спорта, демонстрирующих танцевальные и акробатические таланты, что явно противоречит традиционным представлениям о старости как о периоде физической немощи и увядания. Образы пожилых людей все чаще используются в рекламе, создаются специализированные модельные агентства (см., например: [Grey Model Agency. Электрон. ресурс]), интернет-пространство пестрит фотоподборками с заголовками типа «20 самых горячих мужчин за 70» или «15 самых сексуальных звезд за 80».

Такая полномасштабная дискурсивная реабилитация старения и старости является частью общей социальной политики, направленной на формирование инклюзивного общества, в котором формальные возрастные критерии теряют релевантность, уступая

место поиску гуманистических смыслов жизни. Как было показано выше, эта реабилитация осуществляется в том числе и посредством целенаправленных языковых интервенций, с помощью которых задается новый формат концептуализации феноменов старости и старения, а в конечном итоге – формируется принципиально иное понимание сути различных этапов человеческой жизни и отношение к ним.

Опыт подобных интервенций, даже в том случае, если какие-то из них оказываются неудачными или малоэффективными, безусловно, заслуживает изучения. Исследования такого рода приобретают большую практическую ценность в контексте языковой политики в условиях масштабных социальных потрясений, к числу которых, несомненно, относится проводимая в России пенсионная реформа. С их помощью можно выявить наиболее эффективные языковые стратегии и тактики конструирования необходимых смыслов и определить спектр языковых средств, с помощью которых можно осуществить реструктурирование дискурсов старости и старения.

Разумеется, реструктурирование дискурсивного пространства не заменит собой экономические и социальные реформы, способствующие повышению качества жизни людей «третьего возраста». Однако отношение к этим людям в обществе, как и их самоощущение, имеет крайне мало шансов измениться в лучшую сторону до тех пор, пока в дискурсе будут циркулировать казенные формулировки типа «возраст дожития», а люди старше 60 лет будут именоваться в СМИ «стариками». Грамотное, деликатное введение в «свои» дискурсы наиболее удачных «чужих» дискурсивных стратегий и тактик может существенно изменить отношение к старости, наполнив опыт старения новыми, положительными смыслами.

Список литературы

- Губерман И.М. Искусство стареть. – М.: Эксмо, 2010. – 352 с.
- Лихачёв Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 608 с.
- Acculturating age: Approaches to cultural gerontology / Ed. by Worsfold B.J. – Lleida: Univ. de Lleida, 2011. – XXXI, 383 p.
- De Medeiros K. The short guide to aging and gerontology. – Croydon: Policy press, 2016. – 256 p.

- Discourse, the body and identity / Ed. by Coupland J., Gwyn R. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 276 p.
- Gerontology: Perspectives and issues / Ed. by Wilmoth J., Ferraro K. – N.Y.: Springer publ. Comp., 2013. – 384 p.
- Laskow S.* How retirement was invented // The Atlantic. – 2014. – Oct. 24. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2014/10/how-retirement-was-invented/381802/> (Дата обращения: 04.02.2019.)
- McCallum J.* Health in the «gray» millennium: Romanticism versus complexity? // Aging: Culture, health, and social change. – N.Y.: Springer science, 2001. – P. 29–42.
- Metaphor, cancer and the end of life: A corpus-based study / *Semino E., Demjén Z., Hardie A., Payne Sh., Rayson P.* – N.Y.; L.: Routledge, 2018. – 314 p.
- Morgan L.A., Kunkel S.R.* Aging, society, and the life course. – N.Y.: Springer publ. comp., 2016. – 416 p.
- Nagornaya A.V.* Evolution of temporal mentality in western culture and its reflection in contemporary English // The 7th International Research Conference on Education, Language and literature: Conf. proceedings. – Tbilisi, 2017. – P. 42–53.
- Nuessel F.* The semiotics of ageism. – Toronto: Toronto semiotic Circle, 1992. – 80 p.
- Plaut W.G.* The price and privilege of growing old. – N.Y.: CCAR press, 2000. – 146 p.
- Quinn J.F.* The economic status of the elderly: Beware of the mean // The review of income and wealth. – Oxford, 1987. – Vol. 33, Iss. 1. – P. 63–82.
- Routledge handbook of cultural Gerontology / Ed. by Twigg J., Martin W. – N.Y.: Routledge, 2015. – 502 p.
- Sing Ch.S.* The ideological construction of European identities: A critical discourse analysis of the linguistic representation of the old vs new Europe debate // Critical discourse studies in context and cognition. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 143–170.
- Smyczyńska K.* Escaping grannydom: Fashion and identity in Trinny and Susannah's makeover show // Acculturating age: Approaches to cultural gerontology. – Lleida: Univ. de Lleida, 2011. – P. 333–344.
- Talking over the years: A handbook of dynamic psychotherapy with older adults / Ed. by Evans S., Garner J. – N.Y.: Routledge, 2004. – 305 p.
- Vincent J.* Old age. – N.Y.: Routledge, 2003. – 208 p.

Список электронных ресурсов

- aif.ru. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/archive/1678616> (Дата обращения: 07.03.2019.)
- Grey Model Agency. – Mode of access: <https://www.greymodelagency.com/> (Дата обращения: 07.03.2019.)
- Carlin on getting old. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=2TBc_YB600c (Дата обращения: 07.03.2019.)

3. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ОПЫТ

Н.М. Нестерова

*доктор филологических наук, профессор,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
каф. иностранных языков, лингвистики и перевода
nest-nat@yandex.ru*

«СВОЕ / ЧУЖОЕ» В ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Статья посвящена диалектике «своего» и «чужого» в переводческом творчестве и отражению этой диалектики в тексте перевода. Проблема «свой / чужой» рассматривается в контексте онтологической сути перевода, а именно его вторичности. В связи с этим анализируются «вечные» вопросы теории и практики перевода, отражающие дуализм переводческой деятельности, заставляющий переводчика делать выбор. К этим вопросам относятся: метод перевода (буквальный / смысловой), стратегия перевода (доместикация / форенизация), ориентация перевода (на автора и его текст / на читателя перевода). В статье эти вопросы рассматриваются как один из «парадоксов» перевода, сформулированных Т. Сейвори: «перевод должен читаться как оригинал / перевод должен читаться как перевод».

Ключевые слова: перевод; метод перевода; парадоксы перевода; доместикация; форенизация; вторичность.

N.M. Nesterova
*Doctor of Philology, Professor,
Perm' national research polytechnic university,
the Chair of foreign languages, linguistics, and translation
nest-nat@yandex.ru*

«OWN / ALIEN» IN TRANSLATION

Abstract. The article is devoted to the dialectics of «own» and «alien» in translation work and the reflection of this dialectics in the target text. The problem «own / alien» is considered in the context of the ontological essence of translation, i.e. secondary nature of target texts in relation to original texts. In this connection the «eternal» questions of theory and practice of translation are analyzed. These questions reflect the dualism of translation activity which forces the translator to make a choice – the choice of translation method (literal / semantic), translation strategy (domestication / foreignization), and the orientation of translation either to the author and the original text, or to the translation reader. The paper considers these questions as one of translation paradoxes formulated by T. Savory: «a translation should be read like an original text / a translation should be read like a translated text».

Keywords: translation; translation methods; «paradoxes» of translation; domestication; foreignization; secondary.

*Поэтов при переводе стихов увлекает
чисто художественная задача: воссоздать
на своем языке то, что их пленило на
чужом, увлекает желание – «чужое вмиг
почувствовать своим», желание – завладеть
этим чужим сокровищем.*

Валерий Брюсов

И вот чужое слово проступает...

Анна Ахматова

В теории перевода хорошо известны так называемые парадоксы перевода, сформулированные автором монографии «Искусство перевода» Т. Сейвори (1957). Данные парадоксы представляют собой систему противоположных требований к переводу. Эти требования сложились в многовековой практике перевода. Один из этих парадоксов гласит: **перевод должен читаться как перевод / перевод должен читаться как оригинал** (т.е. у читателя не должно быть ощущения, что перед ним перевод).

Как нужно понимать эти два исключающие друг друга требования, этот переводческий дуализм? Что лежит в его основе, какое онтологическое свойство перевода его инициирует? Вот те вопросы, которые возникают, когда пытаешься понять и объяснить названный парадокс, отражающий суть переводческого дуализма.

Практика переводческой деятельности, уходящая в глубь веков, свидетельствует о том, что этот дуализм неизбежен в переводе. Переводчик всегда оказывается в ситуации выбора одного из методов перевода, известных со времен Цицерона и Иеронима как переводы *Verbum pro Verbo* («слово словом») и *Sensum de Sensu* («смысл смыслом»). Об этом переводческом дуализме рассуждали и спорили Августин и Боэций, позднее Мартин Лютер, Джон Драйден и др. Не утих этот спор и сегодня. С. Баснет (Susan Bassnett), одна из наиболее авторитетных теоретиков современности, данный дуализм относит к тем «вечным» проблемам перевода, которые снова и снова с различной степенью остроты начинают обсуждаться в научных сообществах, при этом взгляд на проблему меняется в зависимости от доминирующих концепций языка и коммуникации [Bassnett, 2002].

Важной датой в истории перевода можно и нужно считать 24 июня 1813 г. В этот день Фр. Шлейермакер прочитал свою известную лекцию «О разных методах перевода» (*Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens*). Лекция явилась первым серьезным теоретическим обоснованием существовавших и существующих сегодня двух методов перевода [Шлейермакер, 2000, с. 128]. Именно в ней дается метафорическое (но при этом очень четкое) определение сути двух разных подходов к переводу. Сегодня всем специалистам хорошо известны его слова: «Переводчик либо оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться» [Шлейермакер, 2000, с. 133]. Как видно из приведенных слов Шлейермакера, для него главная цель перевода – это «встреча» автора оригинала и читателя перевода. Для того, чтобы эта встреча состоялась возможны два пути, выбор одного из них и делает переводчик, который, по мнению Шлейермакера, выполняет роль «проводника» и который должен привести или автора, или читателя к месту встречи.

В зависимости от выбора переводчиком пути переводной текст может быть или «чужим» (*alienting*), или «своим», «естественным» (*naturalizing*). Так появляются термины, которые позднее будут заменены американским переводоведом Л. Венути на *foreignization* и *domestication*. В русскоязычном варианте они используются как *форенизация* и *доместикация* [см.: Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник, 2014]. Удачный русскоязычный перевод пока не предложен, хотя иногда используются такие варианты, как «остранение» и «одомашнивание».

Русский современник Фр. Шлейермахера П. Вяземский также пишет о двух методах перевода, один из которых он называет «независимым», а второй «подчиненным». При этом он отмечает, что «первый способ превосходнее, второй невыгоднее». Сам Вяземский как переводчик выбирает именно второй, поскольку он считал, что «отступления от выражений автора, часто от самой симметрии слов» ведут к изменению мысли автора. Кроме того, онставил перед собой еще одну задачу, а именно: изучить русский язык, чтобы «выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному, разумеется, опять без увечья, без распятия на ложе прокрустовом» [цит. по: Федоров, 1983, с. 17].

Как мы видим, у Шлейермахера и Вяземского речь, по сути, идет об одном и том же, а именно о том, насколько переводчик имеет право делать текст «своим» (т.е. читаться как оригинал) и насколько текст перевода должен оставаться «чужим» для читателя (т.е. читаться как перевод). Это и есть парадокс Т. Сейвори. Корень же этого парадокса нужно искать в главной проблеме перевода – **переводимости**, которая в то же самое время есть и **непереводимость**. О переводимости / непереводимости сказано и написано со времен В. Гумбольдта очень много. Но хочется привести суждение Б. Пастернака, который в своих «Заметках переводчика» писал об одновременной неосуществимости и осуществимости перевода: «Переводы неосуществимы, потому что главная прелесть художественного произведения в его неповторимости. Как же может повторить ее перевод?». И тут же добавлял: «Переводы мыслимы: потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и, при общности текста, становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью. Переводы мыслимы потому, что до нас веками переводили друг друга целые литературы, и переводы – не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общенья культур и народов» [цит. по: Швейцер, 1996, с. 155].

Итак, сформулирована еще одна проблема перевода: «встать вровень с оригиналом своей собственной неповторимостью». Что значит «собственная неповторимость» перевода? Возможна ли она? И если возможна, то как этого добиться? Пытаясь найти ответ на эти вопросы, мы неизбежно сталкиваемся, с одной стороны, с проблемой вторичности перевода как его онтологического признака, а с другой – с проблемой «авторства» переводчика, т.е. определенной первичностью текста перевода. Другими словами, это проблема выявления соотношения первичности и вторичности перевода, критерии оценки этого соотношения [Нестерова, Попова, 2017; Нестерова, 2005].

Последний вопрос можно отнести к самым острым для переводчиков, которые создают (творят) «свои» тексты на основе «чужих». В связи с этим приведем слова Льва Гинзбурга, одного из самых известных и талантливых отечественных поэтов-переводчиков XX в. В своей последней книге «Разбилось лишь сердце мое», посвященной во многом труду переводчика, он писал: «Постепенно у меня отмерла потребность писать свои стихи. Не оттого, что переводить легче и приятнее. В переводах я полней выражал себя, чем в стихах собственных. Я стал шутя объяснять, что лучше Шиллера я все равно не напишу, а хуже – нет смысла. Из-под моего пера выходили гениальные строки – не мои, конечно... Но страшно подумать! ведь и мои. м о и!» (разрядка автора. – *H. H.*) [Гинзбург, 1983, с. 13].

Слова Гинзбургаозвучны словам Брюсова, вынесенным в эпиграф. Вот оно главное желание переводчика – «чужое вмig почувствовать своим». Итак, в переводе практически обязательно присутствуют и «свое» (привнесенное в текст переводчиком), и «чужое» (принадлежащее автору оригинала). На наш взгляд, эту двойственность перевода можно рассматривать, как уже отмечалось, в терминах первичности / вторичности. Совершенно очевидно, что вторичность является онтологическим свойством перевода, текст перевода вторичен *ex definitione*. Вторичность перевода как деятельности проявляется как на уровне замысла, так и на языковом уровне, но при этом вторичность может быть весьма относительной, процесс перевода очень часто по своей креативности приближается к созданию авторского оригинального текста, о чем и свидетельствуют слова и Брюсова, и Гинзбурга. И все-таки именно вторичность перевода подчеркивается как исследователями перевода, так и самими переводчиками. Так, например, С. Аверинцев, говоря о переводах В. Жуковского, в частности «Ночного смотра»

И.-Х. Цедлица, хотя и подчеркивает превосходство перевода над оригиналом («немецкий оригинал превращается в поэзию под пером Жуковского»), тем не менее отмечает, что «за Цедлицем остается важная заслуга: это заслуга замысла». Но тут же делает оговорку, что «осуществил замысел не Цедлиц – осуществил его Жуковский. Что было возможностью в оригинале, стало действительностью в переводе» [Аверинцев, 1996, с. 138]. Таким образом, перевод можно рассматривать как реализацию нереализованного, а оригинал – как невоплощенность, которая требует и ждет воплощения.

В словах Аверинцева выражена суть диалектики вторичности и первичности перевода, «своего» и «чужого» в нем: замысел текста перевода принадлежит автору оригинала, а одна из его реализаций переводчику. На специфику переводческой вторичности указывает и другой исследователь перевода П. Топер: «Начинать надо, очевидно, с указания на вторичность переводческого процесса. Понятие “вторичности” в данном случае не несет в себе непосредственно оценочного смысла, просто указывает на специфику». Характерной чертой переводческого таланта Топер называет «дар перевоплощения», «протеизм». У Топера же мы находим замечание о том, что, создавая свою «версию» литературного произведения, переводчик создает как бы новый, «второй оригинал». При этом исследователь отмечает оксюморонность выражения «второй оригинал», ибо «оригинал» («подлинник») всегда неповторим, единственен; но перевод дает ему новую жизнь. В этом заключена определенная проблема философского характера, затрагивающая сущность переводческого ремесла и связанная с его «тайной». Закономерным, по мнению Топера, является и традиционное сравнение перевода с исполнительским искусством, поскольку, как говорил известный отечественный поэт-переводчик В. Левик, перевод – «это также **творчество на чужом материале**» (выд. наше. – Н. Н.) [Топер, 1998, с. 169].

О вторичности перевода пишет и В.С. Виноградов: «Нужно согласиться с мыслью, что перевод – это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства. Это искусство “вторичное”, искусство “перевыражения” оригинала в материале другого языка. Переводческое искусство, на первый взгляд, похоже на исполнительское искусство музыканта, актера, чтеца тем, что оно репродуцирует существующее художественное произведение, а не создает нечто абсолютно оригинальное, тем что творческая свобода переводчика ограничена подлинником. Но сходство на этом и кончается. В остальном перевод резко отличается от любого вида

исполнительского искусства и составляет особую разновидность художественно-творческой деятельности, своеобразную форму “вторичного” художественного творчества» [Виноградов, 1978, с. 8].

Тема вторичности перевода звучит и в стихотворении Новеллы Матвеевой, посвященном В. Левику. Приведем первые и заключительные строчки из него.

*Кто мог бы стать Рембо? Никто из нас.
И даже сам Рембо не мог бы лично
Опять родиться, стать собой вторично
И вновь создать уж созданное раз.
А переводчик – может. <...>.*

.....

*Чу! Дальний звон... Сверхтайное творится:
Сейчас неповторимость – повторится* [Матвеева, 2015, с. 68].

Потрясающее точное описание сути переводческого творчества: повторить неповторимое. Вот и еще один парадокс: перевод – это повторение, и перевод – это что-то новое и по-своему неповторимое. Это как раз та «собственная неповторимость» переводов, о которой писал Пастернак. Формула перевода, предложенная Н. Матвеевой «вновь создать уж созданное раз», – это великолепная поэтическая метафора, но, конечно, вряд ли кому-нибудь из переводчиков суждено «стать Рембо». Реальнее звучат слова О. Дорофеева, которые находим в предисловии к книге переводов французских поэтов, среди которых и Рембо: «Французские читатели неизмеримо богаче тем, что имеют оригиналы, слышат голоса своих поэтов во всей их подлинности. Чем могут быть утешены русские читатели? Может быть, тем хотя бы, что, попадая в широты русской поэзии, французский оригинал начинает ветвиться, расправляться целым веером стихотворений, исходящих из одного центра, из общего иноязычного прообраза. И читатель при известной проницательности (интуиция? сердце? – Бог знает, что тут важней) может составить какое-то представление о той мерцающей вдали точке, из которой исходят лучи веера. Конечно, трудно сказать, какой словесности в большей мере принадлежит все это многообразие – русской или французской. Скорее – русской. <...> Это зеркало русской словесности, в котором более или менее ясно проступают черты французских поэтов («непереводимых» поэтов!) – Верлена, Рембо, Малларме» [Дорофеев, 1998, с. 48].

Вот и ответ (один из возможных) на вопрос: какой текст рождается в процессе перевода? Очевидно, что рождается **новый**

текст, автором которого является поэт-переводчик, и сам текст перевода принадлежит принимающей словесности. В таком случае связь оригинал / перевод не представляется «однонаправленной» (первый определяет второй). В современной **парадигме** перевода данная связь видится двусторонней, даже с определенной приоритетностью текста перевода. Вспомним один из постулатов постмодернизма относительно первичного и вторичного: «Первое может быть первым только потому, что за ним следует второе: именно второе своим запаздыванием создает возможность первого». Другими словами, оригинал нуждается в переводе: чтобы «жить», он должен переводиться, ему «необходимо ветвиться, расправляться целым веером» новых текстов. Ж. Деррида, в частности, писал: «Оригинал первый должник, первый проситель, он начинает с нехватки и вымаливания перевода» [Деррида, 2002, с. 4]. Все сказанное означает, что представление о переводе как о вторичном виде деятельности (что, несомненно, занижает статус этой деятельности) является своего рода мифом, который, как пишет С. Баснет, «должен быть развеян» [Bassnett, 2002, р. 43].

Однако, чтобы развеять этот миф, недостаточно общих замечаний о специфике вторичности перевода. Необходим анализ противоречивого характера данного свойства перевода. Для понимания онтологии перевода нужно уточнить соотношение абсолютной и относительной вторичности, вычленить признаки той и другой, назвать факторы, влияющие на степень вторичности. Такими факторами, на наш взгляд являются: 1) тип текста, 2) метод перевода, 3) конкретный переводческий акт, т.е. личность переводчика и его деятельность в данный конкретный момент. Названные факторы по своей сути являются переменными величинами, поэтому они позволяют (пусть и условно) «ранжировать» вторичность, продемонстрировать соотношение первичности и вторичности в переводе, которое является также величиной переменной, зависящей как от объективных факторов (язык, тип / жанр текста и др.), так и субъективных, связанных с личностью переводчика.

Из названных факторов именно последний (личность переводчика) больше всего влияет на соотношение первичности и вторичности перевода, на соотношение «своего» и «чужого» в тексте перевода¹. Это прежде всего относится к переводу художественных текстов, в которых доминирует смысл (а не содержание).

¹ О «своем» и «чужом» в переводе см. также: [Купп-Сазонов, 2016; Бойко, 2015].

Мы рассматриваем смысл и содержание в рамках теории текста А.И. Новикова [Новиков, 2007], т.е. как две разнонаправленные проекции: содержание как проекцию текста на сознание, а смысл как проекцию сознания на текст. Очевидно, что эти проекции отличаются степенью субъективности и также очевидно, что вторая проекция носит более личностный характер. Поэтому мы имеем право сказать, что вторичность перевода далеко не однозначна: с одной стороны, она абсолютна, потому что перевод, во-первых, следует за оригиналом (временная вторичность), во-вторых, переводчик основывается на содержании оригинала, под влиянием которого формируется замысел текста перевода. С другой стороны, вторичность перевода относительна и переплетается с первичностью, что проявляется как на этапе осмысливания оригинального текста (переводчик «набрасывает» свой смысл на чужой текст, тем самым трансформируя, перестраивая его и даже «присваивая» себе), так и на этапе порождения текста перевода, когда переводчик вербализует уже «приписанный» тексту оригинала свой смысл. Как остроумно заметил С. Аверинцев, крайними случаями позиции переводчика являются «либо самодержавная субъективность, либо вассальная служба при оригинале» [Аверинцев, 1996, с. 155]. Большинство переводчиков редко придерживаются этих «крайних» позиций, перевод – это всегда взаимодействие «своего» и «чужого», но тяготение к той или иной позиции можно увидеть в творчестве любого переводчика. В отечественной истории классическим примером двух типов переводчиков являются, как известно, М. Лозинский и Б. Пастернак, авторы двух наиболее известных русскоязычных «Гамлетов».

Приведем один фрагмент шекспировского текста (1) и переводы М. Лозинского (2) и Б. Пастернака (3). Фрагмент представляет собой отрывок из разговора Гамлета с его студенческими друзьями Розенкранцем и Гильденстерном (акт II). Суть разговора – желание Гамлета понять причину их появления в Эльсиноре.

1.

Hamlet

But, in the beaten way of friendship, what make you at Elsinore?

Rosencrantz

To visit you, my lord; no other occasion.

Hamlet

Beggar that I am, I am even poor in thanks; but I thank you: and sure, dear friends, my thanks are too dear, a halfpenny. Were you not

sent for? Is it your own inclining? Is it a free visitation? Come, deal justly with me: come, come; nay, speak.

Guildenstern

What should we say, my lord?

Hamlet

Why, anything – but to the purpose. You were sent for; and there is a kind of confession in your looks, which your modesties have not craft enough to colour: I know the good king and queen have sent for you.

Rosencratz

To what end, my lord?

Hamlet

That you must teach me. But let me conjure you, by the rights of our fellowship, by the consonancy of our youth, by the obligation of our ever-preserved love, and by what more dear a better proposer could charge you withal, be even and direct with me, whether you were sent for or no [The Works of William Shakespeare 1894, p. 776].

2.

Гамлет

Но если идти стезею дружбы, что вы делаете в Эльсиноре?

Розенкранц

Мы хотели навестить вас, принц; ничего другого.

Гамлет

Такой нищий, как я, беден даже благодарностью; но я вас благодарю: хотя по правде, дорогие друзья, моя благодарность не стоит и полгроша. За вами не посылали? Это ваше собственное желание? Это добровольное посещение? Ну, будьте же со мной честны; да ну же, говорите.

Гильденстэрн

Что мы должны сказать, принц?

Гамлет

Да что угодно, но только об этом. За вами посылали; в ваших взорах есть нечто вроде признания, и ваша совесть недостаточно искусна, чтобы это скрасить. Я знаю, добрые король и королева за вами посылали.

Розенкранц

С какой целью, принц?

Гамлет

Это уж вы должны мне объяснить. Но только я вас заклинаю – во имя прав нашего товарищества, во имя согласия нашей юности, во имя долга нашей нерушимой любви, во имя

всего еще более дорогого, к чему лучшии оратор мог бы возвзвать пред вами, будьте со мной откровенны и прямы: посылали за вами или нет? [Шекспир, 1989, с. 182–183].

3.

Гамлет

Но, положа руку на сердце, зачем вы в Эльсиноре?

Розенкранц

В гостях у вас, принц, большие ни за чем.

Гамлет

При моей бедности мала и моя благодарность. Но я благодарю вас. И, однако, даже этой благодарности слишком много для вас. За вами не посылали? Это ваше собственное побуждение? Ваш приезд доброволен? А? Пожалуйста, по совести. А? А? Ну как?

Гильденстерн

Что нам сказать, милорд?

Гамлет

Ах, да что угодно, только по делу! За вами послали. В ваших глазах есть род признания, которое ваша сдержанность бессильна затушевать. Я знаю, добрый король и королева послали за вами.

Розенкранц

С какой целью, принц?

Гамлет

*Это уж вам лучше знать. Но только заклинаю вас **былой дружбой, любовью, единомыслием и другими, еще более убедительными доводами: без изворотов со мной.** Посылали за вами или нет?¹ [Шекспир, 1999, с. 178–179].*

Различие очевидно. О нем писал и сам Пастернак: «В смысле близости в соединении с хорошим языком и строгой формой идеален перевод Лозинского. Это и театральный текст, и книга для чтения, но больше всего это единственное пособие для изучающего, не знающего по-английски, потому что полнее других дает понятие о внешнем виде подлинника и его словесном составе, являясь их послушным изображением». О своем же тексте поэт говорил: «От перевода слов и метафор я обратился к переводу мыслей и сцен. Работу мою надо судить как **русское оригинальное драматическое произведение**, потому что, помимо точности,

¹ В приведенных фрагментах переводов М. Лозинского и Б. Пастернака выделены маркеры «своего» (Пастернак) и «чужого» (Лозинский).

равнострочности с подлинником и прочего, в ней больше всего той **намеренной свободы**, без которой не бывает приближения к большим вещам» (выд. наше. – Н. Н.) [цит. по: Зарубежная поэзия в переводах..., 1990, с. 573].

Перевод Пастернака и его видение собственного перевода дают нам основание считать, что он никогда не стремился стать «вассалом» автора, в его переводе в большой степени присутствует именно «свое», поэтому его перевод читается как русскоязычный оригинал. И совершенно по-другому звучит текст Лозинского. В его тексте чужое слово явно проступает, его перевод читается как именно перевод.

В заключение хочется подчеркнуть, что заявленная в статье проблема «своего» и «чужого» в переводе включает в себя вечные вопросы теории и практики перевода, которые и создают переводческий дуализм и позволяют назвать перевод «царством диалектики» (П. Топер). К таким вечным и «неразрешимым» вопросам относятся: метод перевода (буквальный / смысловой), соотношение вторичности и первичности переводческого творчества, соотношение «своего» и «чужого» в переводе, т.е. свободы переводчика и его вассального служения автору оригинала.

Список литературы

- Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Аверинцев С.С. Поэты. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. – С. 137–164.
- Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной литературы. – М.: Высш. шк., 1978. – 350 с.
- Бойко Л.Б. «Свой – чужой» в переводе // Магия ИННО: Новое в исследовании языка и методике его преподавания: Материалы Второй науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 апр. 2015 г.) / Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД РФ. – М., 2015. – Т. 2. – С. 560–564.
- Гинзбург Л.В. «Разбилось лишь сердце мое...». – М.: Сов. писатель, 1983. – 255 с.
- Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. – СПб.: Акад. проект, 2002. – 11 с.
- Дорофеев О. Созвездие в зеркальной перспективе: Вступ. статья // Верлен Поль. Рембо Артур. Малларме Стефан. Стихотворения, проза. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. – С. 5–50.
- Зарубежная поэзия в переводах Б.Л. Пастернака. – М.: Радуга, 1990. – 640 с.
- Купп-Сазонов С. Перевод – это «свой» или «чужой» текст? // Свое – чужое в языке и речи. – Тарту, 2016. – С. 296–309.
- Матвеева Н. Мой караван: Избранные стихотворения. – М.: Этерна, 2015. – 174 с.

- Нестерова Н.М., Попова Ю.К.* О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Проблемы языко-знания и педагогики. – Пермь, 2017. – № 4. – С. 52–61.
- Нестерова Н.М.* Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2005. – 203 с.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты / Ин-т языкоznания РАН. – М., 2007. – 224 с.
- Топор П.М.* Перевод и литература: Творческая личность переводчика // Вопр. литературы. – М., 1998. – № 6. – С. 161–178.
- Топор П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2000. – 254 с.
- Федоров В.А.* Основы общей теории перевода. – М.: Высш. шк., 1983. – 303 с.
- Швейцер А.Д.* Пастернак – переводчик: К вопросу о стратегии перевода // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. трудов / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1996. – С. 155–161.
- Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – 379 с.
- Шекспир У.* Гамлет, принц Датский / пер. М. Лозинского // Шекспир У. Комедии, хроники, трагедии: в 2 т. – М.: Худ. литература, 1989. – Т. 2. – С. 133–274.
- Шекспир У.* Гамлет, принц Датский / пер. Б. Пастернака // Шекспир У. Трагедии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 121–188.
- Шлейермакер Ф.* О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. – М., 2000. – № 2. – С. 127–145.
- Bassnett S.* Translation studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2002. – 176 p.
- The Works of William Shakespeare / Ed. with a scrupulous rev. of the text, by Ch. a. M. Cowden Clark. – L.: Bickers & Son, 1894. – P. 765–798.

Т.Н. Красавченко

*доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник*

Отдела литературоведения ИНИОН РАН

e-mail: tatianakras@mail.ru

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
РУССКАЯ КЛАССИКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США**

Аннотация. В Великобритании и США, несмотря на их существенные культурологические различия, сложилась мощная общая традиция перевода русской классики. Анализ ее основных этапов с начала XX в. до наших дней от К. Гарнетт до Р. Певира и Л. Волохонской, Р. Бартлетт и Н. Пастернака-Слейтера, включая изучение переводов 1910–1920-х годов, сделанных писателями-модернистами – В. Вулф, К. Мэнсфилд, Д.Г. Лоуренсом в кооперации с русским эмигрантом С. Котелянским, а также многочисленных переводов на английский «Евгения Онегина» А. Пушкина – позволяет выявить основной принцип работы механизма межкультурной коммуникации: полная калька, повторение оригинала невозможны, ибо русский и английский языки представляют совершенно разные структуры мышления. Переводчик переводит оригинал в иную структуру мышления, что неизбежно ведет к лексическим, синтаксическим изменениям, т.е. *неизбежному* смысловому *сдвигу*, интерпретации, сотворчеству различий, без которых перевод, как и любой акт взаимодействия культур, невозможен.

Ключевые слова: русская классика в Великобритании и США; проблема адекватности перевода; *сдвиг* как неизбежное условие перевода.

T.N. Krasavchenko

Dr.Hab. (Philology), Leading research,

Department of literary studies,

Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION),

Russian Academy of Sciences (Moscow)

e-mail: tatianakras@mail.ru

**LITERARY TRANSLATION AS A MEANS
OF INTERCULTURAL COMMUNICATION:
RUSSIAN CLASSICS IN GREAT BRITAIN AND THE USA**

Abstract. There is a powerful common tradition of literary translation of Russian classics in Great Britain and the USA in spite of their deep cultural differences. Analysis of its main stages from the beginning of the XXth century up to our days – from Constance Garnett up to Richard Pevear and Larisa Volokhonsky, Rosamund Bartlett and Nicolas Pasternak Slater, including also translations of 1910–1920 s, made by British writers-modernists V. Woolf, K. Mansfield, D.H. Lawrence in cooperation with a Russian emigrant Samuel Koteliansky, and numerous translations of Pushkin's «Eugene Onegin», allows to define the main principle of work of the mechanism of intercultural communication: the complete replication, reiteration of the original is impossible since Russian and English languages represent entirely different structures of thinking. A translator in fact transforms an original text into the different system of thinking and thus inevitably makes lexical and syntactical changes, which bring an inevitable *change* (*sdvig*), interpretation, co-creation of differences, without which a literary translation as well as any act of cultural communication is impossible.

Keywords: Russian classics in Great Britain and the USA; the problem of an adequate translation; *sdvig* (change) as an inevitable characteristic of literary translation.

* * *

Нараставший интерес британцев к русской литературе с 1885 г., превратившийся в «русский бум» в 1910–1920-е годы, – ознаменовал собою, по свидетельству известного английского поэта и критика Доналда Дейви [Davie, 1990, p. 276], «поворот» в английской культуре, «не менее значительный, чем открытие итальянской литературы в период Ренессанса». И важнейшую роль в этом сыграл литературный перевод. В самой его стратегии заложена разновекторность: можно, как заметил немецкий философ

Фридрих Шлейермачер [Schleiermacher, 1992, p. 42], привести текст к читателю, а можно – читателя к тексту, у переводчиков это называется «освоение» или «очуждение» текста [Чандлер, 2008]. Английская переводчица Констанс Гарнетт (1861–1946), сыгравшая, возможно, решающую роль в признании русской литературы в Великобритании и США, пошла первым путем. С 1894 до 1934 г. она перевела на английский почти весь корпус русской классической литературы – 71 книгу: Л. Толстого, Достоевского, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Герцена, А.Н. Островского, Чехова. Выросшая в викторианский период (1837–1901), она «викторианизировала» русских писателей, что в известной мере было вполне уместно, ибо Толстой любил викторианцев – Теккерея, Джорджа Элиот, Троллопа, а Достоевскому был близок Диккенс. При этом она нередко сглаживала в переводах «неудобоваримые» для англоязычного читателя места, игнорировала непонятные слова и фразы, допускала неточности в воспроизведении длинных сложных предложений, объясняла «непонятное», доказывала недоговоренное, полутона у нее резко прочерчивались или, наоборот, исчезали. Выразительность, присущая заглавиям Достоевского и важная для поэтики романа, в переводе, скажем, «Братьев Карамазовых» нередко утрачена: глава «Связался со школьниками» становится «Встречей со школьниками», глава «Мужички за себя постояли» – «Крестьяне держатся стойко», «История одной семейки» – «Историей одной семьи», «Надрывы» – «Терзаниями» (Lacerations), «Больная ножка» – «Поврежденной ногой» и т.д. Ей не удается передать по-английски специфичную русскую фразеологию, например имена с уменьшительными суффиксами (Ракитка, Ракитушка) или прозвища («Лизавета Смердящая» переведена просто «Лизавета»), такие выражения, как «пир на весь мир» (в переводе «пир, на который приглашены все»), «я точно с горы тогда летел», «лыко в строку», «камень в огород», «не просят ли у него сапоги каши», эмоционально-эмфатические речения. Бывали пропуски, искающие идеиный смысл текста, опущены церковно-славянская лексика: «озрись», «обрящут», «созиждется», «не оскудевал», «допрежь» и некоторые топографические подробности Петербурга, сглажены исторические реалии русской жизни [см. подробнее: Николюкин, 1985; May, 1994, p. 32–33]. Для Гарнетт важны английские переводческие нормы ясности, плавности и критерии оценки русского романа британской критикой как непосредственного изображения жизни. Цель Гарнетт – органичное, свободное звучание перевода на английском, доступность его

английскому читателю. Поэтому у нее в «Войне и мире» каша русских солдат стала «porridge» – традиционной английской овсянкой, а слова воронежской губернаторши Николаю: «Да ведь у Софи ничего нет» [Толстой, 1951, т. 4, гл. 5, с. 23] – «Why, Sophie hasn't a farthing» – «ведь у Софи нет ни фарthingа». Она англизировала просторечия, изменяла синтаксис, сокращала повторы, что вело к нивелировке стиля. Но и в таком виде русские писатели в ее переводах произвели неизгладимое впечатление на британцев. Ее перевод «Братьев Карамазовых», вышедший в апреле 1912 г., положил начало признанию Достоевского в англоязычных странах и, по мнению американской русистки Элен Мачник [Muchnic, 1939, р. 62], был «первым верным, точным и художественным переводом Достоевского на английский язык». Следуя викторианским нормам, Гарнетт представила русских писателей как великих реалистов.

* * *

Несмотря на общее восхищение переводами Гарнетт, такой чуткий читатель, как Вирджиния Вулф сразу почувствовала их существенную неадекватность. В знаменитом эссе «Русская точка зрения» (1925) она писала, что при переводе Толстого, Достоевского, Чехова на английский «...не остается ничего, кроме оголенной и огрубленной вариации смысла. При таком обращении русские писатели похожи на людей, лишившихся во время землетрясения или железнодорожной катастрофы не только одежды, но и чего-то более утонченного и существенного – привычной манеры поведения, индивидуальных причуд характера» [Вулф, 2006, с. 237]. Но даже в этих переводческих версиях, признает В. Вулф, остается «что-то весьма мощное и впечатляющее, как подтверждают англичане своим фанатичным восхищением», но, вероятно, именно это ощущение неадекватности переводов и побудило писательницу к изучению русского языка и собственным переводам русских авторов.

1910–1920-е годы – период расцвета британского модернизма (и одновременно пик культа русской литературы в Великобритании) стал особым периодом в истории англоязычного перевода: русских писателей переводили английские писатели – Вирджиния и Леонард Вулф, Кэтрин Мэнсфилд, Д.Г. Лоуренс, романист и драматург Гилберт Кэннан (Cannan) – в сотрудничестве с Самуилом Котелянским (1880–1955), эмигрантом из России (1911),

оказавшимся «нужным человеком» в нужном месте и в нужное время. Он предложил английским литераторам (в частности, В. и Л. Вулф, которые хотели издавать русских авторов в своем изда-тельстве «Хогарт Пресс», 1917–1946) метод совместного перевода: он подготавливал англоязычный перевод-подстрочник русских текстов, а английские писатели превращали его в «королевский английский». С В. Вулф (которой он давал уроки русского) они перевели исповедь Ставрогина и наброски незавершенного романа Достоевского «Житие великого грешника» (1869–1870) – перевод вышел отдельным изданием в 1922 г. Как убедительно показывает британская исследовательница Клэр Дэвисон [Davison, 2014], и В. Вулф, и К. Мэнсфилд (с нею Котелянский перевел «Дневник революции» М. Горького и воспоминания Горького о Леониде Андрееве) внимательное изучение русских оригиналов с помощью черновых переводов Котелянского позволило им узнать новый тип мышления, новые способы его выражения в слове, глубже по-нять русскую классику, что побудило их к диалогам с нею и соб-ственному литературно-лингвистическому эксперименту. Перевод рассказа Бунина «Господин из Сан-Франциско» Котелянского – Д.Г. Лоуренса до сих пор считается одним из лучших переводов прозы XX в. [Чандлер, 2008]. Мэнсфилд, В. Вулф, Д.Г. Лоуренс совершили чудеса литературной виртуозности, чтобы передать стилистическое своеобразие русской речи. Роль Котелянского, сыгравшего важную роль посредника между культурами, русской и английской, обычно недооценивалась в истории британского модернизма, отчасти из-за его «неловкого английского», но анализ его рукописей, проделанный К. Дэвисон, выявляет их «порази-тельную экспрессивную легкость, грамматическую точность, лек-тическую тонкость» и новые, неожиданные для его соавторов по переводу возможности английского [Davison, 2014, р. 115, 8]. Недооценивалась и роль Мэнсфилд и Вулф как переводчиц – они не владели русским настолько, чтобы переводить непосредст-венно оригинал, но в работе с Котелянским «компенсировали» этот недостаток мастерским владением английского. Именно их модернистское чувство ритма, дар повествования помогли Коте-лянскому создать выразительную английскую прозу, адекватную текстам русских писателей. «Ни один из них не мог совершить этот прыжок один, но вместе они смогли достичь того, что Бахтин называл “творческим пониманием”» [Davison, 2014, р. 9] (перевод мой. – Т. К.).

В. Вулф смело отказалась в своих переводах от «правильного английского», чтобы передать стиль «неотшлифованной» русской прозы, воспроизводящей природу человеческого сознания. Анализ, осуществленный К. Дэвисон, выявил в переводе Котелянским и В. Вулф одного из эпизодов исповеди Ставрогина в «Бесах» Достоевского ранний образец техники «потока сознания». Они сумели передать в переводе инверсированный синтаксис Достоевского, характерное для него повторение слов. И если прежде связи Достоевского с модернизмом прослеживались только на уровне психологической ткани его романов, то «сплетение ходов мысли» в переводе исповеди Ставрогина Котелянским и Вулф позволяет провести линию от Достоевского к Джеймсу Джойсу и другим авторам (среди них и сама Вулф), использовавшим технику «потока сознания». Первоисточником понимания В. Вулф Достоевского были не ее эссе, а переводы, сделанные с Котелянским. И именно они, «диалогически прочувствованные», опережают восприятие русского писателя критиками, которое «в англоязычных странах изменилось только после появления первых переводов работ Бахтина» [Davison, 2014, p. 78]. Сохранившиеся черновики перевода Котелянского позволяют понять, как работа над переводами привела Мэнсфилд и Вулф к широкому, свободному взгляду на возможности английского языка. Таким образом, перевод в период модернизма знаменует собой не только встречу культур и обмен идеями, но и стилистико-лингвистический эксперимент.

* * *

Однако переводы модернистов избирательны и немногочисленны. Достоинием широкого читателя в основном были переводы К. Гарнетт, вероятно, потому, что она, как заметил известный английский русист и переводчик Доналд Рейфилд [The Chekhov Omnibus, 1994, p. XXI] об ее переводах Чехова, хотя и совершила «элементарные промахи, ее тщательность в распутывании сложных синтаксических клубков и находки правильных терминов для многих чеховских растений, птиц и рыб поражают <...>. Ее английский не только почти современен Чехову, но зачастую адекватен ему». Приблизительно то же можно сказать и о других ее переводах, следует учитывать и стойкость норм английского языка и консерватизм британских читателей, для которых язык викторианской классики (как и русской классики XIX в. для русского читателя) обладает неувядающей привлекательностью.

Переводы Гарнетт послужили образцами для британских переводчиков – Дэвида Магаршака (1899–1977), который родился в Риге и в 1920 г. эмигрировал в Британию, и Розмари Эдмондс (1905–1998). Магаршака даже называли эпигоном Гарнетт. Долгой жизни ее переводов немало способствовала и принятая в XX в. (особенно в США) практика редактуры, корректировки переводов. Так, Нина Берберова и американский литературовед и переводчик Леонард Кент в 1965 г. «скорректировали» позднее не раз переиздававшийся ее перевод «Анны Карениной» [Tolstoy, 1965]. В США ее перевод «Братьев Карамазовых» подвергался «корректировке» трижды: в 1933 г. русистом Авраамом Ярмолинским, в 1949 г. – княгиней Александрой Кропоткиной и в 1976 г. – русистом Ральфом Мэтло (Matlaw R.), а ее перевод «Записок из подполья» – в 1943 г. «отредактировал» Бернард Гилберт Герни, а в 1960 г. – Р. Мэтло.

Неудивительно, что большинство британских и американских писателей читали русских классиков в переводах К. Гарнетт. О них одобрительно отзывались Джозеф Конрад, К. Мэнсфилд, Д.Г. Лоуренс, Скотт Фицджералд, Э. Хемингуэй. Английский писатель Уильям Джехарди в первой английской книге о Чехове (1923) использовал в основном переводы Гарнетт, считая их удачными [Gerhardi, 1923, p. 7, 9].

Но вот к концу XX в. на литературном горизонте появился дуэт нью-йоркских (позднее переехавших в Париж) переводчиков – Ричард Певир и его жена – Лариса Волохонская (она родилась в Ленинграде и в 1973 г. эмигрировала в США), их называют П/В. Для них характерен тип переводческого сотрудничества, отработанный британскими писателями-модернистами с С. Котелянским, но Р. Певир не был писателем, он известен как профессиональный переводчик, в прошлом переводивший с французского, итальянского, испанского (хотя, он писал стихи, и переводчики в известной мере это потенциальные или не полностью реализованные художники, т.е. особый тип творческой личности). В отличие от Гарнетт, шедшей по пути максимального приближения русской литературы к английской норме, П/В избрали путь приближения англоязычного читателя к русской литературе, теоретически обоснованный, в частности, в работах крупного современного американского историка и теоретика перевода – Лоренса Венути, убежденного в том, что цель перевода – воспроизвести формы и структуры оригинала во всей их чуждости воспринимающей культуре, т.е. главное – идея верности подлиннику. По П/В, перевод

требует «остранения» (alienating) текста, выявления отличия его структуры от «хорошего английского стиля» и максимальной близости к русскому языку; плавность перевода – недостаток.

Первый же перевод П/В в 1990 г. – «Братья Карамазовы» Достоевского многие критики расценили как единственно верный. Переводы Толстого также хвалили как «абсолютно верные языку» писателя [Remnick, 2005, p. 101]. С 1990 г. П/В перевели целый корпус русской классики – десять томов Достоевского, книгу прозы Пушкина, три книги Гоголя, одну Лескова, пять Л. Толстого, «Месяц в деревне» Тургенева, два тома прозы и две пьесы Чехова, а также «Доктора Живаго» (2010) Пастернака, «Мастера и Маргариту» (1997) М. Булгакова, сочинения матери Марии (Скобцовой) (2002) и документальную книгу Светланы Алексиевич «У войны неженское лицо» (2017), т.е. 27 переводов за 28 лет. Они вызвали восторженные отклики влиятельных критиков в престижных изданиях, в частности английского литературного критика Джеймса Вуда в американском журнале «Нью-Йоркер» [Wood, 2007] и британского историка культуры – русиста и писателя Орландо Файджеса [Figes, 2007]. П/В получили премию Пен-клуба. Сработала и мощная американская реклама – рекомендации ведущей популярной американской телепрограммы «Книжный клуб» – Опри Уинфри – читать «Анну Каренину» в переводе П/В (он вышел в 1998 г.), что сделало их крайне популярными в США.

Однако после первой волны энтузиазма появились критические отзывы [McLean, 2001; Kelly, 2002]. Переводчица Мишель Берди и российский лингвист и переводчик Виктор К. Ланчиков усомнились в правомерности тезиса П/В о «неуклюжести» стиля Толстого, на котором они строили свой перевод [Берди, Ланчиков, 2006]. Например, в «Анне Карениной» (ч. 2, гл. 15) говорится: «Стива! – *вдруг неожиданно* (здесь и далее курсив мой. – *T. K.*) сказал Левин, – что ж ты мне не скажешь, вышла твоя своячница замуж или когда выходит?» [Толстой, 1952, с. 176]. Гарнетт переводит правильным английским стилем: «*Stiva! – said Levin unexpectedly: how is it you don't tell me whether your sister-in-law's married yet or when she's going to be?*» [Tolstoy, 1965, p. 188]. П/В сохраняют плеоназм: «*Stiva! – Levin said suddenly and unexpectedly...*» М. Берди и В. Ланчиков доказывают, что такие же словообороты использовали и другие русские писатели (Л. Андреев, М. Арцыбашев, М. Булгаков), и считают неразличение индивидуальных авторских и общезыковых особенностей речи характерным практически для всех переводов П/В, которые превращают

обычные русские словосочетания в неуклюжие фразы на английском и остраниют то, что на самом деле соответствует нормам русского литературного языка; возникает сомнение: верны ли переводы П/В духу текста, в данном случае Толстого?

Еще один носитель английского – американский литературовед, профессор Североизападного университета Гари Сол Морсон сравнил переводы П/В с «потемкинскими деревнями», «издалека» эффектными, а вблизи, при ближайшем рассмотрении «фейковыми» [Morson, 2010]. Ему кажется опасным, даже трагичным для культуры то, что П/В превратили великолепные произведения в «уродливые неразберихи», задача их издателей в США и Британии сделать эти переводы общепринятыми для целого поколения читателей, которое неизбежно признает «такую» русскую классику устарелой. Буквализм П/В уничтожает иронию и художественную многосторонность русских писателей. Конечно, ценна «беспрецедентная верность» (слово – в слово) оригиналу, позволяющая выяснить, скажем, в «Войне и мире»: героиня носит не ленту, а шапочку, герой одет в сюртук (redingote), персонажи едят не суп, а холодный соус с петушиными гребешками (cockscombs), но читатель ищет в переводах не сведения о кулинарии тех дней, ему нужна литература, сохранение тональности произведения, понимание его смысла в целом, а они утрачены. В переводах П/В, на взгляд Г.С. Морсона, нередко отсутствуют и необходимые переводчику знание контекста творчества писателя, понимание его специфики. Так, мотив поступков героя в английских переводах «Записок из подполья» до П/В – «озлобленность» (spite). П/В вместо «spite» употребляют «wickedness» (злобность). Но повесть не о том, что бывают злые люди. Человек из подполья именно озлоблен, он провоцирует, дразнит читателя, отвечая на его возможные возражения. Его проза полна уверток, лазеек. И Гарнетт уловила это, а П/В нет.

Так в англоязычной культуре по «двум сторонам века» оказались две противоположные школы перевода – Гарнетт против П/В [Аполлонио, 2014].

Но, конечно, кроме К. Гарнетт и П/В, в англоязычном мире XX в. было и есть много разных переводчиков. Как показывает история культуры, почти каждое поколение предлагает новый перевод зарубежной классики – «Записки из подполья» переводили на английский как минимум десять раз, «Идиот» – восемь, «Бесов» – семь, «Братьев Карамазовых» – девять, не говоря уж о «скорректированных» изданиях Гарнетт [Encyclopedia of Literary

translation, 2000, p. 366–367]. Выясняется, что британским и американским читателям зачастую требуются «свои» переводы, в каждой стране своя традиция перевода. Британские переводы отличает особая культура издания. Так, автор недавнего перевода «Анны Карениной» (2014) в серии «Oxford World's Classics» писатель и славист из Оксфорда Розамунд Бартлетт сначала опубликовала в 2011 г. биографическую книгу о Толстом (Tolstoy: A Russian Life), т.е. «освоила» историко-литературный контекст, а свой перевод сопроводила предисловием и солидным справочным аппаратом: введением о русских именах и отчествах, списком действующих лиц с транскрипцией их произношения и всеми вариантами имен – полных, с отчествами и без, уменьшительных и прозвищ. То же и с Чеховым: она сначала (с переводчиком Энтони Филипсом) издала книгу переводов «Чехов: Жизнь в письмах» (Chekhov: Life in letters», 2004) в массовой серии «Penguin Classics», впервые опубликовав на английском чеховские письма без купюр, затем биографическую книгу о Чехове (Chekhov: Scenes From a Life, 2007), а потом переводы двух сборников его рассказов [Chekhov, 2008 a; Chekhov, 2008 b]. Еще пример такого рода: перевод романа Достоевского «Преступление и наказание» Николасом Пастернаком-Слейтером [Dostoevsky, 2017 a], племянником Б.Л. Пастернака и сыном его сестры Лидии Пастернак-Слейтер, с 1935 г. жившей в Великобритании – в Оксфорде. Н. Пастернак-Слейтер, специалист по гематологии, стал известным литературным переводчиком, перевел «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина (2013), «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова (2013), переписку Б.Л. Пастернака с родителями и сестрами с 1921 по 1960 г., вышедшую отдельным изданием (2010). Перевод «Преступления и наказания» сопровожден предисловием славистки Сары Дж. Янг (Sarah J. Young), представляющей Британию в Международном обществе Достоевского, очерком жизни писателя, литературно-критическими толкованиями романа, списком персонажей с уменьшительными именами и комментарием к их произношению, картой Санкт-Петербурга, дающей представление о феноменальной «топографической» памяти Достоевского, избранной библиографией о романе и его историко-культурном контексте. Примечания проясняют трудные для британского читателя места в тексте. В том же 2017 г. в США вышел аннотированный перевод «Преступления и наказания» [Dostoevsky, 2017 b] Майкла Р. Каца, американского переводчика сочинений Тургенева, Герцена, Чернышевского, В.А. Слепцова и др., профессора (в отставке) престижного част-

ного гуманитарного университета – Миддлбери-колледжа (штат Вермонт), но по культуре издания он уступает британскому переводу. Это уже 12-я или 13-я «версия» «Преступления и наказания» на английском. В версии романа 1991 г. британский переводчик Дэвид МакДафф (D. McDuff) использовал в переводе анахронизмы типа транслитерации слова «гласность», более характерного для эпохи Горбачёва, чем Достоевского. Удачным, очень точным, несмотря на местами некоторую буквальность, считают перевод «Преступления и наказания» английским русистом из Оксфорда Оливером Реди (Oliver Ready) в 2014 г. Так, он переводит обращение старой ростовщицы к Раскольникову «батюшка» буквальным английским «father» (однако не передающим точно смысловой оттенок русского обращения), но другие переводчики предпочитают еще менее точные эквиваленты: «dearie» (голубчик), «mister» (господин), «my good sir» (любезный сударь). Или, например, в случае с русским фразеологизмом «петь Лазаря», происходящим от песни «О богатом и Лазаре», написанной в XIX в. по мотивам новозаветной притчи (Лука. 16:19–31) и распевавшейся нищими, чтобы разжалобить прохожих (английский эквивалент «whining like a beggar», т.е. «ныть, попрошайничать, пытаться разжалобить как нищий»), Н. Пастернак-Слейтер и П/В (1992) дают буквальный перевод «sing Lazarus» и добавляют в сноске примечание о смысле этого выражения. О. Реди перевел «play Lazarus». Но М. Кац и К. Гарнетт «убирают Лазаря» и переводят это выражение как «играет на сочувствии» («play him for sympathy»), «жалуется на судьбу» («complain about my lot»), «делает кислую гримасу» («pull a long face») – такой перевод приемлем, но символический смысл оригинала утрачивается.

Порой переводчики оказываются перед трудным выбором. Как передать то, что некоторые персонажи Достоевского «врут», но не для обмана (как «ложь» в политике): они привирают, блефуют, импровизируют, пока случайно не выбалтывают правду. П/В переводят глагол «врать» в соответствии со словарным «lying», О. Реди сопровождает «lying», словом «fibbing» – «придумывать, привирать», Н. Пастернак-Слейтер предпочитает – «talking nonsense» и «rubbish» («нести чушь»), М.Р. Кац чередует «lying» («врать») и «talking nonsense» («нести чушь»). То есть переводы отличаются нюансами. И тем не менее перевод «Преступления и наказания» К. Гарнетт 1914 г., как замечает Д. Рейфилд [Rayfield, 2018], до сих пор сохраняет ценность, ибо только он отвечает тре-

бованию теории перевода: не использовать слова, появившиеся в английском языке после 1866 г. (дата публикации романа в России).

При сравнении разных переводов одних и тех же текстов русских классиков в каждом случае выявляются сотни тончайших различий тона, выбора слов, интонационного ритма, они малы, но существенны, и в результате аккумуляции их в целом возникает интерпретация. Просматривающиеся в «Преступлении и наказании» многочисленные бальзаковские аллюзии доказывают, насколько Достоевский, несмотря на свою антизападную идеологию, был европейским романистом. Именно поэтому Д. Рейфилд [Rayfield, 2018] предпочитает «экзотическому ориентализму» П/В переводы Н. Пастернака-Слейтера и М.Р. Каца, у которых Достоевский читательный и современный, но все-таки отдает предпочтение Н. Пастернаку-Слейтеру из-за культуры его издания, хотя ни в одном из этих переводов не находит меткости, присущей переводу О. Реди.

Примечательно, что в Англии издатели «Пингвина» поначалу сочли перевод (1998) «Анны Карениной» П/В нечитательным, но после ряда поправок, в 2000 г. роман опубликовали, хотя на первых порах удалось продать лишь несколько сот экземпляров. Можно лишь предположить, почему в «Войне и мире» английские переводчики – сначала Гарнетт, Луиза и Эйлмер Мод, позднее Энтони Бриггс и Розмари Эдмондс (сохранившая только «Eh bien, mon prince» в начале) перевели на английский все французские тексты романа, даже письмо Наполеона Миорату (тогда как П/В сохранили все французские тексты, разместив переводы в примечаниях). Возможно, тут сыграл роль внелитературный культурологический фактор: переводчики учитывали то, что широкий британский читатель с его «островной бытовой психологией» мог не воспринять язык ближайшего (через пролив) соседа (так, один из моих английских друзей на вопрос, кого из иностранцев больше всего не любят в Англии, не задумываясь, ответил – французов, на втором месте – немцев, возможно, это служит комментарием и к феномену «брексита»; в заморской Америке этой проблемы нет).

* * *

А что же с русской поэзией? Тут, конечно, сразу возникает вопрос о переводах на английский Пушкина и прежде всего «Евгения Онегина». Его полный перевод впервые вышел в Лондоне в 1881 г. – его сделал Генри Сполдинг, подполковник британской

армии, выучивший русский во время службы в посольстве в Петербурге. И.С. Тургенев отзывался о переводе: «...верности невероятной, изумительной – и такой же изумительной дубинности» [Тургенев, 1938, с. 158].

Как заметил Чарльз Джонстон, один из последующих переводчиков «Евгения Онегина», словно «плотный занавес отделил стихотворный роман Пушкина от англоязычного мира. При переводе исчезает магия поэзии Пушкина – «лирическая красота, остроумие, психологическая тонкость, поразительное искусство повествования» [цит. по: «Eugene Onegin», 2010]. К настоящему времени появилось более 20 переводов «Евгения Онегина» на английский. Историю этих переводов обычно делят на два периода: до и после публикации в 1964 г. перевода «Евгения Онегина» Набоковым. Назовем наиболее известных переводчиков: «до» – Спולדинг, американка Баббет Дойч (Deutsch, 1936), англичанин Оливер Элтон (Oliver Elton, 1936), американцы Доротея П. Рэдин (Radin, 1936) и Джордж Патрик (Patrick, 1936), Уолтер Арндт (Arndt, 1963). «После» – американец Юджин М. Кейден (Kayden, 1964), англичанин сэр Чарльз Джонстон (Johnston, 1977), американец Джеймс Фейлен (Falen, 1990), англичанин Энтони Бриггс (Briggs, 1995), основывавшийся на переводе О. Элтона [Leighton, 1999, р. 258–264], американец Дуглас Р. Хофстадтер (Hofstadter, 1999) и англичанин Стенли Митчелл (Mitchell, 2008). Набоков своими комментариями многое прояснил для переводчиков, а отрицанием возможности адекватного стихотворного перевода пушкинского шедевра бросил им своеобразный вызов.

На русского читателя, знающего английский, переводы «Онегина» оправдывая мнение о непереводимости поэзии на другой язык, производят странное впечатление, его суть сформулировал К. Чуковский: «Что сказать об английских переводах “Евгения Онегина”? Читаешь их и с болью следишь из страницы в страницу, как гениально лаконическую, непревзойденную по своей дивной музыкальности речь одного из величайших мастеров этой русской речи переводчики всевозможными способами превращают в набор гладких, пустопорожних, затасканных фраз» [Чуковский, 2001].

Это вполне согласуется с восприятием переводов русской классической прозы В. Набоковым и И. Бродским, которые, оказавшись в англоязычной среде, в отличие от англоязычных писателей, приняли наиболее общепризнанные переводы Гарнетт в штыки. На полях машинописных текстов лекций Набокова в Уэллсли и Корнелльском университете полно саркастических за-

мечаний в ее адрес, карандашных восклицательных знаков, отмечавших ее ляпсы. Работая над книгой о Гоголе, Набоков жаловался: «Я потерял неделю, переводя нужные мне фрагменты “Ревизора”, потому что ничего не мог поделать с сухим деръемом Констанс Гарнетт» [цит. по: Remnick, 2005, р. 98]. В книге «Гоголь» он заметил: «Лишенная всякого дара слова, Гарнетт перевела “Ревизора” хотя бы более или менее тщательно, и эта работа раздражает меньше, чем некоторые чудовищные переложения “Шинели” и “Мертвых душ”. <...> Но от стиля Гоголя ничего не осталось. Английский язык сух, бесцветен и невыносимо благопристоен» [Набоков, 1987, с. 188]. А по словам И. Бродского: «Причина, по которой англоязычные читатели едва могут отличить Толстого от Достоевского в том, что они читают не их прозу. Они читают Констанс Гарнетт» [цит. по: Alameddine, 2014, р. 103]. И с этим не поспоришь. Если англичане и американцы писали в основном о «блеске» перевода русской классики на английский, то Набоков и Бродский обнажили его «нищету». Хотя тут можно возразить: мы же ценим переводы на русский Шекспира, Байрона, Диккенса.

Но тут интересно впечатление британского читателя. По мнению хорошо знающей русский журналистки и литературоведа (Кембридж) Рейчел Полонски [Polonsky, 2009, р. 4], автора книги «Английская литература и русский эстетический ренессанс» (1998), перевод «Евгения Онегина» поэтом и переводчиком С. Митчеллом превосходит перевод сэра Чарльза Джонстона, сделанный в 1977 г. для серии «Классика Пингвина» (Penguin classics). Избегая свойственной Джонстону «поэтичности» языка и интонации, С. Митчелл в большей степени сохранил словесную точность пушкинского стиха, хотя сознавал, что никакой английский перевод не в состоянии в полной мере передать пушкинскую простоту (о чем он пишет в предисловии к переводу). Например, в сцене посещения Татьяной кабинета Онегина фразу – «Того, по ком она вздыхать / Осуждена судьбою властной» – Митчелл переводит: «*the true persona / To sigh for whom it is her lot*». «*The true persona*» – перевод одного, точного и ускользающего в своей простоте пушкинского слова – «того», но тут работают законы разных языков. Р. Полонски признает, что перевод – это портрет, содержащий «намек» на оригинал – чем больше сходства, тем лучше. С. Митчелл, наиболее близкий к буквальному переводу и, как в свое время американский переводчик Джеймс Фейлен, верный пушкинской 14-строчной строфе, привел ритмы современной английской речи в соответствие с пушкинским стихосложением и, казалось, достиг

равновесия между двумя языками, сохранив ритм и рифму, но, к сожалению, как замечает Р. Полонски, каждую удачу переводчика сопровождала потеря, хотя чтение его перевода доставляет наслаждение, как и чтение оригинального текста. Заметим, что многие отдают предпочтение переводу Фейлена как произведению, которое могло бы быть написано на английском, если бы Пушкин был англичанином. В нем есть элегический лиризм Китса, политический гнев Шелли, ясность вордсвортовских метафизических размышлений, блейковские мистицизм и пророческий дар, сатирическая острота и словесное остроумие Байрона, т.е. Пушкин вписывается в английскую поэтическую традицию, а его «роман в стихах» превращается в равной красоты произведение на английском.

* * *

Проблема литературного перевода иноязычного произведения – это проблема его адаптации в ином культурном контексте. И тут существенно понимание, того, что при переносе литературных текстов из одного культурного контекста в другой они испытывают «давление» другого языка и традиции и включаются в иное смысловое целое, в иной культурный «космос». Речь идет о культурном трансфере, который в своих высших образцах есть история продуцирования из исходных концептов, идей – новых, других. И тут работает весь механизм культуры – связка автор / произведение – переводчик / посредник – изатель, литературный критик / читатель / интерпретатор – представитель иной культуры с ее обычаями, укладом жизни, нравственными нормами. Русских писателей воспринимают, скажем, в Великобритании, иначе, чем в России – из-за глубинных различий британского и русского социумов, из-за чуждости британского либерально-консервативного индивидуализма как основы личностного бытия – общинно-коллективистской идеологии, характерной для русской культуры, ориентированной на общественную гармонию как высший идеал. К коренному различию ценностных установок добавляется иное чувство пространства, пейзажа, иная логика национального характера, масштаба и откровенности личностных проявлений. «Зеркальный» перенос или прочтение любого произведения в духе цивилизационных понятий исходной культуры не только невозможны, но и не нужны. Результат любого акта взаимодействия культур с необходимостью – это «пересказ», парафраз. И главное

тут – сотворчество различий и порождение новых смыслов. Таким образом, неизбежность изменений, более того «плодотворных взаимонепониманий» в стремлении приспособить «чужое» к «своему», чреваты не только культурным драматизмом, но и продуктивностью, порождаемой энергией столкновения культурных различий. «Смещение смысла – это и есть общение» [Земков, 2015, с. 102].

Общую и неизбежную проблему перевода сформулировал английский писатель Уильям Джексон: «Многое у Чехова теряется в переводе. Некоторые обороты речи <...> настолько неотделимы от русского языка, обычай и атмосферы, что вы не можете передать их на другом языке». Но он тут же замечает и другое: «чеховский метод не ограничивается его страной, это несомненно. Любой писателя, обладающего талантом, можно представить в любой стране, на любом языке <...>» [Gerhardi, 1923, p. 131–132]. То есть наблюдается, казалось бы, неразрешимое противоречие, тем более что ни один перевод почти никогда не удовлетворяет носителей языка.

Но реальность такова, что полная калька, повторение оригинала невозможны, ибо при переводе текста на другой язык переводчик переводит язык оригинала в иную структуру мышления, и, как мы видели, вынужден менять лексику и синтаксис, передавая дух оригинала, таким образом, *неизбежно* происходит *сдвиг*, без которого перевод невозможен. Интерпретация – зерно каждого художественного перевода, причем интерпретация не просто лингвистическая, а самого художественного произведения, т.е. в литературном переводе происходит «перевыражение» [Пушкин, 1966, с. 46], заключенной в нем жизни.

Если перевод отвечает потребностям воспринимающей культуры, он становится органичной ее частью, общественным событием, обретает культурообразующее значение, дает ей творческий импульс (скажем, в Британии наблюдается редкий для нее феномен «усвоения чужого» – творчества Чехова и Толстого, как «своего»). Нередко перевод остается частным фактом. Однако хороший переводчик обладает интуицией, чувствует, что именно необходимо культуре, к которой он принадлежит. Взаимодействие культур, как правило, осуществляется на основе *взаимных дефицитов*. Каждая культура ищет то, что ей недостает для заполнения своих дефицитов. Зимствуется, т.е. переводится, издается, получает отклик у читателя, оказывает воздействие на творчество отечественных

писателей и всю национальную культуру – то, чего в этой культуре не хватает, но для восприятия уже имеются предпосылки.

Почему появляются все новые и новые переводы русских классиков? Казалось бы, их уже предостаточно. И тут в известной мере точно суждение английской переводчицы Р. Бартлетт: «Спрашивать, нужен ли новый перевод “Анны Карениной” – это все равно, что спрашивать, нужно ли новое исполнение “Девятой симфонии” Бетховена?» [Bartlett, 2014] (перевод мой. – Т. К.).

Список литературы

- Аполлонио К.* По сторонам столетия: Толстой в переводах Гарнетт и Певира / Волохонской // Лев Толстой и мировая литература: Материалы 8-й Междунар. науч. конф. – Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. – С. 115–124.
- Берди М., Ланчиков В.К.* Успех и успешность: Русская классика в переводах Р. Певира и Л. Волохонской // Мосты: Журнал переводчиков. – М.: Р. Валент, 2006. – № 1 (9). – Режим доступа: http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/berdi_lanchikov.asp (Date of access: 25.02.2019.)
- Вулф В.* Русская точка зрения / пер. Атаровой К. // Атарова К. Англия, моя Англия. – М.: Радуга, 2006. – 407 с.
- Земсков В.Б.* Литературный пантеон: Автор и произведение в межкультурной коммуникации // Земсков В. Образ России в современном мире и другие сюжеты / отв. ред., сост. Красавченко Т.Н. – М.; СПб.: Центр гуманит. инициатив: ГНОЗИС, 2015. – 342 с.
- Набоков В.* Николай Гоголь / пер. Голышевой Е.; подгот. текста и публ. Голышева В. // Новый мир. – М., 1987. – № 4. – С. 173–227.
- Николюкин А.Н.* Достоевский и переводы Констанс Гарнетт // Рус. литература. – Л., 1985. – № 2. – С. 154–162.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 10. – 902 с.
- Толстой Л.Н.* Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 14 т. – М.: Госиздат. худ. лит., 1951. – Т. 7. – 379 с.
- Толстой Л.Н.* Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 14 т. – М.: Госиздат. худ. лит., 1952. – Т. 8. – 462 с.
- Тургенев И.С.* Несколько слов о Пушкине // Русские писатели XIX века о Пушкине. – Л.: Худож. литература, 1938. – 496 с.
- Чандлер Р.* «Очуждать или осваивать»: По следам переводческого семинара // Иностр. литература. – М., 2008. – № 6. – С. 246–251.
- Чуковский К.И.* Онегин на чужбине // Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. – М.: Терра–Книжный клуб, 2001. – Т. 3. – Режим доступа: <http://www.terra-kniga.ru>

chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/vysokoe/prilozheniya-onegin-na-chuzhbine (Дата обращения: 25.02.2019.)

Alameddine R. Unnecessary woman. – N.Y.: Grove press, 2014. – 320 p.

Bartlett R. Anna Karenina – the devil in the details // The Guardian. – 2014. – Friday, 5 September. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/Arts/Books/LeoTolstoy>. (Date of access: 24.02.2019.)

The Chekhov Omnibus: Selected stories / Transl. by Garnett C.; Rev., with additional material, introd. a. notes by Rayfield D. – L.: Fitzroy Dearborn publ., 1994. – XXIII, 614 p.

Chekhov A. About love and other stories. – Oxford: Univ. press, 2008 a. – 256 p.

Chekhov A. The Exclamation mark. – L.: Hesperus press ltd., 2008 b. – 128 p.

Davie D. «Mr. Tolstoy, I presume»: The Russian novel through Victorian spectacles // Davie D. Slavic excursions: Essays in Russian and Polish literature. – Manchester: Carcanet press ltd., 1990. – P. 271–280.

Davison C. Translation as collaboration: Virginia Woolf, Katherine Mansfield and S.S. Koteliansky. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2014. – 194 p.

Dostoevsky F. Crime and punishment / Transl. by Pasternak Slater N.; Ed. by Young S.J. – Oxford: Oxford univ. press, 2017 a. – 544 p.

Dostoevsky F. Crime and punishment / Transl. by Michael R. Katz. – N.Y.: Liveright / Norton, 2017 b. – 624 p.

Encyclopedia of Literary translation into English: A-L / Ed. by Classe O. – L.: Routledge, 2000. – 1714 p.

«Eugene Onegin», 2010: 5 translations and a commentary: Pt 1 // The Lectern. – 2010. – Saturday, Jan. 30. – Mode of access: <https://www.thelectern.blogspot.com/2010/...Eugene-onegin-5-translatio...> (Date of access: 25.02.2019.)

Figes O. Tolstoy's real hero // New York rev. of books. – 2007. – Nov. 22. – Mode of access: <https://www.nybooks.com/articles/2007/.../tolstoys-real-hero> (Date of access: 25.02.2019.)

Gerhardi W. Anton Chehov: A critical study. – L.: Richard Cobden-Sanderson, 1923. – 192 p.

Kelly C. «Leo Tolstoy: *Anna Karenina*» by Richard Pevear, Larissa Volokhonsky // Translation a. literature. – Edinburgh, 2002. – Vol. 11, N 2, Autumn. – P. 283–287.

Leighton L.G. A bibliography of Alexander Pushkin in English: Studies a. translations. – Lewiston etc.: Lampeter, 1999. – 310 p.

McLean H. Which English Anna? // Tolstoy studies j. – Toronto, 2001. – Vol. 13. – P. 35–48.

May R. The translator in the text: On reading Russian literature in English. – Evanston (Illin.): Northwestern univ. press, 1994. – 209 p.

Morson G.S. The peversion of Russian literature // Commentary. – 2010. – July/August. – Mode of access: <http://www.commentarymagazine.com/.../the-peversion-of-russian-literature> (Date of access: 12.01.2019.)

- Muchnic H.* Dostoevsky's English reputation: (1881–1936). – Northampton (Mass.): Smith college, 1939. – 219 p.
- Polonsky R.* Pushkin's library lyrics // The Times literary supplement. – L., 2009. – March 25. – P. 4.
- Rayfield D.* Who-knows-he-dunit? On translating «Crime and Punishment» // Times literary supplement. – L., 2018. – Jan. 16. – Mode of access: <https://www.thetimes.co.uk/.../crime-and-punishment-translatio...> (Date of access: 08.02.2019.)
- Remnick D.* The translation wars // New Yorker. – 2005. – Nov. 7. – P. 98–109.
- Schleiermacher F.* On different methods of translating // Theories of translation: An anthology of essays from Dryden to Derrida / Ed. by Biguenet J., Schulte R. – Chicago; L.: The univ. of Chicago press, 1992. – P. 36–54.
- Tolstoy L.* Anna Karenina / Transl. Garnett C.; Rev. by Kent L.J., Berberova N. – N.Y.: The Modern libr. classics, 1965. – 976 p.
- Wood J.* Movable types: How «War and Peace» works // The New Yorker. – 2007. – Nov. 26. – Mode of access: <https://www.newyorker.com/magazine/2007/11/26/movable-types> (Date of access: 25.02.2019.)

М.Б. Раренко
*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Отдела языкоznания,
Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН
rarencos@rambler.ru*

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ И.А. БУНИНЫМ
ПОЭМЫ «ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ» И СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПСАЛОМ ЖИЗНИ» Г.У. ЛОНГФЕЛЛО**

Аннотация. В статье рассматриваются переводы на русский язык произведений американского поэта Г.У. Лонгфелло (1807–1882) – «Псалом жизни» и «Песнь о Гайавате», выполненные И.А. Бунином в начале XX в. При переводе этих произведений И.А. Бунин по-разному подошел к своей задаче. При работе над поэмой он стремится сохранить систему образов, созданную Г.У. Лонгфелло, тщательно выбирая лексические единицы русского языка, уделяя в то же время большое внимание ритмике. В «Псалме жизни» стратегия перевода – иная. Здесь отчетливо слышится голос Бунина-поэта, Бунина-гражданина.

Ключевые слова: И.А. Бунин; Г.У. Лонгфелло; «Псалом жизни»; «Песнь о Гайавате»; перевод; стратегия перевода.

M.B. Rarenko

Candidate of sciences (Philology),

Senior researcher, Department of linguistics,

Institute of Scientific Information on Social Sciences,

Russian Academy of Sciences

rarenko@rambler.ru

**ON THE PROBLEM OF I.A. BUNIN'S
TRANSLATIONS OF «THE SONG OF HIAWATHA»
AND «THE PHSALM OF LIFE» FROM H.W. LONGFELLOW**

Abstract. The article deals with I.A. Bunin's translations into Russian of the works of the American poet H.W. Longfellow (1807–1882) – «A Psalm of Life» and «The Song of Hiawatha». The translations were done by I.A. Bunin in the early XXth century. When translating these works, I. Bunin approached his task in different ways. When working on the poem, he seeks to preserve the system of images created by H.W. Longfellow, carefully choosing the lexical units of the Russian language, and paying special attention to the rhythm. In «The Psalm of Life» the translation strategy is different. Here one can clearly hear the voice of Bunin-poet, Bunin-citizen.

Keywords: I.A. Bunin; «The Song of Hiawatha» by H.W. Longfellow; «The Psalm of Life» by H.W. Longfellow; translation; translation strategy.

Имя Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953), происходящего из древнего дворянского рода, уроженца Воронежа, сегодня стоит в одном ряду с такими русскими писателями и поэтами, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой и др., которых всегда волновала судьба русского народа, суть русского национального характера, его самобытность и особая судьба. Известен И.А. Бунин, в первую очередь, конечно, как автор малой прозы и поэт. Не менее известны и его переводы. Следует отметить, что интерес к переводческой деятельности можно считать наследственной чертой представителей его рода – к этому роду относился и Василий Андреевич Жуковский – великий русский поэт и не менее великий переводчик.

Жизнь И.А. Бунина наполнена различными коллизиями, среди которых следует отметить бедственное положение семьи, результатом чего стала невозможность получения им формального образования (в возрасте десяти лет, летом 1881 г., родители отдали мальчика в Елецкую мужскую гимназию, но он проучился там только до зимы 1886 г., когда его отчислили из гимназии за

неуплату); фактически постоянное безденежье (с одной стороны, приведшее к необходимости часто переезжать в поисках работы, с другой – разрушившее его отношения с Варварой Владимировной Пащенко, вышедшей замуж в итоге за друга Бунина А.Н. Бибикова) и пр.

О неустроенности своего положения И.А. Бунин писал брату 25 ноября 1891 г.: «Меня сильно занимает мысль – куда мне пристроиться. При благоприятных условиях – я *убежден*, что смогу приготовиться в какое-нибудь высшее учебное заведение. Это *необходимо* уже потому, что иначе – т.е. без дела – я совсем погибну от сознания идиотского существования. Как это устроить, когда нет никаких средств?.. Как же жить? Куда поступать лучше?»¹ В этот сложный для себя период Бунин оказывается под влиянием прогрессивной интеллигенции, распространившимся и на газету «Полтавские губернские ведомости», в которой Бунин помещал свои художественные произведения и статьи, и в редакцию которой входили сам Иван Алексеевич и его старший брат Юлий Алексеевич. В это время Бунин много писал. Его имя стало чаще появляться в «толстых» журналах, а напечатанные произведения привлекли внимание корифеев литературной критики. Бунин в «Автобиографических заметках» приводит слова Михайловского, что из него выйдет «большой писатель» [Бунин, 1967 б, с. 261]. По словам Бунина, «редкое участие» принял в нем поэт А.М. Жемчужников, который содействовал напечатанию его стихов в «Вестнике Европы» [там же].

Начало «новой жизни» приходится на 1895 г. В январе 1895 г. Бунин оставил службу в Полтаве и уехал в Петербург, а еще через месяц – между 6 и 8 февраля 1895 г. – приехал в Москву, поселился в меблированных комнатах Боргеста у Никитских ворот. Об этих днях Бунин писал впоследствии: «“Старая, огромная, людная Москва” и т.д. Так встретила меня Москва когда-то впервые и осталась в моей памяти сложной, пестрой, громоздкой картиной – как нечто похожее на сновидение. Через два года после того я опять приехал в Москву – тоже ранней весной и тоже в блеске солнца и оттепели, – но уже не на один день, а на многие, которые были началом новой моей жизни, целых десятилетий ее, связанных с Москвой... Это *начало* моей новой жизни было самой темной душевной порой, внутренно самым мертвым временем

¹ РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 1292. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 55–55 об.

всей моей молодости, хотя внешне я жил тогда очень разнообразно, общительно, на людях, чтобы не оставаться наедине с самим собой. Пространно говорить о последующей моей жизни нет возможности. Нет и необходимости: многое уже сказано, и прямо, и косвенно, в моих прежних писаниях» [Бунин, 1967, с. 363].

Бунин прожил в Москве до середины марта или до начала апреля, а затем уехал в Огневку, откуда 3 апреля 1895 г. пишет Юлию Алексеевичу: «Ужасно однообразно проходит время. Целый день что-то хочется делать, а делается все вяло и лениво. О будущем просто и подумать боюсь. В Москву осенью? Да я-то зачем? ... В Петербург? Зачем? Будь они прокляты, эти большие города! Эх, кабы опять в Полтаву! На тихую жизнь, на тихую работу! Только уж, конечно, теперь она мне не нужна одному, даже с тобой, мне там делать нечего. Прежде была под ногами почва...

Учусь по-английски, читаю Липперта, да все это ни к чему – противные отрывочные клочки знаний ни к черту не нужны!» [цит. по: Весна пришла.., 1962, с. 229]¹. На отсутствие систематического образования Бунин жаловался неоднократно: «...Если бы я тогда не терял времени и вовремя учился, работал – чего бы мог наделать!» [Кузнецова, 1995, с. 225–226].

В деревне Бунин прожил весну 1895 г., изучал английский язык, писал стихи. Но самым важным, как видится, оказалось желание попробовать себя еще в одной ипостаси – переводчика. В это время, считается, он начал переводить «Песнь о Гайавате» («The Song of Hiawatha», 1855), поэму из быта индейцев Северной Америки, принесшую ее автору – американскому поэту Генри Уотсфорту Лонгфелло (*Henry Wadsworth Longfellow, 1807–1882*) всемирную литературную славу.

Говоря о том, как Бунин создавал в себе поэта, Т.М. Двинятина пишет: «Он начал сочинять, обращаясь к традиционным поэтическим темам: жизнь природы, элегическое одиночество, юношеские мечтания, отголоски любовных переживаний. От А.В. Кольцова и И.С. Никитина молодой поэт воспринял народно-поэтическое видение мира, от С.Я. Надсона и Н.А. Некрасова – исповедальную граждансскую интонацию, от М.Ю. Лермонтова – романтический пафос, от А.Н. Плещеева, А.Н. Майкова, А.А. Фета, Я.П. Полонского – тонкость природных описаний и любовных переживаний. Два имени особенно отмечены в бунинской биографии.

¹ Юлиус Липперт – автор книги «История культуры». Книга была переведена на русский в 1894 г. [см.: Липперт, 1895]. – *M. P.*

Первым было имя Пушкина, которое он “слышал с младенчества”: “в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нем, повторяли его стихи постоянно” [Бунин, 1967 б, с. 456]. Другое влияние – Тютчева. Бунину оказались близки тютчевские контрасты дня и ночи, бытия и небытия, космоса и хаоса (в бунинском варианте, скорее, беспредельности постижимой и непостижимой)» [Двинятина, 2015, с. 12]. То что Бунин был исключительно лиричен, не могло не отразиться на его переводческой манере.

Несмотря на то что И.А. Бунин переводил довольно много с разных языков (помимо переводов с английского, известны его переводы с немецкого, итальянского, польского, французского, украинского; используя дословный перевод, Бунин также переводил с армянского языка, еврейского, татарского и персидского), самые известные его переводы – перевод поэмы «Песнь о Гайавате» и стихотворения «Псалом жизни» Генри Лонгфелло. Его необыкновенно музыкальный язык, тонкое чувство меры помогло передать колорит индейской мифологии. Работа над переводом этой поэмы заняла у Бунина, как полагают исследователи, около трех лет. По сегодняшний день этот перевод является лучшим из всех переводов «Песни о Гайавате» на русский язык.

В 1903 г. Бунин представил на соискание Пушкинской премии Академии наук сборник стихов «Листопад», вышедший в 1901 г., и стихотворный перевод «Гайаваты» Лонгфелло, изданный товариществом «Знание» в 1903 г. Эти две работы впоследствии были отмечены половиной Пушкинской премии.

Стихотворный перевод сопровождался предисловием поэта-переводчика, в котором Бунин отмечал, что «“Песнь о Гайавате” считается самым замечательным трудом Лонгфелло. Появилась она в 1855 г. Впечатление, произведенное ею, было необыкновенно: в полгода она выдержала 30 изданий, породила массу статей и подражаний и была переведена на многие европейские языки. Всех поразила оригинальность ее сюжета и новизна блестящей, строго выдержанной формы» [Бунин, 1967 а, с. 43]. На Бунина поэма, по-видимому, произвела большое впечатление: «это редкая красота художественных образов и картин в связи с высоким поэтическим и гуманным настроением» [там же], «она трогает нас то величием древней легенды, то тихими радостями детства, то чистотою и нежностью первой любви, то безмятежностью трудовой жизни на лоне природы, то скорбью роковых и вечных бед человеческого существования. Она воскрешает перед нами красоту девственных лесов и прерий, воссоздает цельные характеры пер-

вобытных людей, их быт и миросозерцание», – писал он в предисловии к переводу «От переводчика» [Бунин, 1967 а, с. 44]. Сам Лонгфелло, по словам И.А. Бунина, назвал свое произведение «индейской Эддой» [там же].

Следует отметить, что перевод Бунином лонгфелловской «Песни» был не первым в русской литературе. До него к переводу обращался Д.Л. Михаловский¹, который, по словам поэта, «сухо и с пропусками перевел только несколько глав ее, значительно изменив форму и тон подлинника» [Бунин, 1967 а, с. 44–45]. Впервые полный перевод «Песни» на русский язык был выполнен Бунином.

При работе над «Песней о Гайавате» Бунин открыто провозглашает принцип близости к оригиналу: «Я всюду старался держаться возможно ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов» [там же, с. 45]. Бунин отмечает, что временами переводить, руководствуясь описанным выше принципом, было нелегко. В первую очередь, как объясняет поэт, из-за особенностей английского языка (в частности, «краткость английских слов вошла в пословицу» [там же]), поэтому ему «иногда приходилось сознательно жертвовать легкостью стиха, чтобы из одной строки Лонгфелло не делать нескольких» [там же].

Свою схожесть в ряде мест с переводом, выполненным Д.Л. Михаловским, Бунин объясняет тем, что «некоторые стихи подлинника почти слово в слово укладывались в русские» [Бунин, 1967 а, с. 45].

Как в подлиннике, так и в русском переводе довольно часто встречаются слова, которые Бунин именует «индейскими», т.е. в текст повествования инкорпорированы слова из языка индейцев, например: «Вьет гнездо Омими, голубь...» [там же].

Прием включения иноязычных слов используется для придания повествованию особого национального колорита. В случае с «Песней» это объясняется тем, что большую часть данного произведения составляют сказания индейцев. Для Бунина-поэта национальный колорит представляет особую ценность, именно поэтому

¹ Михаловский Дмитрий Лаврентьевич (1828–1905) – поэт и переводчик. Его первые переводы появились в «Современнике» в 1857 г. Переводил Дж. Байрона, Шекспира, Лонгфелло, Э. По, Н. Ленау, Ш. Бодлера, Р.Ф. Сюлли-Приодома. Лауреат Пушкинской премии (1890, за переводы трагедий Шекспира).

к «переводу» он подходит со всей ответственностью: «Что касается индейских слов, то я проверил их значение по немецкому переводу Фрейлиграта, который просмотрен самим Лонгфелло. Список этих слов помещен в конце книги. В большинстве случаев индейские слова пояснены прямо в тексте, как это сделано в подлиннике... Иногда это делало стих менее изящным, чем хотелось бы» [Бунин, 1967 а, с. 45]. Бунин отмечает, что при переводе старался сохранить простоту речи, эпитеты, сравнения и даже характерные повторения слов.

Из предисловия следует, что главной целью своей переводческой деятельности Бунин видел воссоздание текста, который вызывал бы те же чувства, что и оригинал. Как автор перевода, Бунин старательно «скрывал» свое писательское начало и подчинялся автору оригинала, который «написал ее на основании легенд, господствующих среди североамериканских индейцев. В них говорится о человеке чудесного происхождения, который был послан к ним расчистить их реки, леса и рыболовные места и научить народы мирным искусствам. У разных племен он был известен под разными именами: Michabon, Chiabo, Manabozo, Tarenaywagon, Hiawatha, что значит – пророк, учитель».

Любопытной деталью является тот факт, что, предоставляемый перевод на соискание Пушкинской премии в 1903 г., И.А. Бунин сопровождает его Предисловием 1898 г., что заставило многих – как читателей, так и критиков¹ – считать 1898 год годом, когда перевод «Песни» был выполнен, однако, как убедительно доказывает в своей статье «Работа Бунина над переводом “Песни о Гайвате”», ссылаясь на авторитетные источники, В.Т. Шаламов [Шаламов, 1963], это не так.

1898 год не является годом первой публикации поэмы. Впервые перевод Бунина был издан в Орле в конце 1896 г., а еще ранее поэма напечатана в газете «Орловский вестник», в которой Бунин работал с 1888 г. (см. выше). За время со 2 мая по 24 сентября 1896 г. в 25 номерах газеты «Орловский вестник» был напечатан полный текст перевода «Песни о Гайавате», который в точности был повторен (даже тем же самым шрифтом) в орловском издании, в книжке в 207 страниц, без иллюстраций. Все главы поэмы Лонгфелло, за исключением последней, печатались на первой полосе

¹ Во многих энциклопедиях, справочниках и литературоведческих работах перевод поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайвате», выполненный И.А. Буниным, датируется 1898 г. – *M. P.*

газеты. Перевод поэмы цензурен в Киеве 30 октября 1896 г., и, стало быть, первой публикацией «Песни о Гайавате» следует считать ее газетный текст со 2 мая по 24 сентября 1896 г.

Сравнивая этот «орловский» вариант поэмы с последующими, можно обнаружить любопытные детали. В.Т. Шаламов обращает внимание на то, что «обладая достаточной полнотой и точностью, первый печатный вариант перевода не отличается той высокой художественностью, какой достиг Бунин в последующих изданиях поэмы Лонгфелло (1898, 1899, 1903 годы)» [Шаламов, 1963, с. 55].

В январе 1898 г. – через год и несколько месяцев после издания «Гайаваты» в Орле – в издании детского журнала «Всходы» в Петербурге был опубликован новый перевод «Гайаваты», рекомендованный Министерством народного просвещения для школ и бесплатных библиотек. Это вариант перевода «Песни» отличается от предыдущих прежде всего тем, что из текста исключены две главы.

Спустя еще год – в 1899 г. – перевод поэмы «Песнь о Гайавате» опубликован еще раз. Теперь он выходит в Москве в издательстве «Книжное дело» и сопровождается несколькими иллюстрациями американского художника Ф.С. Ремингтона¹. И в этом издании представлен вариант перевода, также отличающийся от предшествующих.

Еще через четыре года – в 1903 г. – в издательстве «Знание» М. Горький издает перевод поэмы «Песнь о Гайавате», и этот, последний, вариант перевода с тех пор считается окончательным. За перевод И.А. Бунин удостаивается Пушкинской премии и перестает работать над его улучшением. Основная же работа по улучшению орловского, первоначального варианта перевода «Песни о Гайавате» (1896) приходится на 1897 и 1898 гг.

В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем фрагменты перевода поэмы, отличающиеся в разных изданиях:

¹ Ремингтон Фредерик Сэкрайдер (*Frederic Sackrider Remington*, 1861–1909) – американский художник, иллюстратор и скульптор, известный своими произведениями на тему Дикого Запада. – *M. P.*

Начало поэмы

Издание 1896 г.	Издание 1898 г.	Издания 1899 г. и позже
Если спросите – откуда Эти сказки и легенды, От которых пахнет лесом, Веет свежестью долины И дымком лесных вигвамов...	Если спросите – откуда Эти сказки и легенды С их лесным благоуханьем, Голубым дымком вигвамов...	Если спросите – откуда Эти сказки и легенды С их лесным благоуханьем, <i>Влажной свежестью</i> долины, Голубым дымком вигвамов...

Конец главы I «Трубка мира»

Издание 1896 г.	Издание 1898 г.	Издания 1903 г.
И в дверях отверстых рая В белоснежных волнах дыма От Поквани, Трубки Мира, Потонул Владыка Жизни Гитчи-Манито могучий.	И в дверях отверстых неба Гитчи-Манито сокрылся, Окруженный белым дымом, белым дымом Трубки Мира.	И в дверях отверстых неба Гитчи-Манито сокрылся, Окружен клубами дыма От Поквани, Трубки Мира.

Глава IV

Издание 1896 г.	Издание 1899 г.	Издания 1903 г.
А веселый, юный голос То звучал беспечным смехом, То капризно и сердито, И ее он Миннегагой Звал – Смеющеся Струйкой.	А капризный, нежный голос То звучал беспечным смехом, То задорным юным гневом. И отец в честь водопадов Дал ей имя – Миннегага.	Свет улыбки, тени гнева; Смех ее звучал, как песня, Как поток, струились косы, И Смеющейся Водою В честь реки ее назвал он, В честь веселых водопадов Дал ей имя – Миннегага.

И.А. Бунин работает над переводом на протяжении более девяти лет. При этом нельзя сказать, что изменения носили кардинальный характер, хотя переделки многочисленны – переписываются заново строфы, то увеличивается, то уменьшается количество строк в строфе (что возможно в силу уникальности оригинала – у Лонгфелло особый размер и свободный ритм поэмы).

Бунин не стремится к буквализму. Сравнительный анализ переводов показывает, что перед собой Бунин ставит задачу улучшить русскую поэтическую речь (не зря в качестве поэтов, оказавших на него наибольшее влияние, он упоминает Пушкина и Тютчева). В тексте не должно быть неясностей, недомолвок, «темных мест». По возможности все объяснения из текста уходят в постраничные сноски, а в тексте поэмы остаются индейские слова, понятные из контекста, без затрудняющего восприятие поэмы перевода: «окунь, Сава; Омими, голубь» и т.п. Следует отметить, что этот прием Бунин использовал и в первом варианте перевода, но в переводе 1899 г. прием сохраняется уже на протяжении всего текста. Первоначально может показаться, что перевод изобилует реалиями жизни индейцев, затрудняет восприятие текста, но затем становится понятен замысел переводчика – сохранить национальный колорит:

Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги...

Список индейских слов, о котором Бунин упоминает в предисловии «От переводчика» 1898 г., также отсутствует в более ранних изданиях. В поздних изданиях оказываются заменены названия глав. Так, в версии 1896 г. поэма начинается с «Пролога», а кончается XXII главой «Отъезд Гайаваты». В позднейших изданиях «Пролог» заменен «Вступлением», «Отъезд Гайаваты» – «Эпилогом», а глава «Жалобы Гайаваты» называется «Плач Гайаваты».

Как видно из приведенных примеров, в позднейших редакциях перевода Бунин стремится к большей образности речи. В.Т. Шаламов отмечает, что «за бунинской строфой видна поэтическая картина. Образность развита и усложнена в духе Лонгфелло. И в духе русской поэзии» [Шаламов, 1963, с. 61].

В.Т. Шаламов делает еще одно наблюдение: перевод первой половины поэмы подвергся в дальнейшем значительно большей переработке, чем второй. По-видимому, Бунин отрабатывает приемы по мере работы над переводом, его мастерство перевод-

чика растет, и он оказывается удовлетворен качеством перевода второй половины поэмы в большей степени.

Заслуживает внимания и то, что каждый раз изменениям подвергается и текст предисловия «От переводчика», которое сопровождало каждое переиздание поэмы. Самым коротким оказалось предисловие к изданию 1896 г., а самым развернутым – к изданию 1899 г. В одном из предисловий подробно разбирается перевод предшественника – Д.Л. Михаловского, о других предисловиях в нем не упоминается вовсе.

Творчество Генри Лонгфелло, видимо, оказалось созвучным настроению Бунина, и в 1901 г. поэт переводит еще одно его произведение – «Псалом жизни» (Psalm of Life, 1838) и публикует его в журнале «Полевые цветы».

Несмотря на то, что стихотворение было переведено поэтом в период его работы над переводом «Песни о Гайавате», приемы, которые использовал Бунин при переводе двух произведений, оказываются совершенно различными.

Как было показано выше, при работе над «Песней о Гайавате» Бунин стремился к точности перевода на всех уровнях. Возможно, такое решение было продиктовано тем обстоятельством, что «Песнь о Гайавате» представляет собой попытку воссоздания национального эпоса, а сам его автор – Лонгфелло – воспринимается Буниным как автор уникального социального конструкта, в то время как переводчику уготована функция бесстрастного транслятора: «фольклорная традиция подчинила субъективное начало как автора, собравшего легенды, так и их переводчика, определила рамки, выходить за которые при интерпретации подлинника переводчику было невозможно» [Мещерякова, 2009, с. 272].

В стихотворении «Psalm of Life» Г. Лонгфелло лирический герой представляет свое видение окружающего его мира. Это жизнеутверждающее стихотворение, обращенное ко всему человечеству, наполнено любовью к жизни во всех ее проявлениях.

Как следует из пояснения, данного сразу после заголовка (What the Heart of the Young Man Said to the Psalmist), лирический герой стихотворения «Псалом жизни» – молодой человек, пришедший к псалмопевцу, делится с ним самым сокровенным – исходящим из самых глубин его души (из сердца). Речь молодого человека – это своеобразный ответ псалмопевцу, исполняющему Псалом над телом умершего. Молодой человек не согласен с псалмопевцом в том, что составляет сущность жизни: жизнь – это не сон, жизнь реальна. Как можно увидеть, в стихотворении пре-

обладают восклицательные предложения, повелительные формы глаголов (tell me, let), активно используются устаревшие формы (например, Dust thou art, to dust returnest), особая возвышенная лексика (forlorn, solemn, bivouac, funeral marches, mournful), придающие тексту особую торжественность и тональность. Пафос данного произведения заключается в том, чтобы убедить читателя разделить точку зрения лирического героя, сделать «послание» эмоционально насыщенным.

Художественные особенности оригинального текста, вероятно, определили стратегию Бунина-переводчика. Передавая особенности (лексические, грамматические, синтаксические, метасемиотические и пр.) оригинала, т.е. выступая в роли переводчика, Бунин стремится сохранить текст как можно точнее, однако, осознавая, что целью перевода является задача воссоздать текст, не уступающий оригинальному произведению по эстетическому воздействию на читателя, поэт привносит в него и нечто свое – свои знания о мире, свои представления о нем, другими словами, свое «я».

В результате возникает перевод, отражающий не только оригинальный текст, но и привнесенный в него опыт (культурный, национальный, личный и пр.) самого переводчика.

При сопоставлении текстов оригинала и перевода следует отметить стремление поэта к бережному обращению с источником. В частности, сохранено название стихотворения («Psalm of Life» – «Псалом жизни»), а многие строки оригинала и перевода содержат семантические, грамматические и композиционно-синтаксические переклички, например самое начало стихотворения:

Tell me not, in mournful numbers, Life is but an empty dream!	– Не тверди в строфах унылых: «Жизнь есть сон пустой!»
--	---

или:

Lives of great men all remind us We can make our lives sublime, And, departing, leave behind us Footprints on the sands of time.	Жизнь великих призывает Нас к великому идти, Чтоб в песках времен остался След и нашего пути.
---	--

Но, как кажется, для Бунина-переводчика более важным оказывается не количественные совпадения, а качественные – в содержательном плане. Ему близки установки лирического героя стихотворения, он, как и лирический герой Лонгфелло, убежден, что жизнь – не сон, в ней нужно себя проявить, нельзя быть пассивным и уповать на кого-то, нужно быть активным и действовать.

В переводе Бунин неоднократно подчеркивает необходимость трудиться для того, чтобы достичь чего-то в жизни, используя синонимы «труд», «работа», «действовать», «идти вперед». Жизнь представляется битвой («На житейском бранном поле»). Используя более сильные лексические эквиваленты, переводчик достигает, на наш взгляд, большей эмоциональности повествования, чем в оригинальном тексте, что связано, вероятно, в том числе и с событиями в его личной жизни.

Также следует обратить внимание на то, что в переводе отсутствует (опущена) фраза, указывающая на ситуацию высказывания – «What the Heart of the Young Man Said to the Psalmist» (что сердце молодого человека сказали псалмопевцу), следующая в оригинале сразу за названием стихотворения, что уже изначально предполагает некую переводческую вольность.

Сравнив два перевода И.А. Бунина из Г. Лонгфелло, отметим, что используемые при переводе стратегии, прежде всего, обусловлены жанровыми различиями переводимых текстов. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что переводы выполнены поэтом, для которого просто оставаться «прозрачным», как стекло, по терминологии Л. Венути [Venuuti, 1995], при передаче «чужого», представляется невозможным в силу существования своей системы образности, своего художественного мира, своего представления о назначении поэзии, наконец в силу своих жизненных перипетий. Художественный перевод как особый вид человеческой деятельности, а тем более перевод поэтический, всегда существует на пересечении «своего» и «чужого», а переводчик оказывается одновременно и транслятором «чужого», и интерпретатором.

Список литературы

- Бунин И.А. <Записи> // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. 9. – С. 356–398.
- Бунин И.А. Песнь о Гайавате. От переводчика / пер. с англ. // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1967 а. – Т. 8. – С. 43–45.

- Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1967 б. – Т. 9. – 461 с.
- Весна пришла: Проза, поэзия, литературная критика: Сб. статей. – Смоленск: Смолен. кн. изд-во, 1962. – 274 с.
- Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: авто-реф. ... д-ра филол наук. – СПб., 2015. – 46 с.
- Кузнецова Г.* Грасский дневник: Рассказы. Оливковый сад. – М.: Моск. рабочий, 1995. – 512 с.
- Липперт Ю.* История культуры / пер. с нем. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1895. – 412 с.
- Мещерякова О.А.* Бунин-переводчик // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – Челябинск, 2009. – № 11. – С. 270–276.
- Шаламов В.Т.* Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Вопр. литературы. – М., 1963. – № 1. – С. 54–67.
- Venuti L.* The translator's invisibility: A history of translation. – L.; N.Y.: Routledge, 1995. – 365 p.

4. ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

И.В. Зыкова

*доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник*

*Сектора теоретического языкознания,
Институт языкознания РАН*

zykova_iv@mail.ru

О СТАТУСЕ И СПЕЦИФИКЕ ЗОНЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА В МИКРОСТРУКТУРЕ СЛОВАРЯ НОВОГО ТИПА «ИДИОМАТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА»¹

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению идиоматики авангарда как специфического объекта лексикографического описания. Особое внимание уделяется вопросу о статусе зоны межъязыкового перевода в микроструктуре проектируемого авторского сводного словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)». Результаты проведенного исследования подтверждают целесообразность разработки данной зоны для заголовочных единиц, представляющих собой два основных вида идиоматики авангарда, установленных в ходе проведенного исследования – невербальную идиоматику и вербальную идиоматику. В статье раскрываются как универсальные, так и специфические черты формирования зоны межъязыкового перевода в микроструктуре словарных статей, в качестве заголовков которых могут выступать как авангардные невербальные идиомы, так и один из типов вербальной идиоматики авангарда, которыми являются собственно авангардные идиомы

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00134) в Институте языкознания РАН. – И. З.

и «традиционные» фразеологизмы, (экспериментально) используемые в произведениях лексикографируемых авторов.

Ключевые слова: словарь нового типа; лексикография; межъязыковой перевод; идиоматика авангарда; кубофутуризм; невербальные идиомы; собственно авангардные идиомы; фразеологизмы.

I.V. Zykova

Doctor of Philology, Leading researcher,

Sector of theoretical linguistics,

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

zykova_iv@mail.ru

ON THE STATUS AND SPECIFICITY OF INTERLANGUAGE TRANSLATION ZONE IN THE MICROSTRUCTURE OF THE DICTIONARY OF A NEW TYPE «IDIOMATICS OF RUSSIAN AVANT-GARDE»

Abstract. The present paper considers the avant-garde idiomatics as a specific object of lexicographical description. Much attention is paid to the issue of the status of the interlanguage translation zone in the microstructure of the author dictionary «Idiomatics of Russian avant-garde (Cubo-Futurism)». The results obtained confirm the importance of this zone for head items that represent two main kinds of avant-garde idiomatics established in our research – non-verbal idiomatics and verbal idiomatics. The paper highlights universal as well as special features of forming the interlanguage translation zone in the microstructure of dictionary entries describing both avant-garde non-verbal idioms and one of the types of avant-garde verbal idiomatics, i.e. avant-garde idioms proper and «traditional» phraseological units (experimentally) used by Cubo-Futurists in their writings.

Keywords: dictionary of a new type; lexicography; interlanguage translation; avant-garde idiomatics; Cubo-Futurism; non-verbal idioms; avant-garde idioms proper; phraseological units.

Кардинальные преобразования современного мира находят непосредственное отражение во всех сферах жизнедеятельности современного социума. Стремительный технический прогресс, сверхинтенсивное развитие ИТ-технологий, а также глобальная интеграция современного общества определяют вектор и динамику эволюции науки на новейшем (постнеклассическом) этапе ее развития. Радикальные преобразования в сфере мировой экономики и политики, мировой культуры и мирового сообщества формируют

новый облик филологии, в которой усовершенствуется и обновляется методология анализа всех аспектов и уровней языка, выявляются новые проблемные области исследования и открываются новые (в том числе информационно-технологические) возможности изучения традиционных и вновь встающих вопросов в лингвистике, в частности, в такой ее подотрасли, как авторская лексикография.

В последнее десятилетие в условиях глобальных научно-общественных преобразований отмечается стремительное развитие авторской лексикографии. Лексикографический бум приводит, в частности, к значительному увеличению числа словарей, посвященных языку выдающихся личностей (см. подробнее в: [Шестакова, 2012; СПАЛ, 2018]). Столь значительный исследовательский и общественный интерес к вопросам авторской лексикографии свидетельствует о том передовом положении, которое занимает сегодня данная научная отрасль в процессе общего развития – как лингвистической науки, так и культуры современного российского социума. Словарь – хранитель лингвистического достояния национальной культуры, один из уникальных проводников в лингвокультурное пространство народа – получает сегодня новое осмысление как эффективное средство освоения лингвокультурного наследия национальных сообществ, а также как средство, направленное на оптимизацию процесса межкультурной коммуникации.

В соответствии с новыми веяниями в области авторской лексикографии настоящая статья посвящается рассмотрению одного из актуальных вопросов, связанных с разработкой словаря нового типа – «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)». Это вопрос о статусе и специфике зоны межъязыкового перевода в микроструктуре словарной статьи проектируемого лексикографического издания. Прежде чем перейти к обсуждению данного вопроса, охарактеризуем кратко Словарь.

Составление словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)» является одним из этапов реализации общего научно-исследовательского проекта «Идиоматика авангарда» (И.В. Зыкова, О.В. Соколова). Проектируемое издание относится к такому типу авторских словарей, как сводные словари. Его создание базируется на лексикографическом анализе литературных и художественных произведений представителей раннего авангарда (1910-е – начало 1930-х годов), главным образом кубофутуристов и некоторых из близких их кругу авторов (В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых, Б. Лившиц, Д. и Н. Бурлюки, К. Малевич, Е. Гуро,

П. Филонов, А. Экстер, В. Шкловский, Р. Якобсон, М. Ларионов, И. Зданевич и др.).

В основу словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)» положен дифференциальный подход, активно развивающийся в настоящее время в авторской лексикографии (о концепции «дифференциально-распределительной серии словарей» см. подробнее: [Караулов, Гинзбург, 2001; Караулов, Ружицкий, 2015]). На дифференциальный характер Словаря указывает прежде всего выбранный в качестве объекта лексикографического описания определенный пласт языка – идиоматика, извлекаемая из произведений представителей авангарда, преимущественно кубофутуристов (о методологии идентификации идиоматики авангарда см. подробнее: [Зыкова, 2018; Зыкова, Соколова, 2019]). Кроме того, применение дифференциального подхода отражается и в том, что в фокусе внимания находятся идиоматические и фразеологические средства, характеризующие творчество главным образом ведущих представителей кубофутуризма, выделяемые в первую очередь из их наиболее значимых произведений (литературных и художественных).

При разработке макроструктуры рассматриваемого Словаря в качестве первостепенной встает задача осмыслиения сущностных свойств единиц словарника. При решении данной задачи на первый план выходит проблема **типовологии идиоматики авангарда**.

В рамках настоящего лексикографического проекта под **идиоматикой авангарда** в широком смысле понимается совокупность семиотически разнородных (вербальных и невербальных) средств, целенаправленно создаваемых авангардистами в результате экспериментов, в основе которых лежат эстетическая и прагматическая интенции, направленные на формирование нового художественного языка литературы и искусства. Такие интенции реализуются за счет совмещения установок на отрицание существующих языковых конвенций и формирование новых норм, организующих новую идиоматику как основу нового языка [Зыкова, Соколова, 2019]). В разработке типологии идиоматики авангарда важно учитывать следующие ключевые установки и нововведения авангарда: стремление к «стиранию» границ между разными родами искусства (ср.: изобразительное искусство, вербальное искусство, музыкальное искусство, киноискусство и др.); примат синтеза различных видов творчества, их взаимопроникновения; экспериментирование в области искусства и литературы с целью вырабо-

тать новый (единий) художественный язык, соответствующий устанавливаемым в начале XX в. новым эстетическим канонам.

Принимая во внимание данные установки и нововведения, в идиоматике авангарда представляется необходимым провести разграничение между двумя основными видами единиц, которые могут быть объектами лексикографического анализа: **невербальная идиоматика и вербальная идиоматика**. Каждая из двух выделенных разновидностей идиоматики авангарда подразделяется на определенные типы (а также подтипы), лексикографическая интерпретация которых может как совпадать, так и (существенно) отличаться. Перейдем к рассмотрению этих основных видов идиоматики авангарда и их типологии.

Под **невербальной идиоматикой** в настоящем исследовании понимается **совокупность невербальных (пластических) идиом**, извлекаемых из художественных (живописных) произведений представителей раннего авангарда (главным образом, кубофутуристов), а также из их литературных произведений, содержащих разного рода художественные изображения (графические рисунки, гравюры, литографические изображения, книжные милянаторы и проч.).

Вопросы о существовании невербальных идиом и их отличительных чертах поднимался исследователями многократно, что подтверждается, в частности, функционированием в научной литературе таких терминов, как *пластическая идиома, идиоматический жест, звуковая идиома, изобразительная идиома* (см. также термины в английском языке: *artistic idiom, idioms of music, the dancer's idiom, theatrical idioms, Expressionist idiom*) (см., например: [Bennett, 1990; Flam, 2003]). Очевидно, что данное разнообразие терминологических обозначений невербальных идиом обусловлено разновидностями искусства, в соответствии с которыми осуществляется их типология. Термин «пластическая идиома» формируется в области пластических искусств, к которым относят живопись, графику, скульптуру, фотоискусство. Пластические идиомы, являясь неотъемлемыми, концептуально и структурно значимыми элементами / фрагментами произведений искусства, формируют идиостиль художника, отражают его своеобразие и специфику. К примеру, о выработке Бурлюком специфических пластических идиом как важной составляющей его живописного языка писал Б. Калаушин [Калаушин, 1995]. Рассматривая особенности живописи Экстер на примере ее альбома «Цветовые ритмы», Г.Ф. Коваленко отмечает, что «подход к альбому как к серии позволяет убедиться очень во

многом, прежде всего – различать повторяющиеся пластические идиомы и в их стабильности распознать подлинный голос художника» [Коваленко, 2001, с. 209].

Особое положение в современной науке занимает подход к пониманию невербальных идиом (в частности, пластических идиом) как вербально обусловленных сущностей. К примеру, невербальная идиома может трактоваться как «скрытая форма вербальности», т.е. как «идиома и фразеологизм, фигуры речи, имплицитно содержащиеся в повествовательной материи изображения» [Злыднева, 2008, с. 8]. Как указывает Н.В. Злыднева, «естественный язык определяет некоторые сегменты мышления художника, задавая те или иные стратегии визуальной нарратации» [там же]. Кроме того, невербальная идиома может представлять собой изобразительный знак или совокупность изобразительных знаков, специально разрабатываемых с целью образной передачи некоего смысла (значения, концепта и под.) и «замещающих» собой существующие вербальные знаки (вербальные идиомы, фразеологизмы, вербальные тропы и т.д.). Одним из примеров последнего являются специфические опыты подобных разработок В. Хлебникова, представленных, в частности, в его манифесте «Художники мира!» [Хлебников, 2014].

Следует отметить, что разработка типологии авангардных невербальных идиом представляет собой самостоятельную задачу в нашем лексикографическом проекте. Нетривиальность и масштабность этой задачи требует проведения отдельного исследования, центральное положение в котором занимает вопрос о построении методологии идентификации такого рода идиом в произведениях главным образом изобразительного искусства – в его жанрах и разновидностях, а также в других видах художественного творчества лексикографируемых авторов. В связи с этим в настоящей статье излагаются лишь некоторые из первичных (предварительных) результатов осмысления данной проблемы.

Принимая во внимание специфический характер невербальных (пластических) идиом, в создании их типологии следует учитывать ряд факторов, среди которых особой значимостью обладают, судя по всему, степень их сложности и их (не) зависимость от вербального творчества (или вербальных аналогов). По степени сложности авангардные невербальные идиомы могут представлять собой, как видится, единичный изобразительный знак (или фигуру), совокупность изобразительных знаков, например в виде фрагмента картины, или целостную картину. В соответствии с на-

личием или отсутствием прямой или опосредованной связи с вербальными аналогами авангардные невербальные (пластические) идиомы можно было бы разделить: те, которые основаны на, условно говоря, «чистых» визуальных образах, и те, визуальные образы которых восходят (или связаны определенным способом) к вербальным (образным) средствам, например к устойчивым образными выражениям, распространенным (литературным) метафорам, крылатым выражениям, цитатам и т.д. Свидетельством наличия такой связи может выступать, к примеру, само название художественного (живописного) произведения.

Отмеченные два критерия нам представляются весьма существенными при разработке типологии авангардных невербальных идиом. С опорой на данные критерии в поле исследовательского интереса оказываются в первую очередь специфические художественные (изобразительные) единицы, которые являются знаковыми в творчестве разных авторов, характеризуют своеобразие их художественного подхода и идиостиля и могут быть квалифицированы как авангардные невербальные идиомы. Например, к числу такого рода авангардных невербальных идиом видится возможным отнести *черный квадрат* Казимира Малевича (рис.).

Рис. Казимир Малевич. «Черный квадрат», 1915 г. Галерея: Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

Анализ истории возникновения данной авангардной невербальной идиомы не обнаруживает ее связи с каким-либо вербальным аналогом, который мог бы выступать в качестве источника ее

появления. Ее создание традиционно относят к периоду работы Малевича над декорациями оперы «Победа над Солнцем» и ассоциируют с одноименной картиной, представленной на футуристической выставке «0.10» в Петербурге в 1915 г. Таким образом, с учетом указанных критерииев и выявленных на их основе фактов *черный квадрат* можно признать авангардной невербальной идиомой определенного типа. Данный тип, а также и другие типы невербальных идиом, на установление которых направлено настоящее исследование, формируют общую типологию невербальной идиоматики авангарда.

Вербальная идиоматика понимается в настоящем исследования как **совокупность вербальных единиц двух основных классов**: 1) собственно авангардные идиомы, определяемые нами как языковые единицы, целенаправленно создаваемые в результате проведения языковых экспериментов в литературном авангарде (например: *ласковый петер*, «*лысый язык*», *следить мир с конца*); 2) «традиционные» фразеологизмы, (экспериментально) используемые в произведениях литературного авангарда в узальных и модифицированных формах (например: *тянуть канитель* > *Если мое робкое допущение / Что золото, которое вы тянули, когда смеясь рассказывали о любви / <...> Справедливо <...>* (В. Хлебников, «Крымское»).

Анализ вербальной идиоматики, экспериментально создаваемой и / или используемой в произведениях кубофутуристов и близких их кругу авторов, позволяет выделить на данном этапе ее изучения следующие типы собственно авангардных идиом:

- авангардные идиомы-термины, например: *новое слово, замытый язык, самовитое слово*;
- авангардные идиомы-дескрипции или идиомы-экспрессемы, например: *не язык, а жалкий евнух; парфюмерный блуд*;
- авангардные идиомы-эксперименты, например: *дыр бул ىыл, го оснег кайд, чета небедей*;
- авангардные паремии, имеющие структуру предложения и отличающиеся афористическим характером, например: *Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней*.

Среди «традиционных» фразеологизмов, функционирующих в произведениях кубофутуристов, можно обнаружить такие их типы, как:

- фразеологизмы-термины, например: *словесное искусство, ось времени*;
- идиомы, например: *пускать по миру, мертвой хваткой*;

- коллокации или фразеоматизмы, например: *давать советы, хороший вкус*;
- фразеологические единицы метаязыкового и модального характера, например: *так сказать, честно говоря*;
- фразеосхемы или фразеологизмы-конструкции, например: *смесь X с Y; не X, а X-ище*;
- паремии, например: *не хвались, идучи на рать, а хвались идучи с рати*;
- прецедентные феномены, например: *честный дядя, размер Хеопса*;
- иноязычные устойчивые языковые единицы, например: *post hoc, ergo propter hoc*.

Таким образом, одной из отличительных черт словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)» является то, что в нем в качестве заголовочной единицы **словарных статей** может выступать **один из типов как невербальных, так и вербальных идиом**.

Согласно проведенному лексикографическому исследованию, в микроструктуре словарной статьи авангардных идиом, как невербальных, так и вербальных, могут быть выделены, по крайней мере, следующие универсальные словарные зоны: *заголовочная единица, зона типологической характеристики, зона шифров, зона комментариев, зона контекстов и зона межязыкового перевода*. Из этих зон особый интерес представляет *зона межязыкового перевода*. Необходимость выделения данной зоны в микроструктуре проектируемого Словаря и ее особо значимый статус в нем, обусловлены, по меньшей мере следующими факторами: культурно-историческим, лингвистическим и фактором современного адресата.

С культурно-исторической точки зрения русский авангард начала XX в., как отмечается многими исследователями, внес весомый вклад в развитие мировой культуры, в модернизацию и реформацию разных областей мировой литературы и мирового искусства (см., например: [АКХХВ, 2010; Поляков, 2007]). Значительный интерес к художественной и литературной деятельности кубофутуристов и других представителей «раннего» этапа становления русского авангарда привел к публикации на протяжении всего XX, а также и начала XXI в., многочисленных изданий, содержащих переводы их произведений на другие языки и, соответственно, открывающих доступ к возможности осмысления специфики их творчества в глобальном (лингво)культурном пространстве.

С учетом этого факта переводные издания произведений кубофутуристов и других представителей русского авангарда можно по праву считать неотъемлемым атрибутом их творческого наследия.

Изданные переводы на английский, итальянский, немецкий, французский и другие языки являются весьма ценными ресурсами с позиции лингвистического и лексикографического изучения идиоматики авангарда. Как известно, среди разного рода образных или образно-выразительных языковых средств фразеологизмы (в широком понимании) занимают особое положение в теории и практике переводоведения, выходя на первое место по «шкале труднопереводимости» (в терминологии С. Влахова и С. Флорина). Как отмечает Е.О. Опарина, «сложность, образность, культурно-языковая специфичность семантики ФЕ, ее связь с ценностными категориями и мировосприятием носителей языка значительно усложняют их межъязыковую трансляцию. В художественных текстах образные, коннотативные и эмотивно-оценочные фрагменты смысла идиом особенно релевантны – они становятся частью поэтики этого типа текста» [Опарина, 2014, с. 193]. В этой связи целесообразным видится размещение в словарной зоне «межъязыковой перевода» контекстов использования и описания единиц идиоматики авангарда, отобранных из переводных изданий произведений лексикографируемых авторов на английском, итальянском, немецком и других языках. Данная зона позволяет аккумулировать, свести воедино иноязычные корреляты единиц идиоматики авангарда, создать своеобразную базу примеров или образцов перевода контекстов их функционирования, отражающую ценную лингвистическую информацию о стратегиях и приемах их межъязыковой трансформации.

Кроме того, необходимость включения в микроструктуру словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)» зоны *межъязыкового перевода* обусловлена потребностями не только взыскательного современного читателя-пользователя, владеющего двумя и более языками, но и современных исследователей авангарда и фразеологии, переводчиков, специалистов в области таких активно развивающихся наук междисциплинарного цикла, как межкультурная коммуникация, лингвокультурология и др.

Согласно проведенному анализу, зона *межъязыкового перевода* в проектируемом Словаре может иметь как универсальные, так и специфические черты в зависимости от того, является ли заголовочной словарной единицей авангардная вербальная или не-

вербальная идиома. Остановимся подробнее на наиболее существенных из этих черт.

В микроструктуре словарной статьи, **заголовком** которой выступает **единица вербальной идиоматики** определенного типа (т.е. одна из разновидностей собственно авангардных идиом или «традиционных» фразеологизмов в широком понимании), **зона межъязыкового перевода** напрямую обусловлена **зоной контекстов**. **Зона контекстов** формируется в данном случае посредством исчерпывающего количества употреблений той или иной единицы вербальной идиоматики, выявляемых в разнородных литературных произведениях кубофутуристов и близких их кругу авторов (манифестах, стихотворениях, дневниках, письмах и т.д.). Следовательно, в зоне межъязыкового перевода располагаются соответствующие иноязычные переводы контекстов употребления заголовочных единиц, отобранные из переводных изданий. При этом необходимо указать на то, что поскольку не все литературные произведения лексикографируемых авторов переведены на другие языки, а также в силу труднодоступности ряда переводных изданий, зона межъязыкового перевода может содержать переводы не всех русскоязычных контекстов употребления той или иной вocabулы (находящихся в зоне контекстов), а также содержать переводы одних и тех же русскоязычных контекстов не на один, а на разные иностранные языки. Необходимо также отметить, что помимо переводов русскоязычных контекстов на другие языки важной составляющей зоны межъязыкового перевода является выделяемая в ней подзона иноязычных коррелятов.

В качестве демонстрации приведем фрагмент микроструктуры заголовочных единиц, относящихся к двум основным типам вербальных идиом – к собственно авангардным идиомам (*заумный язык* и *самовитое слово*) и к «традиционным» фразеологизмам (*танцевать от печки и палец о палец не ударить*). В связи с большим объемом материала зону контекстов и зону межъязыкового перевода в настоящей статье представляют выборочные случаи употребления данных вербальных единиц. Так как на этом этапе исследования лексикографической обработке подвергаются английские и итальянские переводы произведений лексикографируемых авторов, то в зоне межъязыкового перевода содержатся английские и / или итальянские переводы соответствующих русскоязычных контекстов.

➤ ЗАУМНЫЙ ЯЗЫК <заумная речь>

© СОБСТВЕННО АВАНГАРДНАЯ ИДИОМА; ПОДТИП – ИДИОМА-ТЕРМИН

ЗОНА КОНТЕКСТОВ:

(1) Но так как прямо они ничего не дают сознанию (не годятся для игры в куклы), то эти свободные сочетания, игра голоса вне слов, названы *заумным языком*. *Заумный язык* – значит находящийся за пределами разума. Сравни *Заречьe* – место, лежащее за рекой, *Задоншина* – за Доном. То, что в заклинаниях, заговорах *заумный язык* господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным. Но есть путь сделать *заумный язык* разумным. (Хлебников, «Наша основа».)

(2) Живописцы будут любят пользоваться частями тел, разрезами, а будут любят речетворцы разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями (*заумный язык*), этим достигается наибольшая выразительность и этим именно отличается язык стремительной современности, уничтожившей прежний застывший язык (см. подробнее об этом в моей статье «Новые пути слова» в книге «Троей»). (Крученых, Хлебников, «Слово как таковое. О художественных произведениях».)

(3) Увидя, что корни лишь призраки, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки, – мое второе отношение к слову. Путь к мировому *заумному языку*. (Хлебников, «Свояси».)

(4) Верующие. Спой нам самовитые песни! Расскажи нам о Эль! Прочти на *заумной речи*. (Хлебников, «Зангези».)

ЗОНА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА:

(1 En) But since they yield nothing directly to our consciousness (you can't play dolls with them), these free combinations, which represent the voice at play outside of words, are called *beyonsense*. *Beyonsense language* means language situated beyond the boundaries of ordinary reason, just as we say «beyond the river» or «beyond the sea». *Beyonsense language* is used in charms and incantations, where it dominates and displaces the language of sense, and this shows that it has a special power over human consciousness, a special right to exist alongside the language of reason. But there does in fact exist a way to make *beyonsense language* intelligible to reason. (Paul Schmidt (trans-

lated). *Velimir Khlebnikov, Prose, Plays, and Supersagas, Collected works, Vol. I.*)

(2 En) The Futurian painters love to use parts of the body, its cross sections, and the Futurian wordwrights use chopped-up words, halfwords, and their odd artful combinations (*transrational language*), thus achieving the very greatest expressiveness, and precisely this distinguishes the swift language of modernity, which has annihilated the previous frozen language (see a more detailed discussion in my article «New Ways of the Word» in the book «The Three»). (Anna Lawton and Herbert Eagle (translated). *Russian Futurism through Its Manifestoes, 1912–1928.*)

(2 It) I pittori budetljâne amano utilizzare parti del corpo, sezioni, mentre i budetljâne creatori di parole amano servirsi di parole squartate, di mezze parole e delle loro bizzarre e astute combinazioni (*linguaggio transmentale*). In questa maniera si ottiene la massima Potenza espres-siva e proprio questo contraddistingue il linguaggio dell’impetuosa modernità che distrugge quello fossilizzato del passato (per maggiori particolari cfr. il mio articolo *Le nuove vie della parola* nel libro *I tre*). (Giorgio Kraiski. *Le poetiche russe del Novecento: dal simbolismo alla poesia proletaria.*)

(3 En) I observed that the roots of words are only phantoms behind which stand the strings of the alphabet, and so my second approach to language was to find the unity of the world’s languages in general, built from units of the alphabet. A path to a universal *beyon-sense language*. (Paul Schmidt (translated). *Velimir Khlebnikov, Prose, Plays, and Supersagas, Collected works, Vol. I.*)

(4 En) Believers. Recite us some of your self-sounding poems! Tell us the story of *L!* Speak to us in that *beyonsense language* of yours! (Paul Schmidt (translated). *Velimir Khlebnikov, Prose, Plays, and Supersagas, Collected works, Vol. II.*)

★ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ:

En: *zaum language, trans-mental language, transrational language, trans-sense language, metalogical language, nonsense language, beyonsense language*

It: *linguaggio transmentale*

➤ САМОВИТОЕ СЛОВО

◎ СОБСТВЕННО АВАНГАРДНАЯ ИДИОМ; ПОДТИП – ИДИОМА-ТЕРМИН

ЗОНА КОНТЕКСТОВ:

(1) Отделяясь от бытового языка, *самовитое слово* так же отличается от живого, как вращение земли вокруг солнца отличается от бытового вращения солнца вокруг земли. (Хлебников, «Наша основа».)

(2) *Самовитое слово* отрещается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки. (Хлебников, «Наша основа».)

(3) И если *пока* еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших «здравого смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут *впервые* Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (*самовитого*) *Слова*. (Бурлюк, Крученых, Маяковский, Хлебников, «Пощечина общественному вкусу».)

ЗОНА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА:

(1 En) Set apart from everyday language, *the self-sufficient word* differs from the ordinary spoken word just as the turning of the Earth around the sun differs from the common everyday perception that the sun turns around the Earth. (Paul Schmidt (translated). *Velimir Khlebnikov, Prose, Plays, and Supersagas, Collected works, Vol. I.*)

(2 En) *The self-sufficient word* renounces the illusions of the specific everyday environment and replaces selfevident falsehoods with a star-filled predawn. (Paul Schmidt (translated). *Velimir Khlebnikov, Prose, Plays, and Supersagas, Collected works, Vol. I.*)

(3 En) And if *for the time being* the filthy stigmas of Your «Common sense» and «good taste» are still present in our lines, these same lines *for the first time* already glimmer with the Summer Lighting of the New Coming Beauty of *the Self-sufficient (self-centered) Word*. (Anna Lawton and Herbert Eagle (translated). *Russian Futurism through Its Manifestoes, 1912–1928.*)

(3 It) E se nelle nostre righe rimangono *ancora* i turpi rimasugli del vostro «Buonsenso» e «buon gusto», già vi palpitano *per la prima volta* i Lampi dell'Avvento della Nuova Bellezza della *Parola Autosufficiente* (samovitaja). (Giorgio Kraiski. *Le poetiche russe del Novecento.: dal simbolismo alla poesia proletaria.*)

*ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ:

En: *the self-sufficient word*

It: *la Parola Autosufficiente*

► ТАНЦЕВАТЬ ОТ ПЕЧКИ

◎ «ТРАДИЦИОННЫЙ» ФРАЗЕОЛОГИЗМ; ПОДТИП – ИДИОМА

ЗОНА ЗНАЧЕНИЯ:

‘1 (кто) повторять заново с самого начала; 2 (кто, что) ориентироваться на что-либо привычное, принимать что-либо за образец’. (*Большой фразеологический словарь русского языка, 2006.*)

ЗОНА КОНТЕКСТОВ:

(1) «Преемственность преемственностью, но неужели *всякий танец начинается от печки* российского символизма?» (Лившиц, «Освобождение слова».)

(2) Начинайте от пласта Ренессанса, *начнем от печки* до Тургенева, Островского и обратно; нужно <лишь,> чтобы пространственное их расстояние не выходило из поля зрения масс, т.е. чтобы Тургенев, Ренессанс, Рембрандт не выскочили из поля зрения, а то выйдет опять скандал. (Малевич, «Эклектика».)

ЗОНА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА:

(1) En) Continuity is fine, but why must everything *have its very beginning in* Russian Symbolism? (Anna Lawton and Herbert Eagle (translated). *Russian Futurism through Its Manifestoes, 1912–1928.*)

(1) It) Succedere ai propri padre, si sa, è inevitabile; ma è mai possibile che ogni cosa nuova debba sempre *venir fuori dal vecchio calderone* del simbolismo russo? (Giorgio Kraiski. *Le poetiche russe del Novecento.: dal simbolismo alla poesia proletaria.*)

*ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ:

En: *to have one's beginning in something*

It: *venir fuori dal vecchio calderone*

► ПАЛЕЦ О ПАЛЕЦ НЕ УДАРИТЬ

◎ «ТРАДИЦИОННЫЙ» ФРАЗЕОЛОГИЗМ; ПОДТИП – ИДИОМА

ЗОНА ЗНАЧЕНИЯ:

‘1 (кто) абсолютно ничего не делать; 2 (кто [за кого, ради чего]) не прилагать никаких усилий, ничего не предпринимать’. (*Большой фразеологический словарь русского языка, 2006.*)

ЗОНА КОНТЕКСТОВ:

(1) Если же вы плохи, о государства, то кто из нас *ударит палец о палец*, чтобы помешать вашей гибели? (Хлебников, Петников, «Воззвание председателей Земного шара».)

ЗОНА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА:

(1 En) And if you are evil, then who among us *will raise a finger to* prevent your destruction? (Paul Schmidt (translated). *Velimir Khlebnikov, Prose, Plays, and Supersagas, Collected works, Vol. I.*)

(1 It) Ma se siete cattivi, o Stati, chi di noi *muoverà un solo passo* per impedire la vostra rovina? (Giorgio Kraiski. *Le poetiche russe del Novecento.: dal simbolismo alla poesia proletaria.*)

✳ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ:

En: *to raise a finger to do something*

It: *muovere un <solo> passo per fare qualcosa*

Как показали результаты лексикографического анализа, зона контекстов и зона межъязыкового перевода могут (существенно) отличаться по объему содержания у собственно авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов. У собственно авангардных идиом обе зоны характеризуются достаточно высокой степенью репрезентативности, определяемой значительным количеством содержащихся в них русскоязычных и иноязычных контекстов употребления данных единиц. Такая степень лексикографической репрезентативности данных зон не свойственна для «традиционных» фразеологизмов.

Как указывалось ранее, в микроструктуре словарной статьи с заголовочными единицами – авангардными невербальными идиомами зона контекстов и зона межъязыкового перевода имеют свои особенности, обусловленные спецификой их семиотической природы. Зона контекстов содержит некоторое количество репродукций (изображений) художественных (живописных) произведений авангардистов, в которых воспроизводится заголовочная единица. Например, если заголовочной единицей является *черный квадрат* Малевича, то зону контекстов будут представлять главным образом изображения живописных произведений этого художника, в которых содержится анализируемая единица. В частности, в зону контекстов рассматриваемой авангардной невербальной идиомы могут быть включены изображения таких картин Малевича, как: «Живописный реализм мальчика с ранцем: Кра-

сочные массы в четвертом измерении», «Автопортрет в двух измерениях», «Супрематизм: Беспредметная композиция». Кроме того, отличительная особенность зоны контекстов в случае с авангардными невербальными (пластическими) идиомами состоит в целесообразности введения *специальной подзоны*, содержащей контексты описания лексикографируемой невербальной идиомы, данные самим автором (но, возможно, и ведущими специалистами в области авангардного искусства). Эта *специальная подзона контекстов* выполняет, с нашей точки зрения, весьма важную функцию. Раскрывая метарефлексию автора в отношении созданной невербальной идиомы, она призвана передать разнообразие стоящих за данной идиомой (авторских) смыслов и сформировать у читателя представление о ее целостной семантической структуре (или целостной семантике). Более того, размещенные в данной подзоне контексты описания автором лексикографируемой невербальной идиомы отражают, по сути, процесс ее вербальной концептуализации и объективации, или иначе говоря, процесс ее «перевода» из невербальной системы в вербальную (ср. с выражением *черный квадрат*). Таким образом, релевантность рассматриваемой подзоны определяется и раскрытием в ней такого основного категориального признака единиц идиоматики авангарда, как *межсемиотичность* (см. подробнее об этом признаке и других основных категориальных признаках идиоматики авангарда в: [Зыкова, 2018; Зыкова, Соколова, 2019]).

Как и у авангардных вербальных единиц, зона *межъязыкового перевода* у авангардных невербальных идиом связана с зоной контекстов, но специфическим образом. Специфика формирования этой зоны у авангардных невербальных идиом проявляется главным образом в ее направленности на сбор и регистрацию существующих переводов на иностранные языки описаний лексикографируемой невербальной идиомы, данных автором-художником к живописным произведениям, в которых данная идиома представлена (или воспроизводится), с целью пояснения (уточнения) передаваемой ею концепции (идеи, смыслов и т.д.). Например, в зону *межъязыкового перевода* невербальной идиомы *черный квадрат* могут быть включены немецкий и французский переводы цитаты Малевича, выбранной для представления его картины «Черный квадрат» в журнале «Metz». Кроме того, как и у авангардных вербальных единиц, в зону *межъязыкового перевода* у авангардных невербальных идиом включена подзона *иноязычных коррелятов*, в которой содержатся переводы русско-

язычного вербального аналога авангардной невербальной идиомы на другие языки.

Проиллюстрируем все вышесказанное на фрагменте микроструктуры словарной статьи с заголовочной единицей – авангардной невербальной идиомой *черный квадрат*.

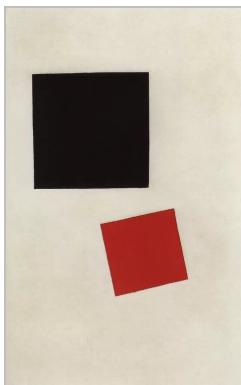
➤

◎ АВАНГАРДНАЯ НЕВЕРБАЛЬНАЯ ИДИОМА

ЗОНА КОНТЕКСТОВ (картины К. Малевича, содержащие *черный квадрат*):

(1) «Живописный реализм мальчика с ранцем: Красочные массы в четвертом измерении» (1915):

(2) «Автопортрет в двух измерениях» (1915):

(3) «Супрематизм: Беспредметная композиция» (1915):

ПОДЗОНА КОНТЕКСТОВ:

(1) Построен^{ие} в супрематизме тре^х **квадрат^{ов}** – красного, **черного** и белого – вовсе не является подтверждением последних предположений, но указывает только на прохождение живописной сущности через центры человеческой динамической культуры. (Малевич, «Беспредметность».)

(2) Построенный график цветного движения, возможно, дал некоторое обоснование решенным проблемам в супрематизме; построенные три **квадрата – черного**, белого и красного <цвета> – как бы стали выяснять свою законность. (Малевич, «Беспредметность».)

(3) Супрематический момент как новое обстоятельство показал мне, что в его призме произошло три момента <различий: один момент> цветного и два момента различий бесцветного,

черного и белого, – по формам трех **квадратов**. Это совершилось стихийно, органически, вне обоснований научных. (Малевич, «Беспредметность».)

(4) Супрематический период меня убедил в этом, когда в его призме, движении цвета, резко обозначились три состояния в **квадрате** красном, **черном** и белом. (Малевич, «Свет и цвет».)

ЗОНА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА:

(Ger) «Alles, was schafft, sei es die Natur, der Künstler, oder überhaupt jeder schaffende Mensch, hat die Aufgabe ein Fahrzeug zur Ueberwldnung unseres unendlichen Weges zu bauen. Nur durch die optische Wahrnehmbarmachung unseres Schaffens bringen wir uns vorwärts und befreien uns vom vergangenen Tag. Unser Bemühen, die Schönheit der Natur festzulegen, ist und wird Immer erfolglos bleiben, denn wir sind selbst Natur und immer bestrebt die optische Erscheinung der Natur umzubauen. Die Natur selbst kennt keine ewige Schönheit, ändert in ständigem Ablauf ihre Formen und baut in dem Geschaffenen Neues und Neues. – Die moderne Welt ist die andere Hälfte der Natur, die aus dem Menschen wächst». («Metz», 1924; Источник оригинала: Малевич К. О новых системах в искусствах. Статика и скорость, 1919.)

(Fr) «Tout ce qui crée, que ce soit la nature, l'artiste ou n'importe quel individu, est tenu de construire, disons, un véhicule pour triompher de l'infini de notre route. Nous n'avancons et nous ne nous éloignons du passé que par la réalisation visible de notre oeuvre. C'est pourquoi, créant toujours du nouveau, la beauté éternelle n'est qu'un mythe. Toute la peine que nous nous donnons et donnerons pour fixer la beauté de la nature reste et restera sans résultat, car étant nous mêmes nature, nous nous efforçons de changer la face du monde. La nature même ne veut pas de beauté éternelle, par changement continual de ses formes elle fait naître incessamment du nouveau dans sa création. – Le monde moderne est l'autre moitié de la nature, celle qui vient de l'homme». («Metz», 1924; Источник оригинала: Малевич К. О новых системах в искусствах. Статика и скорость, 1919.)

★ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО ВЕРБАЛЬНОГО АНАЛОГА ИДИОМЫ:

En: *Black square*

It: *Il quadrato nero*

Ger: *Das Schwarze Quadrat*

Fr: *Carré noir sur fond blanc*

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что результаты, полученные на данном этапе проводимого нами лексикографического исследования, позволяют убедиться в значимом статусе зоны *межъязыкового перевода* для проектируемого авторского сводного словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)». Разработка данной зоны важна в равной мере для заголовочных словарных единиц, представляющих собой два основных вида идиоматики авангарда – невербальную идиоматику и вербальную идиоматику. Как было установлено, несмотря на их разную семиотическую природу, зона *межъязыкового перевода* имеет универсальный принцип построения: она связана с зоной *контекстов* и включает в качестве важного структурообразующего элемента *подзону «иноязычные корреляты»*. При этом различная семиотическая природа невербальных и вербальных идиом, а также их типологическое разнообразие обуславливают наличие специфических особенностей формирования рассматриваемой зоны. Они проявляются главным образом в том, что информация, содержащаяся в данной зоне у авангардных вербальных идиом, представляет собой переводы только тех случаев их употребления, которые представлены в зоне *контекстов*. Зона *межъязыкового перевода* у авангардных невербальных идиом (в силу их особой семиотической природы) не имеет такого прямого соотношения с зоной *контекстов*, содержащей репродукции, изображения произведений искусства. В ней располагаются переводы на иностранные языки высказываний, комментариев, фрагментов, отрывков из работ (сочинений, писем и т.д.) лексикографируемых авторов, передающих определенные сведения о той или иной невербальной идиоме. В заключение отметим, что представленная в первом приближении в рамках настоящей статьи лексикографическая проблема требует дальнейшей разработки.

Список литературы

- АКХХВ – Авантгард в культуре XX века: (1900–1930 гг.): Теория. История. Психика / под ред. Гирина Ю.Н. – М.: Изд-во ИМЛИ, 2010. – 600 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. Телия В.Н. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
- Злыднева Н.В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. – М.: Индрик, 2008. – 304 с.

- Зыкова И.В. Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исслед. языка. – М.; Тамбов, 2018. – № 35. – С. 210–219.
- Зыкова И.В., Соколова О.В. Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: Идиоматика авангарда // Вопр. когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2019. – № 2. – С. 7–20.
- Калаушин Б. Бурлюк, цвет и рифма. – СПб.: Аполлон, 1995. – Кн. 1: Отец русского футуризма. – 800 с.
- Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 2001. – Вып. 1 / гл. ред. чл.-корр. РАН Караулов Ю.Н. – С. IX–LXII.
- Караулов Ю.Н., Ружицкий И.В. От словаря языка писателя к познанию его мира: О некоторых базовых концептах в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопр. когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2015. – № 4. – С. 16–22.
- Коваленко Г.Ф. Александра Экстер: «Цветовые ритмы» // Амазонки «Авангарда». – М., 2001. – С. 198–215.
- Крученых А.Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / вступ. ст., подгот. текста и comment. Гурьяновой Н. – М.: Гилея, 2006. – 458 с.
- Малевич К. Трактаты и лекции первой половины 1920-х годов // Малевич К. Собрание сочинений: в 5 т. – М., 2003. – Т. 4. – 358 с.
- Опарина Е.О. Перевод фразеологизмов // Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник / отв. ред. и сост. Раренко М.Б.; ИНИОН РАН. – М., 2014. – С. 191–195.
- Поляков В.В. Книги русского кубофутуризма. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гилея, 2007. – 551 с.
- СПАЛ – Современные проблемы авторской лексикографии: Сб. науч. ст. / под общ. ред. Шестаковой Л.Л. – М.: Аквилон, 2018. – 320 с.
- Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. – 2-е изд., исправл. – М.: Изд. «Дмитрий Сечин», 2016. – Т. 1 / сост., подгот. текста и примеч. Арензона Е.Р. и Дуганова Р.В. – 544 с.
- Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. – 2-е изд., исправл. – М.: Изд. «Дмитрий Сечин», 2014. – Т. 6 / под общ. ред. Дуганова Р.В. – 448 с.
- Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012. – 580 с.
- Bennett B. Theater as problem: Modern drama and its place in literature. – Ithaca: Cornell univ. press, 1990. – 272 p.
- Collected works of Velimir Khlebnikov. – Cambridge (Mass.); L.: Harvard univ. press, 1987. – Vol. 1: Letters and theoretical writings / Transl. by Schmidt P.; Ed. by Douglas Ch. – 453 p.

- Kraiski G.* Le poetiche russe del Novecento: Dal simbolismo alla poesia proletaria. – Bari: Laterza, 1968. – 438 p.
- Primitivism and the twentieth-century art: A documentary history / Ed. by Flam J. – Berkeley (Cal.): Univ. of California press, 2003. – 491 p.
- Russian Futurism through its manifestoes, 1912–1928 / Ed. Lawton A.; texts transl. a. ed. by Lawton A., Eagle H., with an introd. by Lawton A. a. an afterword by Eagle H. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 1988. – 355 p.

Е.О. Опарина
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Отдела языковедения,
Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН
ellenoparina@gmail.com

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «СВОЕЙ» И «ЧУЖОЙ» КУЛЬТУР
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
ОПЫТ ИЗОБРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНОГО КОНТАКТА:
(НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА А. КАЙДАНОВСКОГО
«ЖЕНА КЕРОСИНЩИКА»)**

Аннотация. В работе анализируются образы, посредством которых в одном из художественных фильмов позднего советского времени (1988) выражается идея взаимодействия культур. Особенность состоит в том, что изображенный в данной картине результат контакта культур носит негативный характер.

Гипотеза автора статьи состоит в том, что в фильме присутствуют два слоя культурных знаков, создающих его образную конструкцию. Первый описывает отрицательный характер взаимодействия, скорее – иррационального смешения двух культур (советской русской и немецкой), встречающихся в месте и времени, которые соотнесены с реальными местом и временем. Противопоставление «свое» – «чужое» участвует в формировании фабульной темы фильма, его знаки выражены на поверхности визуального изображения. Знаки второго слоя управляют развитием глубинного сюжета, придавая фильму стилистику притчи, и эти знаки, в меньшей степени выраженные эксплицитно, относятся к универсальному слою культуры. Цель статьи – показать, что для понимания образов фильма их необходимо декодировать, применяя культурную компетенцию.

Ключевые слова: знаки культуры; архаическая мифология и ее мифологемы; символы; «свое» – «чужое» в культуре; контакты культур; трансферы; культурно-языковая компетенция; культурная компетенция; художественный образ; художественный фильм.

E.O. Oparina

Candidate of sciences (Philology),

Senior researcher, Department of linguistics,

Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION),

Russian Academy of Sciences

ellenoparina@gmail.com

**INTERACTION OF «ONE'S OWN» AND «ALIEN» CULTURES
IN THE IMAGE STRUCTURE OF A FEATURE FILM:
(AN EXAMPLE OF NEGATIVE CONTACT IN A. KAI DANOVSKY'S
FILM «ZHENA KEROSINSHCHIKA»)**

Abstract. The article deals with the analysis of signs encoding the idea of cultures interaction in a feature film of the late Soviet period (1988), i.e. «Zhena kerosinshchika» («Wife of a kerosene conveyer») by A. Kaidanovsky as a film director and a script writer. The film depicts a case of negative interaction of the two – Soviet Russian and German – cultures taking place in specific circumstances, that is in Kaliningrad region (former East Prussia) soon after the Second World war.

The author of the article singles out two layers of cultural information in the film. The first one denotes the symptoms and results of the negative contact, in fact the annihilation of any culture. This layer is based on the opposition «one's own» vs «alien», and it is expressed explicitly. The second layer constructs the «depth» plot of the film and its image structure as a parable. Its signs are more implicit and are to be decoded by means of cultural competence in the field of universal symbols and mythologemes.

Keywords: signs of culture; archaic mythology; symbols; «one's own» vs «alien» in culture; contacts of cultures; transferts; cultural competence; arts images; feature film.

Взаимодействие культур обычно рассматривается исследователями как позитивный факт, несмотря на опасения, связанные главным образом с возможностью потери самобытности той или иной этнической или национальной культурой. Аналогичные опасения высказываются также в связи с возможностью потери самобытности языком в случае большого количества заимствований.

Отношение к межкультурным и межязыковым контактам в этом плане сходно потому, что язык и культура находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии.

Язык функционирует посредством знаков вербальной природы; культура располагает своими знаками – архетипами, символами, мифологемами, стереотипами. Смыслы знаков культуры получают материальное воплощение в телесных знаках различных семиотических систем – как в вербальном языке, так и в невербальных системах, в том числе в сложном языке кино [Телия, 1996; Зыкова, 2015; Лотман, 1973]. В лексических единицах, особенно в идиоматике языка, заложена культурная информация, которая далеко не всегда находится на поверхности значения и требует специальных навыков декодирования. То же самое можно отнести к культурной информации как элементу художественных текстов – вербальных и невербальных. В этом случае декодирование смыслов, в том числе культурной информации, представляет собой еще более сложную задачу – оно связано с пониманием образной системы произведений, их жанровых особенностей, специфики определенных художественных направлений и времени создания произведения.

В лингвокультурологии разработано понятие культурно-языковой компетенции. В словаре, составленном М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым, это явление определяется следующим образом: *«Способность человека к соотнесению знаков естественного языка со знаками культуры в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе владения культурной информацией»*¹. [Словарь лингвокультурологических терминов, 2017, с. 81]. В данной статье мы определяем культурную компетенцию как такой уровень владения культурным знанием, который позволяет узнавать и выявлять в различных семиотических системах культурные установки и культурные знаки, важные для коммуникации, и дает возможность декодировать и интерпретировать через эти знаки тексты культуры.

Цель работы – проанализировать образы, посредством которых идея «взаимодействия» культур выражена в фильме А. Кайдановского «Жена керосинщика»². Слово *взаимодействие* в данном

¹ Текст выделен курсивом в источнике. – *E. O.*

² Сценарий и постановка А. Кайдановского. Оператор А. Родионов. Художники Т. Тэжик, В. Зенков. Композитор А. Гольдштейн. Звукооператор Е. Федоров. «Мосфильм», 1988 г. [Ямпольский, 1989, с. 98; Жена керосинщика, 1988. Электрон. ресурс].

случае поставлено в кавычки, так как в картине изображен враждебный контакт, который привел к негативному результату, по сути – к культурной пустоте¹.

Такой путь взаимодействия культур противоположен тем его видам, которые выражаются понятиями заимствования и трансфера. Эти понятия применяются исследователями к ситуациям верbalного и невербального межкультурного обмена и в целом оцениваются позитивно, как средства обогащения культур.

Языковые заимствования (в первую очередь мы имеем в виду слова и обороты речи, т.е. языковые единицы, имеющие предметное значение) переходят из одного языка в другой / другие в результате контактов между народами – носителями различных языков и культур. При этом, как отмечают лингвисты, процесс заимствования во многом зависит от социально-исторических, политических, экономических условий. Слова и обороты часто берутся из языка-источника вместе с новыми для заимствующего языка предметами или понятиями [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 158–159]. Это подтверждает, что заимствование является не только языковым, но и культурным процессом.

При изучении заимствований исследователями обычно подразумевается иерархия языков и культур: та культура, из которой элемент берется, считается «донором» и потому рассматривается как более развитая; та же, которая заимствует, рассматривается как «реципиент». Она заполняет имеющуюся лакуну, т.е. недостаток какого-либо понятия и слова, связанного с предметом / явлением (часто – новым). Сходного отношения к заимствованиям придерживается традиционный культурный компаративизм, который «сосредоточен на особенностях каждой культуры, а влияния, как правило, моделируются в терминах одностороннего воздействия (вспомним модель Шеннона – Увера)» [Бочавер, Фещенко, 2017, с. 17].

¹ Мы исходим из признания автореферентности художественного текста, означающего, что события и персонажи всецело принадлежат самому тексту. То есть референт художественного текста, даже самого реалистического, находится внутри него. На таком подходе основаны исследования Э. Бенвениста, Р. Барта, М.Ю. Лотмана, Ю. Кристевой [см.: Чернейко, 2017]. Следовательно, исторические события и ситуации, изображенные в художественном тексте, в том числе в кинофильме, получают в нем преломление, соответствующее замыслу и трактовке автора, и не могут рассматриваться как прямое отражение реальных событий. Тем не менее они могут представлять собой осмысление автором произведения исторических событий и ситуаций. – E. O.

Другой подход у исследователей культурных и лингвокультурных процессов с позиции теории трансферов. Термин «трансфер» по-разному понимается в различных антропологических дисциплинах [Лингвистика и семиотика культурных трансферов., 2016], однако его суть состоит в переносе какого-либо явления из одной сферы в другую, в том числе из одной культуры в другую. При изучении культурных трансферов акцент делается на следующих положениях: 1) культурное пространство понимается как континуум, способствующий культурной интеграции, и приоритет отдается пограничным культурным явлениям. При этом обычно в процесс взаимодействия вовлечены более двух участников; 2) взаимодействующие культуры / языки рассматриваются как равные, а не находящиеся в состоянии иерархии; 3) закономерными и ценными признаются трансформации элементов, происходящие в процессе трансферизации. Они рассматриваются как механизм развития культуры несмотря на то, что результаты взаимодействия не всегда являются предсказуемыми [Бочавер, Фещенко, 2017]. Однако, при определенных различиях, в обоих случаях – и заимствования, и трансферизации – результат взаимодействия видится как в целом позитивный, направленный на обогащение культур и языков.

Ситуация, изображенная в фильме «Жена керосинщика», имеет противоположные характеристики в плане способа и результата контакта культур. Ее действие отнесено к первому послевоенному десятилетию и происходит в Калининградской области – в бывшей Восточной Пруссии, которая незадолго до этого вошла в состав Советского Союза¹. Это мотивирует ситуацию между временем, отображенную в фильме, которая дополняется «переходным» статусом пространства. На характере взаимодействия двух встречающихся в данном месте и времени культур – советской (включая цыганский хор) и немецкой, принадлежащих национально-культурным сообществам, которые противоположны идеологически и совсем недавно воевали между собой, эта ситуация отражается негативно. Взаимообогащающего культурного взаимодействия, которого можно было бы ожидать от пограничной территории согласно теории трансферов, здесь не наблюдается. Признаки немецкой культуры присутствуют в городе в виде архи-

¹ По некоторым деталям можно точнее установить время действия – март 1953 г., т.е. время смерти Сталина. Это также добавляет ситуации неопределенность: старый советский порядок скоро начнет меняться, однако новое еще не наступило [Ямпольский, 1989]. – E. O.

тектурных объектов – старинного готического собора, памятников и городских строений, но она уже здесь не является живой. Все это представлено как полуразрушенные остатки прошлого, которое новые хозяева пространства стремятся «вытеснить» или присвоить, переинтерпретировав в духе советской идеологии и культуры [Ямпольский, 1989; Попов, 1989].

В этом времени-пространстве разворачивается сюжет, который на уровне фабулы является детективным. Город, в котором происходит действие, носит вымышленное название *Бонявск*. Но по отдельным фрагментам понятно, что он может ассоциироваться с Калининградом, который еще недавно был Кенигсбергом¹. В Бонявск приезжает следователь, так как в следственные органы поступили сообщения о том, что глава горисполкома завел в городе криминальные порядки. Разумеется, задача следователя – раскрыть преступления и выявить виновных. Однако он никак не может продвинуться в расследовании, а вместо этого попадает в круговорот странных, кажущихся абсурдными событий, настоящая причина которых не сводится к криминальной фабуле.

Глубинным движущим мотивом действия, необъяснимого с точки зрения рациональной логики, являются сплетения символов и мифологем, т.е. знаков культуры, которые более способны раскрыть характеры персонажей и подлинный смысл происходящего².

Наша гипотеза состоит в следующем: тема взаимодействия культур в фильме содержит в себе два слоя. Первый – это знаки двух чужих друг другу культур, встречающихся в *Бонявске*. Этот слой формирует фабульную тему фильма. Знаки второго слоя в действительности управляют развитием действия и создают образную ткань фильма-притчи, рассказывающего «о вечном» – о явлениях, постоянно присутствующих в жизни, во взаимоотношениях людей, в их характерах. Эти знаки по своей природе универсальны и в меньшей степени выражены на поверхности действия, для их понимания необходимы определенные культурные знания.

¹ Топоним *Бонявск*, вероятно, является пародийным: он воспроизводит морфологическую структуру названий, присвоенных многим населенным пунктам Калининградской области после присоединения к СССР: *Светлогорск, Правдинск, Гвардейск, Краснознаменск, Балтийск, Багратионовск, Зеленоградск* и др. – Е. О.

² Отметим, что мы не даем разбора и оценки фильму в плане его художественных достоинств и недостатков. Он вызвал прямо противоположные, в том числе резко отрицательные оценки кинокритиков и зрителей. С ними можно ознакомиться в следующих источниках: [Попов, 1989; Ямпольский, 1989; Жена керосинщика. – КиноПоиск. Электрон. ресурс]. – Е. О.

В первом случае отношения культур строятся, как говорилось выше, на принципах вытеснения и присвоения, которые фиксируются в визуальных образах фильма. Это вытеснение немецкой культуры, традиционной для данной местности, элементами советской культуры, а также попытки по-своему перетолковать привычное содержание старых культурных форм. Это – отношения, построенные на противопоставлении «своего» «чужому», которое видится как враждебное. Такие попытки приводят к странному сочетанию и деформации знаков культуры.

Кинокритики отметили, что мотив деформации (и деградации) культурного знака, помещенного в чужую для него среду, связывает фильм А. Кайдановского с творчеством Х.-Л. Борхеса. Подчеркивается неслучайность этого мотива и этой связи в режиссерском фильме А. Кайдановского. До этой картины, созданной по собственному сценарию, Кайдановский снял фильм «Гость», основой для которого стал рассказ аргентинского писателя Борхеса «Евангелие от Марка». Приведем его сюжет в изложении кинокритика: «“Гость” рассказывал историю человека, приехавшего из европейской по своему характеру цивилизации в полуразрушенную усадьбу, рядом с которой живет семья диких, почти бессловесных слуг. За трапезой гость читает прислуживающим ему дикарям Евангелие, которое воспринимается туземцами не как возвышенная аллегория духовных страстей, но как магическое руководство к действию. Восприняв историю страстей господних почти как инструкцию, пастухи распинают гостя, тем самым воздвиг его в ранг бога, а себя в ранг Иуды, которого, согласно другому рассказу Борхеса, также использованному в фильме, ждет участь святого» [Ямпольский, 1989, с. 98].

В условном кинематографическом Боняуске смоделирована сходная ситуация, возникшая в результате смешения элементов различных культур. Оставшиеся от прошлого старинные усадьбы заселены людьми, которые здесь явно чужие, которые не помнят адекватно собственного прошлого. При этом они стремятся убедить себя и друг друга, что жили здесь всю жизнь, что это всегда был их город. В соответствии с этим некоторые из них и представляют себе фантастический городской ландшафт. Но сейчас город выглядит на редкость неуютно, статуи ангелов покинули старинные немецкие соборы и блуждают по улицам. Наряду с быками, некогда символизировавшими мощь германского государства, здесь поставлены советские скульптуры, характерные для 40–50-х годов XX в. (Рабочий и Колхозница). Однако оба культурных слоя вы-

глядят как результат разрушения. Старые символы, присваиваемые новыми хозяевами, не способны нести живые культурные смыслы, а «новое» выглядит неуместно: «Фантазм прошлого складывается из нестыкующихся фрагментов разных культур и эпох» [Ямпольский, 1989, с. 100]. Отсюда и лейтмотив деградации культуры, и абсурдность происходящего, и «рождение чудовищ» как часть визуального плана фильма.

Криминальный сюжет, разворачивающийся на описанном выше фоне, никак не поддается расследованию при помощи рациональной логики, а фильм не сводится к теме взаимной чуждости двух культур. Второй слой управляет созданием его художественного смысла. В отличие от противопоставлений «свое» – «чужое», «советское» – «немецкое», организующих верхний уровень сюжета, этот слой, как упоминалось выше, состоит из архетипов, мифологем, традиционных символов и тяготеет к универсальным смыслам в культуре.

В образной конструкции фильма выделяются следующие мифологические мотивы: Братья-близнецы; Каин и Авель; Оборотничество; Обмен – кровью, деньгами, любовью; Огонь; Вода (эти мотивы отмечены кинокритиками и некоторыми зрителями, например в: [Ямпольский, 1989; Жена керосинщика. – КиноПоиск. Электрон. ресурс]). Далее мы более подробно рассмотрим значение этих мотивов в мифологии и их роль в построении образного строя кинофильма.

Близнецы: по данным мифологического словаря [Мифологический словарь, 1991, с. 660], близнечный мотив – один из наиболее архаичных в мифологии. Он присутствует в мифах народов самых разных регионов – у скандинавов, микронезийцев, американских индейцев, народов Африки и т.д.; при этом в большинстве традиций рождение близнецов приписывается сверхъестественной силе. Близнечные мотивы свойственны мифам о перво человеке (*Имир* у скандинавов), в том числе о человеке-андрогине (*Номмо* у африканского народа догонов). В близнечных мифах воплощено дуалистическое мировоззрение. Они ассоциируются с основополагающими противоположными началами: с добром и злом, правдой и ложью, днем и ночью, жизнью и смертью. Распространен также мотив вспыхнувшей вражды братьев-близнецов и убийства одного из них другим. Известные *Ромул* и *Рем* из древнеримской мифологии – не единственный пример. Аналогичный сюжет присутствует и в иранской традиции, и у американских индейцев-гуронов [Мифологический словарь, 1991, с. 660].

В фильме «Жена керосинщика» братья-близнецы являются главными персонажами, вокруг которых развиваются события. У этих противоположных по характерам персонажей есть предыстория, воплощающая вечный мотив столкновения и одновременно сплетения добра и зла. Оба они когда-то были врачами, но во время операции при переливании крови один из них подменил кровь нужной группы и тем вызвал смерть пациента-ребенка. Другой брат взял на себя всю вину и отправился в тюрьму. Брат-злодей стал главой города¹ и начал разорять горожан поборами; брат-жертва, в котором просматриваются черты праведника, вернувшись из тюрьмы, развозит по городу керосин и отдает заработанное церковной общине. В этих персонажах прочитывается ассоциация с библейскими образами братьев *Кайна и Авеля*.

Огонь: в архаической мифологии это одна из фундаментальных стихий мироздания, выступающая как первичный материал для космогенеза, например в скандинавском мифе о происхождении мира от взаимодействия огня с водой и холодом. В то же время огонь – часть эсхатологических мифов, в которых ему приписывается уничтожение мира. Небесный огонь связан и с образом бога-громовержца, борющегося со змеем, т.е. в нем заключен мотив противоборства добра и зла. Есть также мотивы жертвенного огня и домашнего очага: бог огня *Агни* в ведийской и индуистской мифологии – одновременно и бог жертвенного костра, и бог домашнего очага. Таким образом, огонь в мифологии полифункционален: это стихия одновременно и созидающая, защищающая добро, помогающая людям, и в то же время разрушительная [Мифологический словарь, 1991, с. 15, 667]. Огонь в европейских мифологиях – это также очищающая стихия. С ним связываются понятия истинности, праведности, святости и поклонения божеству, что подтверждается диахроническим анализом семантики слов, относящихся к этому явлению [Маковский, 1996, с. 240–243]. Люди получают огонь от культурного героя, как это происходит в древнегреческом мифе о *Прометее*, похитившем огонь у богов на Олимпе ради людей. Отметим, что в разных версиях мифа этот поступок Прометея получает разные оценки – как позитивную, так и негативную [Мифологический словарь, 1991, с. 667].

¹ Кинокритики отмечают, что мотив мафиозности крупного представителя власти заставляет ассоциировать сюжет не с 1953 г., но, скорее, с более поздними временами и тем усиливает символическую, панвременную канву фильма. – *E. O.*

В фильме А. Кайдановского, сознательно или неосознанно, мифологические мотивы, связанные с темой огня, присутствуют и разворачиваются в глубинные смыслы образов. Само название «Жена керосинщика» отсылает к мифологеме огня. Функция брата-Авеля – развозить по городу керосин, т.е. источник стихии, которая поддерживает жизнь, но одновременно грозит гибелью. Отметим при этом, что керосин – это как бы «сниженная» мифологема, бытовая разновидность огня, а керосинщик может рассматриваться как пониженный в статусе вариант мифологического бога огня или Прометея¹. Мотив очищения посредством огня также занимает ключевую позицию среди символических знаков картины и получает драматическое и вполне реалистическое воплощение: брат-Авель после трагической операции, закончившейся смертью пациента, едва не сжигает свои руки в больничной топке. Возможно, это следует толковать как жертвоприношение. Есть и другая сторона мотива: брат-Каин подговаривает своего подручного, городского вора, поджечь жилище следователя.

Вода: ее семантика и функции в космогонической мифологии также двойственны. Согласно мифологиям многих народов, вода является исходным состоянием всего сущего, оплодотворяющей стихией, дающей способность к рождению и возрождению. Но одновременно она воплощает первобытный хаос, противостоящий мировому порядку. Вода грозит миру конечной гибелью (миф о потопе). В мифе о борьбе бога-громовержца со змеем вода противостоит огню и воплощает зло: если змейбоец-громовержец выступает как носитель или персонификация небесного огня, змей воплощает хтоническую стихию воды [Маковский, 1996, с. 151].

Сплетения и противопоставления этих мифологических мотивов также присутствуют в фильме А. Кайдановского. Если брат-Авель связан, как говорилось выше, с мотивом очищающего огня, то его брат-Каин – и с огнем, грозящим гибелью, и с водой. После разоблачения он бросается в реку и тонет. Не является ли это одновременно знаком того, что он в будущем еще «возродится»? Ведь в хтонических мифах вода – и гибельная, и возрождающая стихия.

¹ Вторичность и даже пародийность образов фильма по отношению к распространенным мифам и к ряду советских кинофильмов была замечена кинокритиками [Ямпольский, 1989; Попов, 1989; Жена керосинщика. – КиноПоиск. Электрон. ресурс]. – Е. О.

Оборотень: образ волка-оборотня также существует в мифологиях самых разных регионов, например в древнеиндийской, древнегреческой. Этот персонаж известен также в германской и славянской мифологиях. Германский оборотень – вервольф (человек-волк), который ночью облачается в волчью шкуру и нападает на людей и скот. В славянской мифологии его аналог – волколак (волкодлак) [Славянская мифология: Энциклопед. словарь, 2002]. Также у славян «способностью превращаться в волка наделялись эпические герои, ... что свидетельствует о существовании общеславянского мифологического героя-волка» [Мифологический словарь, 1991, с. 127]. В архаичных индоевропейских традициях, например в хеттской, способность превращаться в волка приписывалась же-ниху, и с этим связывается древний обряд насильственного увода (умыкания) невесты. В славянских мифологиях считалось также, что волк после смерти становится упырем. Так волк-оборотень связывается с мотивом крови, вампирозма [там же].

В образе преступного хозяина города эти мотивы явно прослеживаются. Об этом свидетельствует, в частности, элемент его внешнего вида, относящийся к костюмному коду культуры [Ковшова, 2015]: он носит волчью шубу. «Умыкание невесты» выражается в том, что он уводит у своего брата жену, когда тот вместо него отсиживает срок в тюрьме. Вообще сила, в том числе мужская, на его стороне, в противовес брату-Авелю: именно перед зданием горисполкома, в котором хозяйствует брат-Каин, стоят статуи быков – мифологического воплощения силы. В данном случае, учитывая время действия, эти объекты уже неуместны как символы германского государства. Однако проявление символики быка как воплощения силы находим и в целом ряде древнегреческих мифов, которые являются источником практически для всех европейских культур: о свирепом быке, укroщенном Гераклом; о человекобыке Минотавре, побежденном Тесеем; о подвиге Ясона, который должен был запрячь в Колхиде в плуг огромных огнедышащих быков, чтобы получить золотое руно.

Кровь: в мифологических и народных представлениях – это средоточие жизненной силы, символ рода и родственных связей, вместилище души человека. Такая символика выражается в языке в устойчивых словосочетаниях, воплощающих значимость крови: *кровное родство, кровные братья, кровная месть, кровавая жертва* [Славянская мифология: Энциклопед. словарь, 2002, с. 263].

Тема крови лежит в основе сюжета фильма. Прежде всего, это мотив подмены группы крови при операции больного, при-

ведшей к его смерти. Этот мотив можно трактовать не просто как лишение жизни, но как аналог вампиризма, особенно учитывая, что это поступок персонажа-оборотня. Кровь в фильме тесно связывает братьев-близнецов: один берет на себя вину другого, их природное родство как бы подтверждается лишний раз мотивом крови: они становятся *кровными братьями* вдвойне. Намек на роль темы крови получает следователь, который не может найти ориентиры в необъяснимой ситуации. Ему никак не удается разоблачить вора, хотя он постоянно встречается с ним на улицах. Однако в его жилье обнаруживается щука, которая кусает его за палец, вызывая кровотечение. Так следователь оказывается втянутым в хитросплетение символов и получает закодированное указание на то, что искать надо не реального узловника, а связь символических знаков [Ямпольский, 1989].

Обмен: в мифологической картине мира обмен обеспечивает движение жизни и нормальные взаимоотношения, в том числе с потусторонним миром. Знаки обмена в культуре разные – материальные ценности, деньги, жертвы, кровь. Например, обряд побратимства у южных славян, при заключении которого было принято слизывать кровь друг друга [Славянская мифология: Энциклопед. словарь, 2002].

В фильме А. Кайдановского тема обмена также присутствует в разных вариантах. Главные ее линии связаны с упомянутым выше мотивом крови и с деньгами. Одной из ведущих сюжетных линий является тема взяточничества начальника города, т.е. тема движения денег. При этом мотив обмена гротескно подчеркивается: один из братьев, работающий керосинщиком и получающий весьма скромный доход, отдает заработанное церковной общине; его брат-взяточник, он же начальник города, обирает горожан, в том числе общину, осуществляя подобным образом «движение» экономических ценностей. В фильме есть также подручный городского начальника – ловкий, с элементами фокусничества вор, который носит имя *Гермес*. *Гермес* в древнегреческой мифологии – посредник между богами и людьми и одновременно хитроумный покровитель воровства, разновидности обмена [Мифологический словарь, 1991, с. 151].

Проанализированные выше мифологические мотивы и символы соотносятся с кодами культуры – теми сферами действительности, элементы которых переосмысливаются в культуре, получая в ней дополнительные, «вторичные» смыслы. Эти смыслырабатываются человеком в ходе исторического и социального раз-

вития и связываются с ценностными категориями. В.Н. Телия, объясняя смысл термина «коды культуры» по отношению к языковым сущностям, в содержании и формах которых воплощается культурная информация, определила его как «те истоки оккультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры... <>, представляя собой подоснову культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия, 2005, с. 38; цит. по: Ковшова, Гудков, 2017, с. 42]. Однако культурные коды выражаются не только в языке, но и в других знаковых системах. Исследователи отмечают, что коды культуры, будучи переосмыслением областей мироздания и бытия человека, универсальны и свойственны человеку как *Homo sapiens*. Они соотносятся с древнейшими представлениями о мире и о человеке в нем [Красных, 2011]. Закономерно, что различные коды культуры присутствуют и в знаках кино.

Исследователи называют среди множества культурных кодов следующие: антропный (относящийся к человеку и его свойствам), телесный / соматический, артефактный, ментефактный, акциональный (связанный с действиями, которым приписывается ритуальная или иная социально-культурная значимость), космологический, звериный, строительный и др. [Зыкова, 2011]. В фильме «Жена керосинщика» названные коды присутствуют и взаимодействуют. Например, антропный и акциональный коды соотносятся с мотивом братьев-близнецов и их действиями (как, например, мотив сожжения рук, который может трактоваться как жертвоприношение; мотив обмена-воровства; мотив отношений между мужчинами и женщинами, также присутствующий в картине); телесный – с мотивом крови; звериный и ментефактный – с темами волка-оборотня и вампиризма; космологический – с мотивами огня и воды, и т.д. Конечно, универсальной и одной из наиболее древних культурных установок является сам принцип разграничения мира на «свое» и противоположное ему «чужое».

Выводы

Изучение присутствующих в данном фильме мифологем, символов и сюжетных мотивов, их реализующих, можно было бы развернуть, как в плане количественном, так и в плане их взаимосвязей. Однако в пределах данной статьи мы ограничиваемся главными мотивами и их ролью в построении образной конструк-

ции картины. Анализ, как нам представляется, позволяет утверждать: в фильме использованы разные слои культурных знаков, выполняющие различные функции в создании его образности. Есть знаки, принадлежащие конфликтующим культурам: с одной стороны, это остатки немецкой культуры, с другой – элементы советской, стремящейся заместить ее или присвоить некоторые элементы ее симболария. Результат такого конфликтного взаимодействия предстает в картине как негативный, приводящий, по сути, к культурной пустоте. Эту смысловую часть можно назвать верхним пластом образного строя фильма, конструируемым на основе оппозиции «свое» – «чужое». В фильме присутствует и глубинный пласт, который создается через знаки, принадлежащие к универсальному культурному коду. Это сюжеты и персонажи архаической мифологии (мифологемы), традиционные символы, являющиеся в значительной степени общими для разных регионов и этнических культур, в том числе для немецкой и славянской. Именно они участвуют в создании притчевого характера фильма. Они частично проявляются в действии, в характеристиках персонажей, в визуальных образах. Однако в целом эти знаки более имплицитны, и для понимания их источников и их смысла необходимо владеть инструментом декодирования, основанным на культурной компетенции.

Закончим статью словами профессионального кинокритика: «В каком-то смысле детектив Кайдановского восстанавливает не столько логику преступлений, сколько, используя выражение Клода Леви-Страсса, «логику мифа». Впрочем, в мире рассыпавшихся связей и умершей памяти восстановление смыслов и есть работа детектива» [Ямпольский, 1989, с. 101]. Думается, это предмет исследования не только для детектива – персонажа фильма, но и для зрителя¹.

¹ Кинокритики отмечают намеренную нагруженность фильма А. Кайдановского символическими мотивами. Для описания образной конструкции картины они применяют окквидиональные и текстовые метафоры, которые характеризуют ее как усложненную и содержащую загадки: «темный лабиринт неясных причин и следствий»; «карусель совпадений»; «канитель рока»; «миф, зеркально множащий одни и те же мотивы и системы связей»; «мозаика мотивов почти архетипического свойства» [Ямпольский, 1989, с. 100–102]; «бесконечная анфилада смысловых уровней, культурных реминисценций» [Попов, 1989, с. 103]. Очевидно, что такое применение символики входило в художественную задачу режиссера независимо от того, считать ли его метод пародийным или нет. – Е. О.

Список литературы

- Бочавер С.Ю., Фещенко В.В.* Концептуализация трансфера и перевода в современной лингвистике // Слово. ру: Балтийский акцент. – Калининград, 2017. – Т. 8, № 3. – С. 7–29.
- Жена керосинщика* (1988). [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ivi.ru/watch/53003>
- Жена керосинщика*. – КиноПоиск. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kinopoisk.ru/film/45293/> (Дата обращения: 17.02.2019; 31.03.2019.)
- Зыкова И.В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материальное, знаковое. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
- Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
- Ковшова М.Л.* Семантика головного убора в культуре и языке: Костюмный код культуры. – М.: Гнозис, 2015. – 365 с.
- Красных В.В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Рус. яз. за рубежом. – М., 2011. – № 4. – С. 60–66.
- Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии*: Кол. монография. – М.: Культурная революция, 2016. – 500 с.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в европейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллинн: Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.
- Мифологический словарь* / гл. ред. Мелетинский Е.М. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.
- Попов Д.* Анатомический театр Кайдановского // Искусство кино. – М., 1989. – № 10. – С. 103–107.
- Славянская мифология: Энциклопедический словарь*. – Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
- Словарь лингвокультурологических терминов* / авт.-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.
- Телия В.Н.* О феномене воспроизведимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. ст. / отв. ред. Красных В.В., Изотов А.И. – М., 2005. – Вып. 3. – С. 4–42.
- Чернейко Л.О.* Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. – М.: Гнозис, 2017. – 208 с.
- Ямпольский М.* Гости // Искусство кино. – М., 1989. – № 10. – С. 98–102.

5. ОБЗОР. РЕФЕРАТ

Е.О. Опарина

ЛИЧНОСТЬ – КУЛЬТУРА – ДИСКУРС **Обзор**

Ключевые слова: культурно-языковая идентичность; оппозиция «свой» – «чужой» в культуре; антропонимы; авторские неологизмы в английском языке; устный нарратив в диалекте; язык политики; аргументативный дискурс британского консерватизма; У. Черчилль и М. Тэтчер как языковые личности.

E.O. Oparina
PERSONALITY – CULTURE – DISCOURSE
A review

Keywords: cultural and language identity; opposition «one's own» vs «alien» in culture; anthroponyms; author's neologisms in the English language; oral narrations in a dialect; the language of policy; argumentation in the discourse of British conservatism; W. Churchill and M. Thatcher as language personalities.

В работе К.Д. Токаревой [Токарева, 2018] исследуются аспекты категорий самости и чужести, значительных для исследования культуры и для лингвокультурологического анализа. Предлагаются направления их изучения, актуальные для современной действительности.

Дихотомия «свой» – «чужой» и ее проявления в психологии, философии, культурологии, лингвистике анализировались такими учеными, как К. Юнг, М. Бубер, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, Ю.М. Лотман и др. Данные категории представляют собой важнейший механизм в формировании знаний индивида о мире. При этом

они являются аксиологически заостренными, но формирующие их смыслы могут быть представлены в языке как эксплицитно, так и имплицитно. Они присутствуют в языковой семантике, и лексико-графические источники позволяют выделить ключевые аспекты значений, входящих в данную дихотомию. В статье анализируются смысловые компоненты 'принадлежность', 'вид', 'образ действий' (например: *чужой, своеобразный, непонятный*). Оперирование категориями самости и чужести предполагает культурно-языковую компетенцию языковой личности. Вместе с тем исследователи отмечают, что негативное содержание категории чужести предполагает когнитивный редукционизм, часто связанный с недостатком информации и личного коммуникативного опыта говорящего.

В современной социокультурной среде соотношение этих категорий меняется вследствие технологического прогресса и интенсивных межкультурных контактов: возможность коммуникации через удаленные расстояния и глобализационные процессы нарушили бинарность и строгую оппозиционность категорий «свой» – «чужой», соответственно, требуются новые методики их анализа. Автор статьи подчеркивает, что в этом плане важную роль может сыграть то, что базовая оппозиция «свой» – «чужой» служит основой для формирования социально-культурных групп более сложной структуры, таких как Я – Мы, Я – Ты, Мы – Они, Я – Они, Я – Я [Токарева, 2018, с. 111]. При акцентировании этих диад на первый план выходит категория диалога между несколькими субпространствами – личным (личными), ближним социальным и дальним социальным. Языковая личность предстает как открытая, незавершенная, формирующаяся в контакте с «другим», как понимал диалогичность М.М. Бахтин.

Ю.В. Сергеева [Сергеева, 2018] анализирует социокультурную pragматику антропонимов в современном обществе. По мнению автора статьи, правомерно говорить об антропонимической идентичности языковой личности, которая определяется тем, как индивид осознает свое имя, соотносит себя с ним и как его имя воспринимается представителями данной и других лингвокультур [Сергеева, 2018, с. 101]. Антропонимическая идентичность характеризуется как динамическая категория, так как она подвержена изменениям во времени и на протяжении жизни отдельного человека. Кроме того, в современном мире идентичность зависит от тесных международных контактов, от миграции, распространения межнациональных браков, от разных вероисповеданий в истории семьи, а также от одновременного вхождения человека в различ-

ные социокультурные группы. Исходя из этих условий в современных англоязычных антропологических исследованиях принят термин *multiple identity* «множественная идентичность».

Антропонимическая идентичность также находится под влиянием фундаментальной для культуры оппозиции «свой» – «чужой», которая в данном случае дополняется элементами «я» – «другой». Носитель имени, руководствуясь соображениями, связанными с этими когнитивными элементами, может в течение жизни переосмысливать отношение к имени, трансформировать или полностью менять его. Материал современных англоязычных имен свидетельствует о том, что тенденция к сохранению традиционно «своих» антропонимов в поликультурном обществе не является единственной. Так, современные англоязычные сайты и пособия по выбору имени для ребенка предлагают значительное количество инокультурных имен. При этом большое значение имеют этимология и позитивная семантика имени: япон. *Toshi* букв. год изобилия; лат. *Nova* букв. новая; слав. *Nikolai* букв. победитель [Сергеева, 2018, с. 103]. Топоним нередко видоизменяется в принимающей культуре. Например, при достаточно распространенном заимствовании антропонимов из славянского, в том числе русского именного фонда в англоязычном обществе происходят такие явления, как усечение полной формы (*Ekat* из *Ekaterina*), гендерная транспозиция (*Misha* используется как женское имя), смешение имен при использовании краткой и полной форм (*Sasha* воспринимается как гипокористический вариант имени *Natasha*). В русском антропонимиконе последнего времени также встречаются имена героев зарубежных сериалов и знаменитостей (*Изаура, Диана, Гус*, последнее – в честь футбольного тренера Гуса Хиддинга).

Анкетирование, материалы интернет-сайтов и СМИ показывают, что инокультурное имя воспринимается его носителем положительно, если оно соответствует его индивидуальности, жизненной позиции и соотносит носителя такого имени с воспринимаемым позитивно «другим». В статье приводятся слова американки по имени *Natasha* о том, что ее первоначально негативное отношение к своему нетипичному имени изменилось, когда она, повзрослев, узнала, что названа в честь русской женщины, сыгравшей важную роль в судьбе ее отца [там же, с. 106]. Подобная референция имен, скрытая или явная, во многом обуславливает заимствование антропонимов и является частью их культурной маркированности.

С.С. Зайганов и П.Д. Митчелл [Загайнов, Митчелл, 2018] исследуют влияние англоязычных писателей на обогащение лексики и фразеологии лексического состава английского языка. Это влияние проявляется в разных языковых подсистемах. Отмечается, что наибольший вклад внесли американские писатели, а самым значительным способом обогащения словарного состава английского языка стали терминологические неологизмы, связанные с наукой и техникой, с изменениями в обществе.

Преобладающее число неологизмов принадлежит представителям жанра научной фантастики. Среди них научно-технические термины: *cyberspace* «киберпространство» (введен У. Гибсоном), *genetic engineering* «генная инженерия» (впервые употреблен Д. Уильямсоном), *robot* «робот» (создан К. Чапеком в 1920 г., в английский язык попал благодаря переводу пьесы Чапека, сделанному П. Сельвером), *robotics* «робототехника» (введен А. Азимовым), *virus* в значении «компьютерный вирус» (впервые употреблен Д. Герролдом в 1972 г.). Среди социально-политических неологизмов, получивших в английском языке распространение в качестве терминов: *psychohistory* «психоистория» – наука о поведении больших групп людей (введен А. Азимовым), *flash crowd* – употребляется для обозначения короткой массовой акции, организованной через современные средства связи (употреблен Л. Нивеном), и др. неологизмы, созданные различными способами словообразования [там же, с. 37]. Другие жанры литературы также внесли свой вклад в пополнение фонда терминов английского языка, хотя они не столь продуктивны: *genocide* «геноцид» (введен в употребление польским юристом Р. Лемкином), *quark* «кварк» (это слово впервые употреблено Дж. Джойсом в «Поминках по Финнегану» и заимствовано американским физиком Гелл-Манном для обозначения фундаментальной частицы в модели Вселенной) [там же, с. 38].

Ряд авторских неологизмов, не получив широкого распространения в общеупотребительном языке, стали частью дискурса СМИ и политики. Среди них – неологизмы, введенные Дж. Оруэллом: *thoughtcrime* – о преступлении в мыслях, *inperson* – о политическом деятеле, потерявшем свое положение, *Big Brother* – о правящем диктаторском режиме и его органах [там же, с. 38–39].

По мнению авторов статьи, влияние писателей на английский язык в дальнейшем не утратит своего значения, к нему добавится растущий фактор языкового творчества в Интернете.

К.В. Кайзер и О.В. Фельде [Кайзер, Фельде, 2018] анализируют устные рассказы жителей Северного Приангарья о людях,

которым приписываются сверхъестественные способности. Материалом служат аудио- и видеозаписи, собранные в отдаленных деревнях региона в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций, и предшествующие работы, в которых затрагивается данная тема¹. Словосочетание *знаткие люди* и субстантиват *знаткие* являются родовым обозначением колдунов, ведьм, знахарей в русских сибирских и уральских говорах.

В исследуемом жанре ярко представлены свойственные устному нарративу черты – спонтанность речи, сочетание информативной и аксиологической тактик, высокая степень субъективации. Рассказчик описывает события такими, какими они ему представляются. При этом для убедительности повествования он прибегает к ссылкам на личный опыт и опыт близких людей, к экспрессии и прямой апелляции к слушателю: *«И вы не поверите! Дня через три или четыре моя девчонка заговорила»* [Кайзер, Фельде, 2018, с. 43]. Действия знатких людей обычно оцениваются с позиций «добро» – «зло», однако добрые и злые качества в этом типе нарратива могут приписываться одному и тому же человеку: *«Она лечила, она, не знаю, может быть, она и... Она и худое знала, но она, в основном, лечила детей»* [там же, с. 44].

В устных нарративах о знатких людях выражены древние, языческие формы мировосприятия жителей Приангарья – о сакральном пространстве, о духах, часто повторяется мотив оборотничества: *«Летит журавель, журавель, и орет, и орет!.. А это первая его жена и была... С кладбища его жена. Волохитка была, знала»* [там же, с. 45].

Авторы статьи подчеркивают, что нарративы о знатких людях представляют собой часть региональной крестьянской лингвокультуры, они заслуживают изучения с позиций диалектного дискурса.

В коллективной монографии [Язык и личность в зеркале консерватизма, 2018] на примере речи двух выдающихся представителей британского консерватизма – У. Черчилля и М. Тэтчер исследуются особенности презентации личности в языке политики. В центре внимания – взаимосвязь лингвистической прагматики с идеологической теорией и практикой.

¹ Афанасьева-Медведева Г.В. Колдун, знахарь в русских мифологических рассказах, представлениях Восточной Сибири: Структура и содержание образов, ареалы и семантика именований: дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 1997. – 311 с. – Е. О.

Современный британский консерватизм (неоконсерватизм), продолжающий линию противостояния идеи революционного способа общественного развития, поддерживает ценности сохранения традиций и социального устройства, собственности, семьи и индивидуальных достижений, морального долга. Возникновение и развитие самого консерватизма «безусловно, сопровождалось рождением соответствующего консервативного дискурса, который служит проводником соответствующих идей, мифов, символов и образов» [Язык и личность..., с. 4–5].

Авторы монографии подчеркивают, что современная антропологическая лингвистика предполагает рассмотрение языка, в том числе идеологически направленного языка политики, через понятие языковой личности. Для анализа языковой личности в работе применяются персонологический и лингвоаргументативный подходы. Предметом персонологического подхода является индивидуальная и целостная языковая личность в ее развитии. Личность политика предполагает набор особых характеристик¹, среди которых авторы выделяют коммуникабельность, харизму и способность к аргументированию. Аргументация понимается авторами как коммуникативная деятельность, целью которой является убеждение адресата через обоснование правильности своей позиции. Успешность аргументации определяется «степенью воздействия на адресата, достижением согласия между коммуникантами» [там же, с. 71].

Язык в политике является основой создания идеологических концепций и главным средством влияния на общественное сознание – на первый план в данной сфере выходит перлокутивный эффект. Однако в отличие от других коммуникативных стратегий, направленных на воздействие, убеждение основано на разуме и апеллирует в первую очередь к разуму, так как его главным методом «считается отбор и логическое упорядочение фактов и выводов, а не манипуляция» [там же, с. 74]. Его итогом должно стать добровольное изменение во взглядах, а не изменение в результате давления.

Авторы монографии вводят понятие аргументативного дискурса, содержанием которого является когнитивный или аксио-

¹ Авторы монографии определяют харизму как действие субъективных факторов языковой личности, привлекающих аудиторию, таких как обаяние и притягательность, целеустремленность, склонность к лидерству, решительность и экспрессия, а также внешние данные. – E. O.

логический конфликт. В данном типе дискурса активно задействованы не только знания, логическая культура и здравый смысл языковой личности, но также система ценностей и коммуникативные навыки, включая собственную убежденность и понимание психологических особенностей реципиента.

Консервативный дискурс, как одна из экспликаций дискурса политического, отличается не только особыми лингвистическими ресурсами и способами организации речевых произведений – устных и письменных, – он вербализует определенный тип концептуализации мира [Язык и личность в зеркале консерватизма, с. 108]¹. Необходимо учитывать и то, что политический дискурс располагает целым спектром жанров.

В работе на примере речевых произведений У. Черчилля и М. Тэтчер анализируются семантические, синтаксические и композиционные характеристики следующих жанров: газетной статьи; публичной (в том числе парламентской) речи; выступления в СМИ; интервью и пресс-конференции; политического документа; автобиографического описания; исторического исследования. Большинство из этих жанров исследователи языка политики, например Е.И. Шейгал, относят к ведущим в политическом дискурсе².

Авторами особо отмечается такой феномен, как признаваемая многими исследователями «борьба за политическую лексику»: в язык политики вводятся новые слова и обороты, происходит переосмысление и актуализация старых понятий, сторонники разных политических направлений стремятся укоренить собственную интерпретацию многозначных понятий. В наибольшей степени это касается абстрактных явлений (Дж. Коппершмидт, Е.В. Горбачева) [там же, с. 112].

Консервативный дискурс с повышенным вниманием относится к лексемам и оборотам, обозначающим «вечные ценности», так как его носителями и адресатами являются индивиды и социальные группы, заинтересованные в сохранении традиционных порядков и в постепенных видоизменениях привычных порядков. Британские консерваторы и неоконсерваторы активно используют этот языковой фонд, толкая смысл понятий в соответствии со

¹ Авторы монографии ссылаются на высказывание Дж. Лакоффа о том, что американские либералы и консерваторы основываются на разных моральных ценностях, и это отражается в дискурсах данных политических направлений [Язык и личность в зеркале консерватизма, с. 111]. – Е. О.

² Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – 326 с.

своей картиной мира. Это показывают известная «фултонская» речь У. Черчилля, произнесенная в США в марте 1946 г., и первая речь М. Тэтчер на посту премьер-министра. У. Черчилль: «*It is a solemn moment for the American Democracy. For with primacy in power is also joined an awe-inspiring accountability to the future*» «Это торжественный момент для американской демократии. Потому что с первенством в силе соединена невероятная, внушающая благоговение ответственность за будущее» [Язык и личность.., с. 86]¹; М. Тэтчер: «*Can't we have a government that will give us back our pride, our self respect, our faith in ourselves?*» «Неужели мы не можем иметь правительство, которое вернет нам гордость, самоуважение, веру в себя?» [там же, с. 114].

Язык британского консерватизма характеризуется активным применением метафор, которые выражают идеологию этого политического направления и апеллируют к национальному самосознанию, как, например, метафора, актуализирующая один из важнейших для британского менталитета символов: «*We in Britain... have pioneered and developed representative institutions to stand as bastions of freedom*» «Мы в Британии первыми создали и развили представительные институты, которые стали оплотом (бастионом) свободы» [там же, с. 117]. В той же «фултонской» речи Черчилль через метафору характеризует международное положение США в послевоенном мире: «*...the United States stands at this time at the pinnacle of world power*» «Соединенные Штаты стоят сейчас на вершине мировой мощи» [там же, с. 86].

Активно задействованы не только символические и образные слова, но также синтаксические средства, такие как повтор, антитеза, параллельные конструкции, инвертированные предложения. Данные риторические приемы выделяют и усиливают важнейшие элементы информации и одновременно придают текстам эмотивность, способствуя убеждению аудитории в правильности идеологии и хода мыслей политика. Так, прием антитезы, способствующий «вживлению» определенных ментальных моделей, представлен в отрывке из той же знаменитой речи У. Черчилля: «*...had the positions been reversed and some Communist or neo-Fascist State monopolized for the time being these dread agencies...*» «...если бы ситуация была противоположной и какое-либо коммунистическое или неофашистское государство монопольно обладало бы сейчас

¹ Здесь и далее фрагменты из речевых произведений У. Черчилля и М. Тэтчер цитируются по монографии, перевод дается в нашей редакции. – Е. О.

этим несущим смерть оружием...» [Язык и личность в зеркале консерватизма, 2018, с. 85].

Отмечается роль текстовых фрагментов со смешанными коммуникативными типами предложений, например с вопросительно-повествовательными высказываниями. Они не столько нацелены на получение ответа, сколько выражают удивление, упрек, выделяют позицию говорящего: «*Do they not talk about “We”?*» «Они не говорят «Мы»?» (данное высказывание М. Тэтчер выражает ее убежденность в том, что управление страной – дело не одного человека, а всего кабинета министров) [там же, с. 125]. В других конструкциях со смешанными коммуникативными установками (повествовательно-вопросительными, вопросительно-побудительными) предположение может сочетаться с предложением собеседнику подтвердить или опровергнуть точку зрения, вопрос – с просьбой или требованием какого-либо действия: «*A great nation we shall be, and shall remain. So, what can stop us from achieving this?*» «Мы станем великой нацией, и мы ею будем всегда. Что может нам помешать этого достичь?» (из речи М. Тэтчер на конференции Консервативной партии в октябре 1980 г.) [там же, с. 125].

Из грамматических форм отмечается особая роль сослагательного наклонения, которое характеризуется значительным эмоциональным потенциалом: «*We'd have been drummed out of office if we'd had this level of unemployment*» «Нас бы с позором выгнали из кабинетов, если бы мы тогда допустили такой уровень безработицы» (ремарка М. Тэтчер во время слушаний в 1987 г.) [там же, с. 126]. Консервативными лидерами активно используется прагматический потенциал обращений. Выбранный говорящим тип обращения к аудитории с самого начала привлекает внимание к речи, помогает установить контакт, настраивает партнеров и слушателей на определенную эмоциональную «волну»: «*My dear friends... of course, problems remain... but the tide is flowing strongly in favour of our ideas, our beliefs*» «Мои дорогие друзья... конечно, проблемы остаются... но наши идеи, наша вера становятся все сильнее, словно их поднимает морской прилив» (из речи М. Тэтчер в 1990 г., когда происходил распад социалистического лагеря) [там же, с. 128].

Таким образом, британский консервативный дискурс, как показывают фрагменты речи У. Черчилля и М. Тэтчер, нацелен на выполнение нескольких прагматических задач. С одной стороны, он рационально-информационен, так как апеллирует к рациональности участников общения, к имеющимся у них знаниям о мире; он структурирует текст и помогает адресату следить за логикой

говорящего. С другой стороны, его цель, как цель любого политического дискурса, состоит в воздействии, в том числе манипулятивном, на сознание и поведение адресата. Поэтому он активно пользуется средствами выражения эмоциональности, охватывающими разные языковые уровни.

Авторы монографии отмечают, что анализ индивидуального дискурса политиков, принадлежащих к определенному политическому направлению, позволяет выявить лингво-идеологические закономерности этого направления и характерные для него способы воздействия на сознание аудитории.

Список литературы

- Зайганов С.С., Митчелл П.Д. Влияние англоговорящих писателей на развитие английского языка в XIX–XX веках // Язык и культура: Сб. статей 28-й Междунар. науч. конф. (25–27 сент. 2017 г.) / отв. ред. Гураль С.К. – Томск: Издат. Дом Том. гос. ун-та, 2018. – С. 35–39.
- Кайзер К.В., Фельде О.В. Устные рассказы о «знатких людях» как нарративный жанр // Язык и культура: Сб. статей 28-й Междунар. науч. конф. (25–27 сент. 2017 г.) / отв. ред. Гураль С.К. – Томск: Издат. Дом Том. гос. ун-та, 2018. – С. 35–39.
- Сергеева Ю.В. «Я» и «Другой» в инокультурном имени: В поисках антропонимической идентичности // Язык и познание в современной науке. – СПб.: Политехника-принт, 2018. – С. 100–107.
- Токарева К.Д. К вопросу о соотношении категорий самости и чужести // Язык и познание в современной науке. – СПб.: Политехника-принт, 2018. – С. 108–113.
- Язык и личность в зеркале консерватизма: Кол. монография / Плаксин В.А., Тхорик В.И., Червякова Е.С., Кричун Ю.А. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2018. – 151 с.

**ЛИНГВИСТИКА И СЕМИОТИКА КУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФЕРОВ: МЕТОДЫ, ПРИНЦИПЫ, ТЕХНОЛОГИИ:**
Кол. монография / отв. ред. Фещенко В.В. – М.: Культурная
революция, 2016. – 500 с.
Реферат

Ключевые слова: трансфер знаний; культурно-языковые практики; конвертируемость знаний; гуманитарное знание; межъязыковое и междискурсивное взаимодействие; технологии и техники культурного и языкового трансфера.

Коллективная монография посвящена разработке лингвистической теории культурного трансфера как «процесса переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами» (с. 5). В качестве базисных принципов культурного трансфера называются: 1) продуктивный характер трансформаций, происходящих в культурном пространстве; 2) равенство взаимодействующих сфер; 3) готовность принятия интегративным культурным пространством новых форм и непредсказуемых результатов взаимодействия.

Проблема «конвертируемости знаний» (с. 6), обусловленная отсутствием общих оснований для обмена профессиональными знаниями на границе сближающихся научных, культурных и профессиональных областей, решается на четырех уровнях: меж- и внутринаучном, меж- и внутриязыковом, дискурсивном и культурно-семиотическом. Содержание монографии отражает уровневую репрезентацию возможностей проявления культурного трансфера.

Во введении «Теория культурных трансферов: От переводов – через cultural studies – к теоретической лингвистике» В.В. Фещенко и С.Ю. Бочавер систематизируют основные постулаты общегуманитарной теории культурного трансфера. Ее истоки

обнаруживаются в 1980-х годах и получают развитие в контексте литературоведческих и историко-культурных трудов французских исследователей М. Эспания и М. Вернера¹. В современном знании интерес к ее положениям стимулируется необходимостью описания характера и анализа успешности или неудачи мультикультурных связей в глобальном аспекте. В диахронической и междисциплинарной перспективе авторами исследуется сам термин *трансфер*, который проходит этапы «концептуальной эволюции» (с. 9), используясь в значении:

1) «бессознательный перенос» – в учении З. Фрейда (употребляется термин *Übertragung*, в переводе на английский – *«transference»*, на французский – *«transfert»*);

2) «взаимоналожение элементов одной языковой системы на элементы другой системы» – в лингвистическом структурализме 1950-х годов, проявившемся в создании математических моделей коммуникации и перевода К. Шенном, У. Уивером, Р.О. Якобсоном, З. Харрисом²;

3) «медиатор кодов культуры» – в концепции Э. Холла;

4) «подвижность и проницаемость поликодовых систем при заведомом несовпадении кодов между коммуникантами» – в учениях представителей Московско-Тартуской и Тель-Авивской семиотических школ;

5) «циркуляция и преображение культурных ценностей и их переосмысление или интерпретация» в новых культурах на современном этапе развития теории культурных трансферов.

В качестве основных постулатов теории культурного трансфера называются снятие оппозиции вида «культура-донор vs культура-реципиент», многокомпонентность (поликодовость) и многонаправленность переносов, расширение пространства культурного трансфера (включение таких сфер, как сферы искусства, семьи, миграции, политика и менеджмент, история и др.). Ценность подобного исследования усматривается, прежде всего, в возможности более подробного изучения пограничных явлений культуры,

¹ Авторы опираются, прежде всего, на определения культурного трансфера, представленного в публикации: Espagne M. Les Transferts culturels franco-allemands. – Р., 1999. – Р. 1–8; Werner M. Transfert culturel // Dictionnaire des sciences humaines. – Р., 2006. – Р. 1175–1177.

² Отмечается, что термином «трансферные механизмы» пользуется Ю. Найда, термином «грамматика трансфера» – З. Харрис. – *Прим. реф.*

не получивших описания, или определения места известных явлений в более широком спектре гуманитарного знания.

В разделе первом «Гуманитарное знание: Межнаучный трансфер по данным языка» исследуется общая проблематика культурного трансфера на границах гуманитарного знания. Описываются различные типы знания и эпистемологии гуманитарных наук, языковые техники межпарадигмальных и транспарадигмальных переходов, антропологические факторы трансферизации знания, лингвистические и внелингвистические составляющие модели коммуникативного взаимодействия.

В главе первой В.И. Постовалова определяет знание как «многомерное и многоплановое образование, существующее во множестве конкретных форм своих проявлений и эпистемологических типов» (с. 39). Такое расширенное понимание феномена связывается с совершенствованием гуманитарных технологий, сопровождающим антропологический, лингвистический и коммуникативный повороты в научном познании. В результате возникают разные пути трансферизации знания:

1) переформатирование как конвертация знаний из одних культурно-дискурсивных форматов в другие (примером может служить переформулирование одной научной концепции на языке другой);

2) спецификация, в ходе которой перенесенные знания адаптируются к новой среде своего существования (в качестве примера рассматривается подчинительная роль философских и инженерных научных методов для решения лингвокогнитивных задач). Отдельно исследуются процедуры переноса знания (распредмечивание и опредмечивание, конфигурирование концептуального пространства, мифологизация и др.), которые неизменно сопровождаются смысловыми модификациями знания. Отмечается, что при трансферизации знаний в культуре и духовной жизни фиксируются глобальные смысловые модификации, что проявляется в «переключении исследовательского внимания от сущности к форме» (с. 55). Критерием адекватности проведенной трансферизации может служить соблюдение «эпистемологической гомогенности» (там же), которая проявляется в соблюдении принятых в данной сфере запретов при переносе знаний и в трансцендировании только знаний, релевантных для установления взаимосвязи языка и религии, теологических и лингвистических представлений.

В главе второй В.З. Демьянковым исследуются языковые техники презентации научных достижений, сопровождающие эво-

люсию научной мысли. Трансфер знаний при этом понимается как «передача не только эмпирических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе теоретических подходов и в решении научных проблем» (с. 65). Такой трансфер происходит при становлении новой научной парадигмы в результате интеллектуальных революций в условиях новой постановки вопросов о предметах или объектах исследования. Целесообразно выделение двух классов трансфера знаний в лингвистике:

- 1) связанного с экспортом достижения лингвистической мысли за пределы языкоznания (например, в литературоведение или философию);
- 2) связанного с импортом в языкоznание идей из иных дисциплин (например, математики).

Автор систематизирует параметры и языковые техники трансфера научной мысли, которые используются в презентации научных прорывов в специальных и научно-популярных публикациях:

- 1) резкий рост объяснительности (рост наблюдений, обнаружение противоречий в данных, появление новых объясняющих гипотез);
- 2) превосходство нового над старым (прояснение формулировок, разграничение понятий, устранение противоречий в формулировках, в том числе с помощью пиаровских техник);
- 3) межэпохальность и межпоколенность (нарочито явная подача расхождений с предшественниками, креативность взгляда);
- 4) наддисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность (перенос теоретических достижений из одной научной дисциплины в другую);
- 5) персональность vs надличностность (продвижение либо центральных фигур научной революции, либо ее прототипической теории);
- 6) развенчание очевидности (поиск и предъявление парадоксов). Трансфер знаний, сопровождающий отдельные «повороты» мысли (например, лингвистический, прагматический, когнитивный), отличается меньшим драматизмом и конфронтацией, чем развивающийся в условиях научной революции.

В разделе втором «Понятийный аппарат филологических наук: Переводимость и конвертируемость» рассматриваются параметры междисциплинарного знания посредством обращения к междисциплинарным терминам в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, переводоведении и в лингвосемиотике.

В главе второй И.В. Зыкова исследует характер междисциплинарного трансфера при формировании метаязыка лингвокультурологии. Автор исходит из понимания статуса лингвокультурологии как автономной междисциплины, что обуславливает, с одной стороны, существование ее собственного метаязыка и, с другой – многомерность и разновекторность ее объекта изучения. Специфика метаязыка лингвокультурологии определяется тем, что его лингвистическая составляющая имеет тождественную субстанцию с объектом изучения (т.е. в качестве объекта изучения выступает сам язык), а нелингвистическая подразумевает присутствие иных объектов (культура, общество, психологические процессы), что подразумевает существование «широкого контекста дисциплинарных взаимодействий и междисциплинарных отношений» (с. 190). Под метаязыком такой дисциплины понимается «сложно организованная формация, ядром которой является система концептуально связанных и методологически обусловленных понятийно-терминологических единиц» (с. 191). В качестве базисных единиц метаязыка лингвокультурологии автор называет следующие: лингвокультурный концепт, культурную память, личность, культурную информацию, концептосферу, лингвокреативность, многоступенчатый характер формирования которых позволяет автору предположить, что междисциплинарный трансфер является технологией метаязыкового творчества как процесса построения метаязыковой системы междисциплины. На примере анализа понятия «концептосфера» автор демонстрирует возможности интегрирования знания разных наук путем встраивания отдельных единиц в контекст общего знания и генерирования метаязыковых единиц, что обеспечивает концептуальную целостность устройства метаязыка. Понятие, созданное по аналогии с естественнонаучными терминами «ноосфера» и «биосфера», переносится в лингвокультурологию из филологии и культурологии; активность данной модели переноса подтверждает образование родственных понятий («семиосфера», «логосфера») в других междисциплинах. Процесс адаптации понятия «концептосфера» в качестве метаязыкового в рамках лингвокультурологии завершается закреплением трех разновидностей термина: «концептосфера культуры», «концептосфера языка» и «концептосфера личности». Через адаптацию данного понятия в лингвокультурологии получает развитие важная лингвокультурологическая идея о «наличии отличной от природы сферы жизни и деятельности человека, в пределах которой он живет и с которой взаимодействует, выступая по отношению к ней

одновременно и ее субъектом (актором, творцом), и объектом ее воздействия» (с. 195). Автор резюмирует, что междисциплинарный трансфер способствует не только развитию, но и «обновлению метаязыковой научной системы за счет импортирования в нее релевантных знаний» (с. 199).

В главе третьей И.А. Пильщиков исследует понятие «поэтическая функция языка» как подвергающееся продуктивному переосмыслению в процессе множественных трансферов, включающих переводы с одного языка на другой и переносы из одной концептуальной системы в другую. Исходным моментом такой трансформации называется разноплановость в понимании смысла как характеристики моделей коммуникации в семиотических концепциях отечественных и зарубежных ученых начала и середины XX в. Притом что любой акт коммуникации является актом перевода, остается открытым вопрос о возможности существования инвариантного смысла или содержания как независимого от кода. В моделях Р.О. Якобсона, К. Шеннона, К. Бюлера признается наличие такого смысла, однако любой перевод «трансформирует исходное значение, порождая новое; значение оказывается себе-не-равным в процессе переозначивания (семиозиса)» (с. 207). В то же время в модели коммуникации Ю.М. Лотмана наличие общего смысла у адресата и адресанта отрицается, так как их семиотические системы характеризуются неполной взаимной переводимостью. Якобсоновская модель коммуникации в единстве ее шести основных компонентов (адресант, адресат, сообщение, контекст, код, контакт) в качестве одной из доминирующих установок имеет ориентацию на реализацию поэтической функции языка, направленной на сообщение или смысл. Термин «установка» или «доминанта» как ориентация на сам смысл (в противоположность ориентации на референта в модели коммуникации К. Бюлера) получает последующее развитие в учениях в области поэтики Г. Шпета, Ю. Тынянова, Г.О. Винокура, Я. Мукаржовского и др., где этот термин определяется как «фокусирующий компонент», «поэтическая функция», «преобладающая функция», «организующая доминанта», «выдвинутость», «актуализация». Автор отмечает, что при переводе с языка на язык при терминологизации данного феномена модифицируются такие компоненты значения, как «интенциальность», «направленность», «конститутивность», что обуславливается потерями при переводе и терминологической непоследовательностью. В результате трансформируется само определение поэтической функции.

В разделе третьем «Межъязыковое и междискурсивное взаимодействие в перспективе культурных трансферов» на материале различных форм языка (поэтического языка, языка манипулятивного воздействия, языка науки и искусства, письменной и устной речи) исследуются междискурсивные показатели трансфера.

В главе первой Н.М. Азаровой рассматриваются пути межъязыкового трансфера в дискурсивных практиках поэтов-билингвов. Билингвизм, или «биглоссия» (с. 256) в поэзии как принадлежность одновременно двум культурам и двум литературным традициям и ранее получал освещение преимущественно при решении частных вопросов формирования национальных литературных языков, но не становился объектом самостоятельной теории. Разрабатываемая теория предусматривает: 1) изложение лингвосемиотических и когнитивных оснований феномена; 2) изучение способов его реализации как инструмента культурного трансфера; 3) типологизацию его форм (билингвизм поэта, поэтический билингвизм, билингвизм поэтического текста); 4) учет временных, языковых, литературных, статусных и иных факторов междискурсивного взаимодействия. В качестве языковых показателей многоязычного текста выступают: 1) слова-шифтеры или слова трансфера собственного языкового сознания, входящие в межъязыковое пространство (например, слова *роза*, *кровь-блуд-Blut* (нем. «кровь»)), которые «возвещают преодоление границы языков и возможность одновременного присутствия в разных языках и между ними» (с. 261); 2) переключение кодов и хеджирование для де-интенсификации табуированной информации; 3) полилингвальные форматы. Автор анализирует особенности языковой категоризации у поэтов-билингвов (например, изолированное от семантики пола представление о категории рода в языке), межсемиотические переходы (более легкий, привычный трансфер и комбинация семиотических систем), культурные переходы (возможность реализовывать разные коммуникативные стратегии, расширение сферы адресации), звуковые и графические особенности (конструирование звукового и графического образа «чужого языка»). В целом, наличие межсемиотических, междискурсивных и межкультурных переходов в текстах поэтов-билингвов формирует самобытную дискурсивную практику, которая начинает распространяться и на поэзию монолингвов.

В главе четвертой Т.Е. Янко и А.Л. Полян исследуют взаимодействие письменного и устного дискурсов на материале соответствие их коммуникативных и интонационных структур в со-

временных национальных языках и в языках, которые вышли из разговорного употребления.

Использование современных компьютерных программ для анализа устной речи (Speech Analyzer и Praat) позволяет верифицировать слуховые впечатления исследователя при восприятии им звуковой речи. С опорой на понятие «коммуникативная парадигма предложения» (введено и развито И.И. Ковтуновой и Е.В. Падучевой¹), с помощью которого системно описываются предложения с одинаковой лексико-синтаксической, но разной линейно-интонационной структурой, авторы анализируют коммуникативную структуру, учитывая тему и рему предложения, их компонентов, а также более крупных единиц плана содержания предложения. Предлагается использовать интегративный подход для изучения коммуникативных характеристик звучащей речи, сочетающий трансформационную и композиционную модели анализа. Трансформации привносят в структуры такие значения, как «значение мечтательного воспоминания, значение идентификации, интерпретацию события как нерасчлененного факта» (с. 366).

Композиционная модель описывает системные проявления, например, «контраст увеличивает диапазон изменений частоты основного тона и интенсивность, эмфаза увеличивает время звучания» (с. 367). Так, показано, что выбор акцентоносителя в реме (на материале русского языка) определяется целым рядом параметров (а не распространенным ранее заблуждением о том, что акцентоноситель ремы – это конечное слово в предложении): линейными, иллоктивными, текстовыми и культурно-обусловленными параметрами. Анализ примеров в актерском исполнении, в которых озвучиваются предложения с начальной именной группой-новым, демонстрирует вариативность в плане интерпретации темы и ремы: это может быть либо традиционная тема – рематическая трактовка, либо двойной рематический акцент, либо тема, осложненная эмфазой; каждый вариант предполагает особое акцентное и мелодическое оформление.

Однако в ситуациях, когда язык вышел из разговорного употребления, оставшись только в письменной форме (используется термин «спящий язык», с. 391), особенности рецитации

¹ См.: Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976. – 239 с.; Падучева Е.В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // Научно-техническая информация. Сер. 2. – М., 1984. – № 10. – С. 25–31.

определяются группой параметров в рамках оппозиции «устное – звучащее – не записанное – спонтанное – речь» vs «письменное – не звучащее – записанное – неспонтанное – текст» (с. 394). Устная поэзия на спящем языке в большой степени связана с письменностью, вариативность интерпретирующей декламации в этих условиях значительно ниже.

В разделе четвертом «Взаимодействие кодов в культурных практиках» рассматриваются формы трансфера в различных культурно-языковых практиках.

В главе первой С.Г. Проскурин и А.В. Проскурина исследуют культурно-семиотические типы трансформации («типовы мутации», с. 407) библейских выражений, употребляемых носителями современного английского языка. Называются четыре типа трансформаций:

1) переосмысление конвенциональных формул по модели «одна формула – два смысла» (исх. *«Land of Nod»* «Земля Нод» и совр. *«the land of Nod»* «страна сна»); 2) лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры (разные варианты перевода библейских текстов (исх. *«And God said, Let there be light»* «И сказал Бог: да будет свет» и позднее *«And God said: Be light made»*); 3) порождение новых сочетаний с иной семантической структурой (исх. *«bear cross»* «нести крест» и совр. *«We all have our crosses to bear»* «У всех нас есть наши кресты, которые надо нести»); 4) описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом (совр. *«Will the wave beget the tsunami?»* «Породит ли волна цунами?»). Отмечается, что «формы репликации информации в языке связаны с типами мутации адаптированных формул и с коммуникативным расширением формул в синтагматике и передачи информации в парадигматике» (с. 424); при этом выделенные четыре типа «коррелируют с типом изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами» (с. 425).

М.Л. Ковшова сосредоточивается на анализе семиотического пространства культуры, где «знаки самой разной субстанции становятся носителями культурной значимости или ценностного содержания» (с. 473), формируя код культуры. На материале лексических единиц, именующих головные уборы, автор исследует типы информации знаков, которые приобретают статус символов, эталонов и стереотипов:

1) наивно-языковая информация, которая заключена в денотативном компоненте значения (понятия *шапка*, *колпак* как содер-

жащие указание на основную функцию убора и первейший культурный смысл);

2) культурно-историческая информация (*шапокляк, сомбреро, колчаковка*);

3) ценностно-прескриптивная информация (*шляпа* как стереотип интеллигента). Все перечисленные виды культурной информации передаются фразеологизмами и паремиями, языковое значение которых «интерпретируется в пространстве культурного знания» (с. 482). Прежде всего, во фразеологизмах хранится и передается информация ценностно-прескриптивного плана (например, фразеологизм *собаку съесть* ‘об опытном человеке’ кодирует древнейшую связь еды и усвоения знаний, при этом с образом собаки в русском сознании связано представление о большом количестве, см. *как собак нерезанных, собак развелось!*). Опорой в понимании фразеологизмов служат кодируемые в их моделях культурно значимые смыслы, отсылающие к архетипическим, исходным культурным ценностям. При переводе фразеологизмов с языка на язык необходимо осуществлять перевод с культуры на культуру, сохраняя при этом характер ценностно-прескриптивной информации. При подборе русскоязычного фразеологического эквивалента для вьетнамской идиомы букв. *продавать лицо земле, продавать спину небу* с опорой на информацию сигнификативного компонента необходимо руководствоваться набором сем «усердно», «максимально», «напряженно»; наиболее близким в культурном соответствии окажется русский фразеологизм *в поте лица [своего] трудиться*. Автор показывает, что «в образах фразеологизмов отображен культурно маркированный взгляд на мир, который порой «зашифрован» для самого носителя языка и реконструируется только методом глубокой интроспекции» (с. 495).

Таким образом, в коллективной монографии показана в глобальном семиотическом плане (научном, дискурсивном, языковом и др.) определяющая роль культурного трансфера в современном гуманитарном познании.

М.И. Куосе

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
СВОЕ. ЧУЖОЕ. УНИВЕРСАЛЬНОЕ**

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 29/Х – 2019 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 53

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997**
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
Тел.: 8-800-7000-86-33 / (845-2) 24-86-33